

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

2011. № 1

Научно-практический журнал
Северо-Западной академии
государственной службы

Выходит четыре раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199178, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335 94 72, 335 42 16

Факс.: (812) 335 42 16

E-mail: uk@szags.ru

© Северо-Западная академия государственной службы, 2011

© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2011

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Горшков А. С.** — ректор Северо-Западной академии государственной службы, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург) — председатель совета;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург) — заместитель председателя совета;
- Артамонов В. С.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);
- Киричук С. М.** — доктор социологических наук (Москва);
- Межевич Н. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Михеев Ю. А.** — заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Понедельков А. В.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сулсов В. И.** — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (Новосибирск);
- Филиппов Г. Г.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — действительный член Российской академии наук, доктор химических наук, профессор, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий РФ (Санкт-Петербург).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург) — *главный редактор журнала*;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елфимов Г. М.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Кашина М. А.** — кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Курзенев В. А.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

- 5 **А. С. ГОРШКОВ**
Формировать новое качество власти

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 15 **А. А. СТАРОВОЙТОВ**
К вопросу о конституционном характере административной реформы
- 26 **И. И. МАКАРОВ**
Административно-территориальное устройство системы местного самоуправления Ленинградской области
- 37 **И. В. ШПЕКТОРЕНКО**
Термин «профессионализм» в современном политико-управленческом дискурсе

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 48 **А. В. ДУКА**
Концептуальные основания анализа властных элит
- 63 **В. Э. ШЛЯПЕНТОХ**
Влияние элиты на структуру ценностей россиян
- 77 **А. Е. ЧИРИКОВА**
О понятии «элита»: есть ли выход из тупика определений?
- 89 **Г. Н. КРАСНОЛУЦКИЙ**
Политическая альтернатива России: элитизм или элитаризм?
- 100 **Т. Б. ВИТКОВСКАЯ**
Локальная политическая элита в условиях общественных трансформаций
- 112 **Г. Г. ФИЛИППОВ**
Опыт классификации технологий социального манипулирования
- 123 **С. В. АКОПОВ**
Основные подходы к построению политического сообщества в эпоху глобализации
- 135 **И. Д. ПЕСКОВЕЦ**
Регулируемая многополярность как модель перспективной системы глобальной стратегической стабильности

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 145 **Л. Г. КАРАНАТОВА**
Иностранные модели управления государственными заказами: вопросы теории и практики

- 161 И. К. САНДОМИРСКАЯ**
Региональные аспекты устойчивого развития
- 170 А. В. ЕВСЕЕВА**
Правовые аспекты становления и развития агропромышленного комплекса в Российской Федерации

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 178 Л. Б. КАПУСТИНА**
Парадоксы «глокальных культур»: глобализация в экономике, политике и культуре
- 190 В. В. САВЕЛЬЕВ**
О переходе к национально-культурному вектору внутренней политики
- 201 Е. В. ЗЕЛЕНЦОВА**
Культура как *ultimo ratio* для России
- 213 С. Н. ГАВРОВ**
О роли личности в истории: патриарх Кирилл

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 218 В. А. ГУТОРОВ**
Наследие И. Канта в структуре современной политической философии

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

По инициативе Всероссийского института научно-технической информации РАН журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» прошел экспертизу у ведущих специалистов ВИНТИ РАН, информация о нем размещается в Реферативном журнале и базах данных ВИНТИ РАН

Статьи научного журнала СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается

ФОРМИРОВАТЬ НОВОЕ КАЧЕСТВО ВЛАСТИ

Ключевые слова:

образовательное учреждение, система образования, государственные служащие, эффективность государственного управления

Key words:

educational institution, system of education, public servants, effectiveness of public administration

Статья предваряет 25-й выпуск научно-практического журнала «Управленческое консультирование», издателем которого является Северо-Западная академия государственной службы (СЗАГС). Журнал является одним из немногих изданий, посвященных научному обсуждению проблем развития государственной и муниципальной службы России.

The article introduces 25th issue of the academic and research magazine “Upravlencheskoe Konsultirovanie”, published by the North-West Academy of Public Administration (NWAPA). The magazine is one of a few issues devoted to scientific discussion of the problems of state and municipal service development in Russia.

Представленный вашему вниманию 25-й выпуск научно-практического журнала, издателем которого является Северо-Западная академия государственной службы, открывает юбилейный для академии год. В декабре исполняется 20 лет с момента основания нашего учебного заведения, снискавшего известность и авторитет в нашей стране и за рубежом. Следует отметить, что номер выходит накануне значительных изменений в жизни самой Северо-Западной академии государственной службы.

Указом Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1140 было образовано новое федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Таким образом, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ и Российская академия государственной службы при Президенте России, а также 12 региональных академий государственной службы будут объединены и образуют одно уникальное высшее учебное заведение. В результате этого объединения создается самое крупное высшее учебное заведение в России, которое станет одновременно одним из самых больших вузов мира, насчитывающим более 150 тыс. обучающихся. Территория ответственности этого вуза не имеет аналога — от Калининграда до Хабаровска, от Мурманска — до Пятигорска. Иначе

говоря, от Крайнего Севера до южных границ России, от самого западного города нашей страны — почти до самого восточного.

В составе вновь созданной академии — более 60 образовательных структур, отдельных учебных заведений. Только в СЗАГС с ее 12 филиалами — крупнейшей образовательной структуре, вошедшей в состав новой академии — ежегодно обучение проходят 25 тыс. студентов и до 15 тыс. слушателей. Таким образом, сегодня статус Северо-Западной академии государственной службы как части Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, безусловно, повышается.

Благодаря огромному научному, образовательному потенциалу новый вуз сразу оказывается в элитной группе высших учебных заведений России. Ни один вуз в России в этом секторе образовательных услуг не сможет конкурировать с Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ректором РАНХиГС назначен известный ученый-экономист В. А. Мау.

Количество образовательных программ, по которым будет вестись обучение, потрясает — подготовка, переподготовка и повышение квалификации государственных и муниципальных служащих и, наконец, бизнес-образование, которое широ-

ко представлено в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Поэтому объединение усилий всех структур, их образовательной и научной деятельности, безусловно, даст синергетический эффект, позволяющий выйти на новое качество обучения.

После 2006 г., когда региональные академии были выведены из системы Российской академии государственной службы, каждое учебное заведение действовало автономно. И надо отметить, что вследствие такой реорганизации мы многое потеряли, т. к. не могли претендовать на государственный заказ от федерального центра. СЗАГС сохраняла статус базового вуза только по обучению госслужащих для органов государственной власти Северо-Западного федерального округа. Соответственно, количество бюджетных мест с каждым годом сокращалось. Сегодня, в связи с реорганизацией, Северо-Западная академия государственной службы удовлетворяет всем требованиям федерального государственного заказа. Поэтому мы рассчитываем на увеличение бюджетных мест. Если в 2010 г. на бюджетные места было принято только 260 человек, то в 2011 г. рассчитываем на существенно большее число студентов-первокурсников, которые будут обучаться на бюджетной основе.

Академия к этому готова. В состав СЗАГС вошел Санкт-Петер-

бургский социальный техникум, и наши программы высшего образования теперь дополнены тремя специальностями среднего профессионального образования для выпускников школ с девятью и одиннадцатью классами. Вместе с техникумом мы получили и студенческое общежитие на 640 мест. Оно длительное время использовалось неэффективно, сейчас там идет ремонт, а первокурсники 2011 г. уже смогут в нем поселиться. Можно с уверенностью сказать, что Петербург сохраняет традиции национального образовательного центра. Поэтому на первый курс мы примем большое число иногородних абитуриентов.

Профессорско-преподавательский состав академии работает над адаптацией учебных программ к переходу на стандарты третьего поколения. В учебный процесс уже введены на системном уровне информационные образовательные технологии, в обязательном порядке проводится компьютерное тестирование, а также Интернет-экзамен. В самое ближайшее время планируется открытие ситуационного центра.

Особое внимание в академии уделяется модернизации процесса профессионального развития государственных служащих. Являясь одним из элементов системы подготовки кадров для государственной службы и имея значительный опыт подготовки, переподготовки и по-

вышения квалификации государственных служащих, СЗАГС вносит свою лепту в решение проблемы реформирования государственной службы. Совершенствование всей системы образования государственных служащих, наряду с ликвидацией выявленных в процессе ее функционирования слабых мест, должно в полной мере соответствовать вызовам времени. Каждый специалист, получивший образование в нашей системе, должен удовлетворять простым и понятным всем требованиям — компетентность, порядочность, ответственность и патриотизм.

Образовательный процесс в академии неразрывно связан с научно-исследовательской деятельностью профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов СЗАГС. За последние несколько лет существенно увеличился объем научных исследований, осуществляемых учеными академии, в поле самого пристального внимания остаются проблемы реформирования государственной службы и становления системы местного самоуправления. Особо следует упомянуть разработанные академией универсальные методики расчета численности аппарата, учитывающие неизбежные флуктуации как трудозатрат на выполнение государственных функций, так и объема годового фонда рабочего времени государственных служащих. Предложенные академи-

ей методики носят общий характер и могут быть применены ко всем исполнительным органам государственной власти вне зависимости от профиля управленческой деятельности (см.: [12]).

Конечно, предстоит огромная работа. Необходимо подготовить множество документов, решить имущественные и финансовые вопросы. Потребуется новая организация учебного процесса и модель управления. Очевидно, что процесс перехода займет не менее полугода, но мы ожидаем позитивных изменений. Академия народного хозяйства, которая стала головной структурой нового вуза, известна высоким уровнем программ подготовки топ-менеджеров, ее бизнес-программы сертифицированы на международном уровне и широко востребованы. Уверен, что нам удастся совершенствовать образовательную деятельность за счет применения этих методик. С другой стороны, сеть вузов, сформировавшихся при Академии государственной службы, известна своими программами по подготовке государственных и муниципальных служащих. Объединение наших потенциалов — полезный шаг для повышения качества образования.

Новые требования сегодня предъявляются и к научному периодическому изданию СЗАГС. Следует отметить, что журнал «Управленческое консультирование» — одно

из немногих изданий, посвященных научному обсуждению проблем развития государственной и муниципальной службы России. В руководящие органы журнала (редакционный совет и редакционную коллегию) входят известные деятели науки, среди них — заслуженный работник высшей школы РФ, доктор педагогических наук, профессор А. С. Горшков, вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук Г. В. Двас, председатель Комитета Совета Федерации РФ по вопросам местного самоуправления, президент Единого общероссийского объединения муниципальных образований (Общероссийского конгресса муниципальных образований), доктор социологических наук С. М. Киричук, академик РАН, доктор химических наук, В. Я. Шевченко, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники В. С. Артамонов, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор И. И. Елисеева, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор В. И. Суслов, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, профессор В. А. Курзенев, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор

политических наук, профессор А. В. Понеделков, доктор фило-софских наук, профессор СПбГУ В. А. Гуртов и др.

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал «Управленческое консультирование» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. И это не случайно: журнал является общероссийским и известен широкой научной общественности. Авторами опубликованных в журнале научных статей стали государственные деятели РФ и государств СНГ (см., напр.: [5; 19; 22; 34; 35; 36; 40]), ведущие ученые [11; 30; 31; 32; 48], коллеги из вузов Санкт-Петербурга [4; 33] и родственных академий государственной службы [6; 17; 25; 37; 38] и народного хозяйства России [16; 18], ближнего [3; 10; 26] и дальнего зарубежья [24; 45; 46].

Научные публикации в журнале «Управленческое консультирование» являются своего рода апробацией в подготовке докторских диссертаций для ряда сотрудников академии и ее филиалов (см., напр.: [7;

9; 15; 28; 39; 42; 49]). Выполненные по разным отраслям науки — политологии, экономике, праву — все эти работы направлены на решение актуальных проблем государственного и муниципального управления. Активные участники исследовательского процесса в СЗАГС — работники ректората [7; 8; 12; 47], руководители факультетов [15; 23; 27; 42], кафедр [1; 2; 14; 29; 41; 42; 43; 44], преподаватели [13; 20; 21] — неоднократно делились результатами своих исследований на страницах журнала.

Основная тематика научных статей, опубликованных в журнале в 2005–2010 гг., связана с экономической, политологической и социологической проблематикой и вопросами управления. Научные публикации журнала направлены не только на широкое представление научного потенциала академии и утверждение СЗАГС в качестве экспертно-аналитического центра Северо-Запада России, но и на решение масштабных задач, связанных с повышением эффективности государственного управления на всех уровнях — от центра и до отдельного муниципального образования, способствуя, таким образом, формированию нового качества власти в Северо-Западном федеральном округе.

1. *Александров В. Б.* Формы существования и природа культуры // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 191–221.
2. *Антонова Л. И.* Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930-е гг.) // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 136–155.
3. *Ахметов А. С.* Административная реформа — основа модернизации системы государственного управления Республики Казахстан // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 14–19.
4. *Ачкасов В. А.* Россия в глобальном мире // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 83–87.
5. *Ашуров М. К.* Поиск мирного разрешения межтаджикского конфликта в деятельности политических институтов // Управленческое консультирование. 2007. № 1. С. 113–116.
6. *Барциц И. Н.* Международные методики оценки эффективности государственного управления // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 10–26.
7. *Васецкий А. А.* Лоббизм в политическом процессе современной России // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 79–97.
8. *Волков В. А.* Методологические основания разрешения социальных конфликтов // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 87–93.
9. *Востряков Л. Е.* Руководители районных органов культуры Северо-Запада России: социальный портрет, готовность к изменениям // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 40–59.
10. *Ганчеренок И. И., Рафикова А. Р.* Идеологическая составляющая качества здоровья // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 176–187.
11. *Головнев А. В.* Российский Север: народы и границы // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 183–190.
12. *Горшков А. С.* О едином подходе к определению численности государственных служащих исполнительных органов власти: методика расчета // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 5–13.
13. *Древаль И. В.* Практика взаимоотношений регионального и муниципального уровней управления глазами муниципалов (по материалам экспертного исследования в рамках программы TACIS) // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 14–20.
14. *Елфимов Г. М.* Понятие «нового» в теории эмерджентной эволюции // Управленческое консультирование. 2009. № 1. С. 187–222.
15. *Засядь-Волк В. В.* Факторы эффективной земельной политики в регионе // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 62–82.
16. *Зеленцова Е. В.* От творческих индустрий к творческой экономике // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 190–199.
17. *Зерчанинова Т. Е.* Социальная эффективность деятельности органов местного самоуправления городских округов // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 21–29.
18. *Зуев С. Э., Васецкий А. А.* Кластеризация территорий — новые принципы региональной политики России // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 95–110.
19. *Ивашев Л. Г.* Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. 2006. № 2. С. 42–51.
20. *Кашина М. А.* Гендерно ориентированная социальная политика // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 145–163.
21. *Кириллов А. Л., Башкеева Н. В., Прасолова В. В.* Персонал государственной службы: методы определения численного состава // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 58–71.
22. *Киричук С. М.* Повышение эффективности и результативности работы органов местного самоуправления при участии в приоритетных национальных проектах // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 31–36.
23. *Клюев А. В.* Приоритеты социальной сферы в условиях современного российского общества //

- Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 169–177.
24. *Кнорр А.* Экономизация государственного управления // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 124–146.
 25. *Константинова Л. В.* К понятию «социальная политика» в современной общественной теории // Управленческое консультирование. 2005. № 2. С. 108–124.
 26. *Коротич Е. Б.* Государственное управление региональным развитием Украины // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 39–43.
 27. *Косов Ю. В.* Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 91–97.
 28. *Костюков А. В.* Приоритеты кадровой политики в системе регионального управления // Управленческое консультирование. 2006. № 1. С. 119–125.
 29. *Курзнев В. А.* О направлениях исследований систем государственного и муниципального управления // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 116–127.
 30. *Ледяев В. Г.* Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 27–45.
 31. *Межуев В. М.* Государство и культура: теоретические предпосылки культурной политики // Управленческое консультирование. 2008. № 1 С. 63–78.
 32. *Мельвиль А. Ю.* Россия и болонские реформы // Управленческое консультирование. 2005. № 3. С. 177–179.
 33. *Мельник Г. С., Виноградова С. М.* Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 75–84.
 34. *Мионов С. М.* Современная стратегия просвещения // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 187–189.
 35. *Мокрый В. С.* Правовое регулирование организации местного самоуправления в городах федерального значения // Управленческое консультирование. 2007. № 3. С. 34–39.
 36. *Нестеров А. Г.* О Координационном совете по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 42–44.
 37. *Романов В. Л.* Организационная культура государственной службы // Управленческое консультирование. 2009. № 2. С. 5–24.
 38. *Савельев В. В.* Национально-культурная политика как российская реальность // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 157–168.
 39. *Садыхова А. А.* Евроислам: миф или реальность? // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 90–98.
 40. *Сафаралиев Г. К.* Кадры и реализация реформы местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2005. № 3. С. 23–27.
 41. *Сергеевнин С. Л.* О некоторых аспектах современного конституционализма // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 71–82.
 42. *Старовойтов А. А.* О системном подходе в изучении проблем правового регулирования организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2005. № 4. С. 73–80.
 43. *Филиппов Г. Г.* Новые организационные технологии — управляемая дезорганизация // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 189–199.
 44. *Ходачек В. М.* Национальное стратегическое планирование как условие устойчивого развития российской экономики // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 96–103.
 45. *Цзэн Сяньчжи.* Пекин как ключевая составляющая экономики региона Бохайского залива // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 126–134.
 46. *Чжан Лунхуа.* Развитие Пекина в условиях экономического кризиса // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 135–144.
 47. *Шитарев В. И.* Северо-Западная академия государственной службы: устремленность в буду-

- ще // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 21–37.
48. Щербина В. В., Ермолаев В. Н. Логика и механизмы развития предприятий малого бизнеса (на примере частных стоматологических клиник г. Москвы) // Управленческое консультирование. 2007. № 3. С. 171–197.
49. Яновский В. В. Туннельный эффект для барьеров инновационной экономики // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 71–80.

References

1. *Alexandrov V. B.* Formy suschestvovaniya i priroda kulturi // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 2. S. 191–221.
2. *Antonova L. I.* Revolyutsionnaya kodifikatsiya zakonodatelstva RSFSR (1920–1930) // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 4. S. 136–155.
3. *Ahmetov A. S.* Administrativnaya reforma — osnova modernizatsii systemi gosudarstvennogo upravleniya Respubliki Kazahstan // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 1. S. 14–19.
4. *Achkasov V. A.* Rossia v globalnom mire // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 4. S. 83–87.
5. *Ashurov M. K.* Poisk mirnogo razresheniya mezhtadzhikskogo konflikta v deyatelnosti politicheskikh institutov // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2007. № 1. S. 113–116.
6. *Bartsits I. N.* Mezhdunarodnye metodiki otsenki effektivnosti i gosudarstvennogo upravleniya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 4. S. 10–26.
7. *Vasetskiy A. A.* Lobbizm v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 1. S. 79–97.
8. *Volkov V. A.* Metodologicheskie osnovaniya razresheniya sotsialnih konfliktov // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 2. S. 87–93.
9. *Vostriakov L. E.* Rukovoditeli raionnih organov kultury Severo-Zapada Rossii: sotcialny portret, gotovnost' k izmeneniyam // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2005. № 2. S. 40–59.
10. *Gancherionok I. I., Rafikova A. R.* Ideologicheskaya sostavlyayuschaya kachestva zdorovya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 4. S. 176–187.
11. *Golovnev A. V.* Rossiysky Sever: narody i granitsy // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 3. S. 183–190.
12. *Gorshkov A. S.* O edinom podhode k opredeleniyu chislennosti gosudarstvennih sluzhaschih ispolnitelnykh organov vlasti: metodika rascheta // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 3. S. 5–13.
13. *Dreval I.V.* Praktika vzaimootnosheniya regionalnogo i munitsipalnogo urovney upravleniya glazami munitsipalov (po materialov ekspertnogo issledovaniya v ramkah programmy TACIS) // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2008. № 3. S. 14–20.
14. *Elfimov G. M.* Ponyatie “novogo” // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 1. S. 187–222.
15. *Zasyad-Volk V. V.* Faktory effektivnoy zemelnoy politiki v regione // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2007. № 2. S. 62–82.
16. *Zelentsova E. V.* Ot tvorcheskikh industry k tvorcheskoy ekonomike // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 3. S. 190–199.
17. *Zerchaninova T.E.* Sotsial'naya effektivnost' deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya gorodskikh okrugov // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 4. S. 21–29.
18. *Zuev S. E., Vasetskiy A. A.* Clusterizatsiya territory — novye printsipi regionalnoy politiki Rossii // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 2. S. 95–110.
19. *Ivashev L. G.* Voennaya reforma v sovremennoy Rossii: sostoyanie i perspektivy // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 2. S. 42–51.
20. *Kashina M. A.* Genderno orientirovannaya sotsial'naya politika // Upravlencheskoe Konsultirovanie. № 1. S. 145–163.
21. *Kirillov A. L., Bashkeeva N. V., Prasolova V. V.* Personal gosudarstvennoy sluzhby: metody opredeleniya

- chislennogo sostava // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 2. S. 58–71.
22. *Kirichuk S. M.* Povyshenie effektivnosti i rezultativnosti raboty organov mestnogo samoupravleniya pri uchastii v prioritetnykh natsionalnykh proektakh // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 3. S. 31–36.
 23. *Klyuev A. V.* Prioritety sotsialnoy sfery v usloviyakh sovremennoy rossiysskogo obschestva // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 4. S. 169–177.
 24. *Knorr A.* Economizatsiya gosudarstvennogo upravleniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2008. № 2. S. 124–146.
 25. *Konstantinova L.V.* K ponyatiyu “sotsialnaya politika” v sovremennoy obschestvennoy teorii // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2005. № 2. S. 108–124.
 26. *Korotich E. B.* Gosudarstvennoe upravlenie regionalnym razvitiem Ukrainy // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2007. № 4. S. 39–43.
 27. *Kosov Yu. B.* Osobennosti geopoliticheskikh protsessov v Tsentralnoy Evrope // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 3. S. 91–97.
 28. *Kostyukov A. B.* Prioritety kadrovoy politiki v sisteme regionalnogo upravleniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 1. S. 119–125.
 29. *Kurzenev V. A.* O napravleniyakh issledovaniy sistem gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 4. S. 116–127.
 30. *Ledyayev V. G.* Politicheskaya vlast: kontseptual’niy analiz // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 27–45.
 31. *Mezhuev V. M.* Gosudarstvo i kultura: teoreticheskie predposylki kulturnoy politiki // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2008. № 1 S. 63–78.
 32. *Mel’vil’ A. Yu.* Rossiya i Bolonskie reformy // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2005. № 3. S. 177–179.
 33. *Mel’nik G. S., Vinogradova S. M.* Vneshnepoliticheskiy imidzh Rossii v mediynom prostranstve postkrizisnogo perioda // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 3. S. 75–84.
 34. *Mironov S. M.* Sovremennaya strategiya prosvescheniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 3. S. 187–189.
 35. *Mokry V. S.* Pravovoye regulirovanie organizatsii mestnogo samoupravleniya v gorodakh federalnogo znacheniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2007. № 3. S. 34–39.
 36. *Nesterov A. G.* O koordinatsionnom sovete po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 3. S. 42–44.
 37. *Romanov V. L.* Organizatsionnaya kultura gosudarstvennoy sluzhby // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 2. S. 5–24.
 38. *Savelyev V. V.* Natsional’no-kulturnaya politika kak rossiysskaya realnost’ // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 3. S. 157–168.
 39. *Sadykhova A. A.* Evroislam: mif ili realnost’? // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2010. № 1. S. 90–98.
 40. *Safaraliev G. K.* Kadry i realizatsiya reformy mestnogo samoupravleniya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2005. № 3. S. 23–27.
 41. *Sergevnin S. L.* O nekotorykh aspektakh sovremennoy konstitutsionalizma // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 71–82.
 42. *Starovoytov A. A.* O sistemnom podhode v izuchenii problem pravovogo regulirovaniya organizatsii i deyatelnosti organov ispolnitelnoy vlasti sub’ektov Rossiyskoy Federatsii // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2005. № 4. S. 73–80.
 43. *Filippov G.G.* Novye organizatsionnye tekhnologii — upravlyaemaya dezorganizatsiya // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 189–199.
 44. *Khodachek V. M.* Natsional’noe strategicheskoe planirovanie kak uslovie ustoychivogo razvitiya ros-

- siyskoy ekonomiki // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 96–103.
45. *Tsen Syan'chzhi*. Pekin kak klyuchevaya sostavlyayuschaya ekonomiki regiona Bohaiskogo zaliva. // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 126–134.
 46. *Chzhan Lunkhua*. Razvitie Pekina v usloviyah ekonomicheskogo krizisa // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2009. № 4. S. 135–144.
 47. *Shitarev V. I.* Severo-Zapadnaya academia gosudarstvennoy sluzhby: ustremlyonnost' v budushee // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2006. № 4. S. 21–37.
 48. *Scherbina V. V., Ermolaev V. N.* Logika i mekhanizmy razvitiya predpriyaty malogo biznesa (na primere chastnih stomatologicheskikh klinik g.Moskvy) // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2007. № 3. S. 171–197.
 49. *Yanovsky V. V.* Tunnel'ny effect dlya bar'erov innovatsionnoy ekonomiki // Upravlencheskoe Konsultirovanie. 2008. № 4. P 71–80.

А. А. СТАРОВОЙТОВ

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ ХАРАКТЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Ключевые слова:

административная реформа, система государственного управления, конституционно-правовой режим, субъект Российской Федерации, Конституция Российской Федерации

Key words:

administrative reform, system of public administration, constitutional and legal regime, subject of the Russian Federation, Constitution of Russian Federation

Статья посвящена теоретическому исследованию механизма административно-правового воздействия на сложившуюся систему государственного управления с целью ее приведения в соответствие с целями и задачами проводимой административной реформы. Автор утверждает, что административная реформа может достичь удовлетворяющих общество результатов только путем усиления влияния конституционно-правового режима на режим публичного администрирования.

The article is concerned with the theoretical investigation of the mechanism of administrative and legal impact on the existing system of public administration for the purpose of adjusting it with the aims and objectives of providing administrative reform. The author states that administrative reform is able to achieve results which could satisfy society only by increasing influence of constitutional and legal regime upon the regime of public administration.

Осуществляемая в современных условиях административная реформа обуславливает потребность более глубокого теоретического исследования механизма административно-правового воздействия на сложившуюся систему государственного управления с целью ее приведения в соответствие со стоящими перед ней задачами. И здесь весьма важным представляется тот аспект, который связан с необходимостью обеспечения более жесткой взаимосвязи используемых отраслевых средств модернизации публичной администрации с норма-

ми основного закона нашей страны — Конституции Российской Федерации. Возможности сугубо отраслевого подхода, ориентированного при решении данного вопроса только на использование административно-правовых средств, достаточно ограничены, тем более в условиях необходимости формирования новых правовых режимов, способных адекватно отражать меняющиеся роль и функции государства. В этой связи становится очевидным, что административная реформа может достичь удовлетворяющих общество результатов толь-

ко путем усиления влияния конституционно-правового режима на режим публичного администрирования, с учетом критической оценки накопленного императивно-регулирующего потенциала. При этом наиболее слабыми звеньями, требующими особого внимания в правовом обеспечении реформы, являются субъекты Российской Федерации.

В Основном законе российского государства содержится немало установлений, имеющих прямое отношение к рассматриваемому вопросу. В своей совокупности они составляют конституционные основы организации и деятельности органов исполнительной власти и расположены в основном в первой, третьей и четвертой главах. При этом одни нормы адресованы самой системе единой исполнительной власти, другие имеют отношение только к федеральным органам исполнительной власти. Но есть и нормы, адресованные непосредственно субъектам Федерации в части организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации.

К первым из них следует отнести п. 2 ст. 4, закрепляющей верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории Российской Федерации. Подобное положение имеет особое значение для правового регулирования организации и деятельности органов ис-

полнительной власти. Во-первых, сама Конституция нормами прямого действия регулирует принципиальные вопросы организации и функционирования исполнительной власти в стране, во-вторых, закрепляет приоритет федеральных законов, посредством которых обеспечивается правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти на федеральном уровне и уровне субъектов Федерации. Из данного конституционного положения объективно вытекает требование о том, что законы субъектов Федерации, регулирующие практические вопросы организации и деятельности региональных органов исполнительной власти, должны соответствовать федеральным законам. Таким образом, федеральные законы выполняют роль базовых нормативных актов, на основе которых обеспечивается единство правового регулирования рассматриваемых нами отношений. Особо значимым фактом представляется то, что именно федеральные законы, развивая положения Конституции о принципах и системе организации и деятельности единой исполнительной власти, формируют реальные каналы федерального воздействия на правовую систему субъекта Федерации в целом и на его систему исполнительной власти в частности. Отсюда вытекает особое значение федерального законодательства в закреплении фунда-

ментальных основ организации и функционирования механизма государственной власти в Российской Федерации, единства исполнительной власти.

Аналогичный вывод следует из содержания ст. 15, устанавливающей на конституционном уровне принцип законности, требующий от органов исполнительной власти всех уровней и их должностных лиц безусловно соблюдать Конституцию, законы, а также общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Не менее важное значение имеют: ст. 10, закрепляющая принцип разделения властей и дающая конституционные основания существования самой исполнительной власти как институционального государственно-правового явления; ст. 11, устанавливающая систему органов государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах и, соответственно, дающая конституционные основания существования исполнительной власти на региональном уровне. При этом принципиальное значение имеет указание ст. 10 на самостоятельность исполнительной власти. Подобная самостоятельность обеспечивается организационной, финансовой и юридической независимостью исполнительной ветви власти от двух других ветвей — законодательной и судебной; отсюда

же вытекает запрет на вмешательство одной ветви власти в дела другой, принятие к рассмотрению вопросов, отнесенных к ведению другой ветви власти. Указанные положения работают не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Особое значение имеют нормы ст. 5, где среди принципов федеративного устройства Российской Федерации закреплены: принципы федерализма, государственной целостности, единства системы государственной власти; разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов (п. 3), а также право субъекта Федерации иметь собственное законодательство (п. 2). Из содержания данной статьи вытекает, что федеральные органы исполнительной власти, наряду с органами исполнительной власти субъектов Федерации, органами законодательной и судебной власти составляют единую систему, осуществляющую государственную власть. Будучи элементами единой системы, органы исполнительной власти всех уровней находятся в постоянном взаимодействии, разрешая конкретные вопросы государственного управления в рамках закрепленной за ними компетенции. Нарушение этого единства грозит параличом государственного механизма и развалом государства как

такового. Не случайно в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации последних лет постоянно идет речь о необходимости укрепления единой системы исполнительной власти.

В условиях административной реформы на региональном уровне особое значение имеет соблюдение принципа единства государственной власти, который, помимо прочего, проявляется в определенной структурной схожести органов государственной власти субъектов Федерации и федеральных органов государственной власти. Из содержания указанного принципа вытекает требование того, чтобы субъекты Федерации в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений органов законодательной и исполнительной власти. Это подтверждено и постановлением Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края¹, где говорится о необходимости ориентации органов государственной власти субъектов Федерации на общие с федеральными органами принципы и формы деятельности.

¹ См.: По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края: постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 1996 г. № 2-П // Собрание законодательства РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

Среди рассматриваемых норм Конституции хотелось бы отметить особую роль ст. 16, оказывающей существенное влияние на общее содержание документа. Дело в том, что, образуя основы конституционного строя России, принципы и нормы первой главы находятся «как бы на вершине всей пирамиды правопорядка страны», являют собой ориентир для всей ее правовой системы, политической и иной деятельности в обществе и государстве. Следовательно, определяя стабильность установленного конституционного строя, указанная статья гарантирует стабильность положения исполнительной власти в системе разделения властей, самостоятельное функционирование в процессе реализации единой государственной власти.

Нормы, определяющие единую систему исполнительной власти, содержатся и в третьей главе Конституции «Федеративное устройство». Здесь особое значение имеют ст. 71, 72 и 73, разграничивающие предметы ведения и полномочия Российской Федерации и ее субъектов.

В закреплённый ст. 71 перечень полномочий отдельных объектов, институтов, отраслей права вошли вопросы, которые Конституция оценивает как имеющие особое значение для устойчивого функционирования государства, обеспечивающие единство системы государственной

власти, единые основы экономики, рынка, финансов, безопасности, системы права. Отсюда закрытость и однозначная императивность статьи — только ведение Российской Федерации!

В правовом регулировании организации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации особое место занимают ст. 72, определяющая предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов, и ст. 73, закрепляющая за субъектами Федерации право вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения РФ и субъектов Федерации в полном объеме осуществлять государственную власть на подведомственной территории.

В теоретическом и практическом плане толкование и применение этих «самых туманных» статей российской Конституции представляет наибольшую трудность, и именно это обстоятельство нередко используется как своеобразное «конституционно-правовое обоснование» различного рода «юридических изысков» органов государственной власти субъектов Федерации в части присвоения не свойственных им полномочий. В этой связи остановимся на их анализе подробнее.

Отражая федеративную природу российского государства, ст. 72

закрепила предметы совместного ведения России и ее субъектов в виде исчерпывающего, закрытого (не подлежащего расширению) перечня. В него включены те сферы жизнедеятельности, правовые институты, отрасли законодательства, отдельные объекты правового регулирования, по которым Федерация взяла на себя обязательство не принимать решений в одностороннем порядке без учета мнения субъектов Федерации. Предполагалось, что возникающие в рамках указанной статьи взаимоотношения федеральных и региональных органов (в отличие от предметов ведения Федерации) будут носить характер взаимодействия, осуществляемого с учетом воли и интересов друг друга, а возникающие между ними отдельные противоречия могли бы разрешаться с использованием соответствующих процедур согласования, в том числе путем взаимного делегирования полномочий. Подход в целом правильный, вполне отвечает практике конституционно-правового регулирования, принятой в развитых демократических федеративных государствах, и менее всего заслуживает упрека в некоем «коварстве», проявленном разработчиками Конституции. По справедливому замечанию Б. С. Крылова, такая неполнота в правовом регулировании «может быть намеренной и направлена на отнесение к полномочиям субъекта Федера-

ции права регулирования каких-то конкретных положений, исходя в ряде случаев из того, что федеральное законодательство не способно охватить местную специфику» [2, с. 45]. Действительно, Конституция не содержит норм и процедур, которые бы позволяли конкретно определить, что именно в сфере совместного ведения относится к полномочиям Федерации и что к полномочиям ее субъектов. Вместе с тем такая задача на уровне конституционного регулирования и не могла быть решена. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами осуществляется не только Конституцией, но и Федеративным договором, а также иными договорами и соглашениями о разграничении предметов ведения и полномочий, федеральным законодательством, особенно отраслевым.

Но все же как соотносятся права Федерации и ее субъектов в правовом регулировании по предметам совместного ведения? Каковы взаимоотношения между Федерацией и ее субъектами в этой сфере? Как распределяются полномочия по регулированию обозначенных в ст. 72 вопросов между органами государственной власти субъектов Федерации? Тем более что административное и административно-процессуальное право упоминаются в п. «к»,

а установление общих принципов организации системы органов государственной власти — в п. «н» указанной статьи.

Как уже отмечалось, анализируемая статья Конституции является координационной по своей политико-правовой природе¹ в том смысле, что Федерация принимает на себя юридическую обязанность согласовывать свои интересы с интересами субъектов в процессе правового регулирования по указанным вопросам, координировать этот процесс, оставляя за собой право выбора и определения приоритетов.

Последнее подтверждает п. 2 ст. 76, устанавливающий конституционный порядок принятия решений по вопросам совместного ведения и закрепляющий ведущую роль федерального закона как акта, отражающего и синтезирующего в себе коренные интересы Федерации в целом (по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов издаются федеральные законы, а также принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации, касаясь этих проблем, пришел к выводу о том, что

¹ Сама этимология слова «координация» значит согласование каких либо действий, учет иной точки зрения, иного подхода к анализу и обоснованию решения [см.: 3; 5, с. 261].

выработка правовых норм здесь должна строиться на основе достижения баланса интересов Российской Федерации и ее субъектов, взаимоуважения и взаимной ответственности, с обязательным использованием согласительных процедур¹. Подобное решение проблемы пределов специального регулирования Федерации в отношении региональных органов можно считать удачным для правотворческой практики, поскольку именно таким образом обеспечивается единство организации и деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти в рамках единой системы исполнительной власти².

Механизм согласования интересов России и субъектов Федерации достаточно разнообразен и продолжает расширяться. Чаще всего он реализуется через:

- законотворчество (определение приоритетов парламентского законотворчества, согласование проектов федеральных законов с субъектами Федерации, согласование с субъектами Федерации программ законопроектных работ, юридическую экспертизу и консультирование, законодательную инициативу законодательных органов субъектов Федерации и др.);
- совместное участие в разработке федеральных и региональных программ социально-экономического развития или целевых программ;
- межбюджетные отношения, а также координацию и контроль со стороны федеральных органов исполнительной власти по предметам совместного ведения;
- нормотворчество органов исполнительной власти субъектов Федерации (в том числе согласование проектов нормативных актов, их юридическую экспертизу), взаимодействие федеральных и региональных органов исполнительной власти в процессе своей деятельности, в том числе через процедуры разрешения споров и разногласий.

Не менее важное значение среди норм Конституции для правового регулирования организации и деятельности органов исполнительной

¹ Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 сентября 1993 г. // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1994. № 4–5. С. 64–71.

² Иную позицию высказывает Г. В. Атаманчук. Институт совместной компетенции он рассматривает как институт «неделимой, неразграниченной и неразграничиваемой компетенции». Иная позиция, по его мнению, «воспроизводит традиции союзного, т. е. конфедеративистского регулирования... и приводит к деформации связи административного и конституционного законодательства» [1, с. 105–106].

власти субъектов Федерации является ст. 73, в соответствии с которой субъекты Федерации на своей территории обладают всей полнотой государственной власти вне пределов введения РФ и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации. Подобная формулировка на основе децентрализованного распределения провозглашает презумпцию полномочий субъектов Федерации в тех областях, которые составляют собственный, исключительный предмет правового регулирования, тем самым позволяя не устанавливать на уровне высшего нормативного обобщения их исчерпывающий перечень. Он должен найти свою реализацию в конституциях, уставах субъектов Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов РФ. Однако, самостоятельно устанавливая полномочия органов государственной власти, субъект Федерации не может выйти за рамки конституционного пространства, определенного основами конституционного строя, с учетом верховенства федеральной Конституции и приоритета федеральных законов.

Что касается собственных полномочий субъектов Федерации, то российская Конституция об этом упоминает в нескольких статьях. К ним следует отнести права:

— на собственное законодатель-

ство (п. 2, 3 ст. 5), собственное правовое регулирование вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения России и ее субъектов (п. 4 ст. 76);

- на установление государственного языка (п. 2 ст. 68), право иметь своих представителей в Совете Федерации (п. 2 ст. 95), обращаться в Конституционный Суд по спорам о компетенции и с запросом о толковании Конституции (п. 3 и 5 ст. 125), самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти (п. 1 ст. 77);
- делегировать полномочия органов исполнительной власти федеральным органам исполнительной власти (п. 2 и 3 ст. 78);
- согласовывать вопрос о назначении прокурора субъекта Федерации (п. 3 ст. 129);
- одобрять поправки к главе 3–8 Конституции Российской Федерации (ст. 136) и др.

Остальные полномочия субъект Федерации определяет самостоятельно в процессе сравнительного правового анализа ст. 73 с нормами ст. 71 и 72, а также нормами федерального отраслевого законодательства. Это играет решающую роль в разграничении полномочий между Россией и ее субъектами, определяя их конкретные полномочия. Что касается текущего регионального законодательства, в том числе

конституций и уставов субъектов Федерации, то по мере насыщения федеральным законодателем отраслевых федеральных законов новыми материальными нормами и процессуальными подробностями они все более утрачивают свой регулятивный потенциал.

Продолжая анализ конституционных норм, обращенных к органам исполнительной власти субъектов Федерации, нельзя обойти главу 6 «Правительство Российской Федерации». Нормы этой главы определяют состав высшего органа исполнительной власти Российской Федерации (ст. 110), порядок его формирования (ст. 111–112), основы компетенции (ст. 113–115) и порядок прекращения деятельности (ст. 116–117). Конституция ставит Правительство Российской Федерации на высший уровень в системе исполнительной власти, которую оно возглавляет. Не вытекает ли из этого вывод о том, что Правительство может нормативно регулировать организацию и деятельность органов исполнительной власти субъектов Федерации? Обратим внимание на то, что в тексте федеральной Конституции не содержится положений, предоставляющих право Правительству непосредственно регулировать в нормативном порядке деятельность органов исполнительной власти субъектов Федерации. Однако средства правового воздействия Правительства на

региональные органы исполнительной власти связаны с его возможностями руководить единой системой исполнительной власти по вертикали и предусмотрены Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации»¹, а также рядом указов Президента Российской Федерации².

Конституция РФ возлагает на Правительство ответственность за повседневное руководство хозяйственным и социально-культурным строительством. Успешное решение этой задачи возможно лишь при условии, что оно направляет работу региональных органов исполнительной власти. В этом отношении роль Правительства Российской Федерации исключительно велика. Правительство совместно с органами исполнительной власти субъектов Федерации определяет поря-

¹ См.: о Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712 (с изменениями на 19.06. 2004 № 4-ФКЗ).

² Так, утверждая Положение о МЧС, Президент Российской Федерации Указом от 11 июля 2004 г. № 868 предоставил ему право издавать нормативные правовые акты по вопросам гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах, обязательные для исполнения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями.

док и степень участия субъектов Федерации в выполнении федеральных программ и совместных проектов; на них также возлагается содействие организации процессов управления и развития местного самоуправления в российских регионах.

Правительство обеспечивает соблюдение федеральными органами исполнительной власти прав органов исполнительной власти субъектов Федерации, способствует взаимодействию указанных органов; в пределах своих полномочий разрешает споры и устраняет разногласия между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Воздействуя своими актами на деятельность региональных органов исполнительной власти, Правительство использует разные методы правового регулирования: метод, связанный с закреплением прав и обязанностей за органами исполнительной власти субъектов Федерации, либо предложения (рекомендации) по их участию в решении конкретных вопросов применительно к установленному правительством или федеральным законом порядку, а также метод косвенного регулирования через посредничество федерального органа исполнительной власти.

И, наконец, сама организация работы Правительства РФ как кол-

легиального органа и регламентация работы его аппарата являются примером для органов государственной власти субъектов Федерации, которые ориентируются на этот опыт и используют его в правовой регламентации деятельности высших органов исполнительной власти российских регионов.

Однако правовое воздействие федеральных органов исполнительной власти на региональные не ограничиваются вопросами деятельности Правительства. Будучи включенными в единую систему исполнительной власти и в соответствии со сложившейся практикой государственного управления органы исполнительной власти субъектов Федерации в своей работе должны руководствоваться также актами иных федеральных органов исполнительной власти: федеральных министерств, федеральных служб и федеральных агентств. Такое вертикальное подчинение региональных исполнительных органов федеральным органам исполнительной власти объективно необходимо и в соответствии с Конституцией развивается в рамках предметов ведения Российской Федерации и совместного ведения России и ее субъектов. Говоря об объективности этого процесса, мы имеем в виду не только сущностную схожесть и идентичность выполняемых на разных уровнях исполнительной вертикали управленческих функций,

но и тот аспект, что на региональном уровне они взаимодополняются, уточняются и посредством этого формируется единая система управления обширным многонациональным государством. Следует согласиться с А. Ф. Ноздрачевым, что «существует необходимость посто-

янного и эффективного взаимодействия исполнительных органов Федерации и ее субъектов. В этом смысл государственного требования об укреплении “вертикали исполнительной власти”» [4, с. 55] и наиболее болезненная точка административной реформы.

1. Административное право / под ред. Г. В. Атаманчука. М., 2003.
2. Крылов Б. С. Проблема разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации. М., 1995.
3. Меркулов В. М. Координация в политической и административной деятельности // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 2. С. 52–63.
4. Ноздрачев А. Ф. Министерская система управления в истории и современной России // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. М., 2003.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983.

References

1. Administrativnoe pravo / pod red. G. V. Atamanchuka. M., 2003.
2. Krylov B. S. Problemy razgranicheniya predmetov vedeniya Rossiyskoy Federatsii i yeyo sub'ektov // Federativnoe ustroystvo: realizatsiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. M., 1995.
3. Merkulov V. M. Koordinatsiya v politicheskoy i administrativnoy deyatel'nosti // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. 2010. № 2. S. 52–63.
4. Nozdrachev A. F. Ministerskaya sistema upravleniya v istorii i sovremennoy Rossii. M., 2003.
5. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1983.

И. И. МАКАРОВ

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова:

территориальная организация местного самоуправления, район, поселение, волость, Пикалёво, административный центр

В статье последовательно рассматриваются изменения территориальной организации местного самоуправления в Ленинградской области. Автор анализирует соотношение нового территориального устройства местного самоуправления и «до-реформенной» организации территории.

Вопросы эффективного использования пространственного потенциала страны и развития «низового» территориального уровня в настоящее время все чаще привлекают внимание исследователей [1; 6, с. 185] и политиков¹. В ст. 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ сформулированы обязанности ор-

Key words:

territorial organization of local self-government, district, settlement, volost, Picalievo, administrative center

The article considers two directions of change in territorial organization of local self-government in Leningrad region. The relation of the new territorial organization of local self-government and “pre-reform” organization of the territory is described.

ганов государственной власти субъектов Российской Федерации по проведению реформы местного самоуправления. В соответствии с Законом первоочередными для органов государственной власти регионов должны были стать такие задачи, как установление границ территорий и наделение соответствующим статусом муниципальных образований. Так, с 1 января 2006 г. органы местного самоуправления начинали осуществлять свои полномочия в рамках установленных территориальных образований. Возложение на органы государственной власти субъектов Федерации исключительного права разрешения вопросов территориального устройства новых муниципальных образований следу-

¹ См.: Тимченко В. Подводя итоги, намечая перспективы. [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. Комитет Государственной Думы по вопросам местного самоуправления. 2010. 19 июля. URL: // <http://www.komitet4.km.duma.gov.ru/site.xp/053048124055054048.html> (дата обращения: 04.12.2010).

ет признать единственно и бесспорно правильным решением. История России знает примеры того, как в ходе общественных трансформаций передача этих вопросов в сферу местной инициативы ставила на грань срыва формирование новых органов местной власти, а в итоге наряду с другими факторами практически дискредитировала идею муниципальной самостоятельности [4, с. 54–56].

Изменение территориальных основ местного самоуправления стало длительным и трудоемким этапом реформы и поставило перед исполнительной властью и законодателями субъектов Федерации ряд вопросов практического и теоретического характера. Среди них следует выделить проблему соотношения существовавшего административно-территориального устройства и формируемой на новых принципах территориальной организации местного самоуправления. Руководители региональных органов власти, ответственные за проведение реформы, вполне отдавали себе в этом отчет¹.

¹ См.: Выступление председателя комитета по взаимодействию с органами местного самоуправления Ленинградской области Марасаева Ю. Г. // Стенограмма 42-го заседания Законодательного собрания Ленинградской области III созыва. 29 июня 2004 г. с. 181–182; Выступление председателя постоянной комиссии по государственному, административно-территориальному устройству, местному самоуправлению и региональным связям Законодательного собрания Ленинград-

Территориальная организация местного самоуправления до принятия Федерального закона № 131-ФЗ

Разнообразие моделей территориальной организации местного самоуправления, сложившихся во второй половине 1990-х гг. в субъектах Российской Федерации, исследователи сводят к трем основным группам [5, с. 13–15].

Первая группа: местное самоуправление осуществлялось в пределах административно-территориальных границ городов и районов. Мнения о количестве регионов, в которых применялась эта модель, различаются, специалисты, тем не менее, согласны в том, что такая модель была наиболее распространенной в стране [10, с. 105].

Вторая группа: двухуровневая модель местного самоуправления. Органы местного самоуправления действовали на двух уровнях: в районах и городах, как правило, областного (республиканского) подчинения (второй уровень) и в сельских округах и поселках (первый уровень).

Третья группа: местное самоуправление осуществлялось на первичном поселенческом уровне — в границах сельских округов, волостей, сельсоветов и поселков.

ской области Девяткина Е. Г. // Там же. С. 190.

В отдельных субъектах Российской Федерации либо органы местного самоуправления не были созданы вовсе, либо осуществлялось, по определению А. Н. Дементьева, «квазиместное самоуправление» в виде территориального общественного самоуправления в границах городских и сельских населенных пунктов, частей городов, а также в виде государственного управления на местном уровне с участием выборных представительных органов [5, с. 6].

В пределах Ленинградской области существовали 29 муниципальных образований, 17 из которых были организованы на уровне районов (Бокситогорский, Волосовский, Волховский, Всеволожский, Выборгский, Гатчинский, Кингисеппский, Киришский, Кировский, Лодейнопольский, Ломоносовский, Лужский, Подпорожский, Приозерский, Сланцевский, Тихвинский и Тосненский). В десяти малых и средних городах области также существовали муниципальные образования (Волхов, Гатчина, Ивангород, Коммунар, Новая Ладога, Пикалево, Светогорск, Сертолово, Сосновый Бор, Шлиссельбург). Также муниципальные образования действовали в поселке Кузнечное и в Колтушской волости. Таким образом, модель территориальной организации местного самоуправления, сложившаяся к 2003 г. в Ленинградской области, может быть

отнесена к первой группе. Применение к этой модели, даже с оговорками, характеристики поливариантной [7, с. 224] выглядит натяжкой: создание муниципальных образований в одном поселке и в одной волости носило характер исключительный и, если угодно, экспериментальный. Отнесение на этом основании территориальной организации региона к иной модели или, тем более, выделение модели нового типа представляется не обоснованным.

Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство

Задачи установления границ и определения статуса новых муниципальных образований требовали применения определенных принципов, на которых могла основываться данная работа.

К их числу были отнесены принципы: единства территории муниципального образования, обеспеченности потребностей населения существующей социальной инфраструктурой, финансовой обеспеченности создаваемых муниципальных образований¹. Таким образом,

¹ См.: Выступление вице-губернатора Ленинградской области — председателя комитета по экономике и инвестициям Дваса Г. В. // Стенограмма дня депутата Законодательного собрания Ленинградской области III созыва. 17 февраля 2004 г. С. 6–9, 31.

экономические и организационные критерии определения территории новых муниципальных образований признавались наряду с законодательно закрепленными географическими критериями.

Установленный законодателем принцип пешеходной доступности вызывает однозначно критические оценки спектр которых разнится: от сдержанной констатации сложностей, возникавших во многих регионах при применении этого принципа¹, до эмоциональных отзывов, характеризующих пешеходную доступность как «юмористическую» [16, с. 26] или как «взятый из затхлых сундуков прошлого и привнесенный в XXI в. весьма неопределенный, расплывчатый и безмерный критерий» [15, с. 32].

В Ленинградской области применение принципа пешеходной доступности, как и в других регионах страны, было осложнено неоднозначностью его оценки.

¹ См.: Доклад председателя Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления Мокрого В. С. на заседании межведомственной рабочей группы по вопросам федеративных отношений и местного самоуправления Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления. [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.komitet4.km.duma.gov.ru/site.xp/053048124053053057.html> (дата обращения: 04.12.2010).

Администрация Ленинградской области при подготовке своих предложений по определению границ муниципальных образований руководствовалась в том числе стремлением к тому, чтобы границы будущих муниципальных районов соответствовали границам существующих административных районов. Такой подход получил распространение в большинстве субъектов Российской Федерации и отмечен в качестве положительной тенденции в ходе муниципальной реформы [14, с. 22–24].

Следует отметить, что выдвигались и альтернативные предложения. При подготовке законопроектов об установлении границ муниципальных образований один из депутатов Законодательного собрания Ленинградской области выступил с проектом создания единого муниципального района с центром в городе Тихвине путем объединения территории Бокситогорского и Тихвинского районов². Аргументировалось это предложение относительной территориальной близостью административных центров обоих районов. Впоследствии эта идея была признана нецелесообразной, т. к. ее воплощение неизбежно

² Выступление депутата Законодательного собрания Ленинградской области Водопьянова М. П. // Стенограмма 44-го (внеочередного) заседания Законодательного собрания Ленинградской области III созыва. 24 августа 2004 г. С. 51.

потребовало бы немалых расходов на реорганизацию органов власти и управления. Кроме того, появились бы сложности с удовлетворением требований транспортной доступности, учитывая, что для жителей Бокситогорского района расстояние до районного центра увеличилось бы на 40 км.

Вывод о первичности административно-территориального деления по отношению к муниципально-территориальному уже формулировался в специальных исследованиях [17, с. 44; 18, с. 212], и в ходе реформы территориальной организации местного самоуправления в Ленинградской области он также нашел подтверждение.

Приоритет существующего административно-территориального устройства субъекта Федерации в ходе реформы территориальной основы местного самоуправления в Ленинградской области стал очевидным еще на одном примере.

В городах Бокситогорск и Пикалево, расположенных на территории Бокситогорского района, проживало в период подготовки реформы территориальной организации местного самоуправления 19 тыс. и 25 тыс. жителей соответственно. Административный центр района расположен в Бокситогорске. Город Пикалево возник и развился позднее Бокситогорска, который, в отличие от Пикалево, находится в некотором удалении от железнодо-

рожной магистрали и федеральной автомобильной трассы Вологда — Новая Ладога. Кроме этого Пикалево находится заметно ближе к геометрическому центру района, и жители большей части сельских населенных пунктов могут попасть в Бокситогорск, только проехав через Пикалево, которое являлось самостоятельным муниципальным образованием до муниципальной реформы 2003–2009 гг.

По предложениям, подготовленным администрацией Ленинградской области, город Пикалево наделялся статусом городского поселения в составе Бокситогорского муниципального района. При обсуждении законопроекта об установлении границ Бокситогорского муниципального района не возник вопрос о наделении Пикалево статусом городского округа, как это было в случаях с некоторыми другими городами области, которые до реформы также существовали в качестве самостоятельных муниципальных образований. В случае с Пикалево был поставлен вопрос не об образовании городского округа, а о размещении центра муниципального района в Пикалево, а не в Бокситогорске¹. Аргументация основывалась прежде всего на том, что Пикалево крупнее Бокситогорска и, в отличие от него, обладает

¹ См.: Кузьмин Д. Три в одном. Областной парламент осваивает сокращение // МК в Питере. 2004. 1 сентября.

более высокой степенью транспортной доступности для жителей значительной части сельской местности района. Однако в случае принятия такого решения в проигрыше оказались бы жители волостей, расположенных вблизи от Бокситогорска. В подобном решении не были заинтересованы и жители самого Бокситогорска. К губернатору и депутатам Законодательного собрания Ленинградской области поступили обращения, подкрепленные сотнями подписей как сторонников, так и противников переноса административного центра района.

В результате долгих дискуссий вопрос о возможности размещения центра муниципального района в Пикалево был решен отрицательно. Одним из главных аргументов в пользу этого послужили соображения о необходимости высоких расходов на перевод и размещение в Пикалево районных отделений федеральных органов государственной власти.

«Первичные» территориальные единицы

Однако тезис о приоритете существующего административно-территориального устройства при изменении территориальной организации местного самоуправления требует, исходя из опыта Ленинградской области, существенного уточнения. Если это положение

оказалось безусловно верным на районном уровне, то на уровне первичных территориальных единиц ситуация выглядит иначе.

Первым шагом в реформе территориальной организации местного самоуправления в субъекте Федерации стал Областной закон Ленинградской области «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муниципальных образований Всеволожского и Выборгского районов и муниципальных образований в их составе» от 10 марта 2004 г. № 17-оз. Во Всеволожском и Выборгском районах на день вступления Закона в силу проживало 197,9 тыс. и 187,9 тыс. человек соответственно, что в сумме составляло немногим менее четверти населения Ленинградской области.

На территории Всеволожского района расположены 153 населенных пункта, в том числе города Всеволожск и Сертолово, последний из которых являлся самостоятельным муниципальным образованием. Также в районе существуют 6 городских поселков, на территории которых действовали поселковые администрации. Остальная территория была разделена на 12 волостей, одна из которых — Колтушская — также являлась самостоятельным муниципальным образованием. В соответствии с принятым областным законом в границах Всеволожского муници-

пального района образовано 8 городских и 12 сельских поселений.

Несколько иначе решались вопросы определения границ в Выборгском районе, на территории которого расположены 188 населенных пунктов, в том числе 5 городов, один из которых — Светогорск — обладал статусом муниципального образования, а также 3 городских поселка. Территория района была разделена на 22 округа. Областным законом определено создание 8 городских и 6 сельских поселений. Таким образом, в Выборгском районе произошло заметное укрупнение первичных территориальных единиц, обусловленное необходимостью соблюдения условия достаточности финансовой обеспеченности создаваемых муниципальных образований.

О том, что тенденция к укрупнению территориальных единиц не является локальной спецификой Выборгского района, говорят общие данные по Ленинградской области.

В Ленинградской области существуют 32 городских поселка и 31 город (из которых 20 имели статус городов областного подчинения и 11 — районного). В результате реформы территориальной организации местного самоуправления, проведенной в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ, в Ленинградской области образовано 62 городских поселения с центрами в этих городских населенных

пунктах. В городе Сосновый Бор был образован городской округ.

Кроме этого на территории Ленинградской области существовало 204 волости¹, которые являлись первичными единицами территориальной организации местной власти в сельской местности. В волостях действовали территориальные органы администраций районов — администрации волостей, главы которых назначались главой муниципального образования. В результате реформы в Ленинградской области было образовано 142 сельских поселения. Из приведенных данных следует, что в сельской местности число первичных территориальных единиц, в которых начали функционировать органы публичной власти, сократилось почти на 30 %.

Таким образом, в Ленинградской области удалось избежать ошибки некоторых регионов страны, которые пошли по пути «наименьшего сопротивления», когда поселения образовывались в старых границах 30-летней давности без учета произошедших за данный срок изменений в экономике и расселении [11, с. 5]. В субъекте в разумных пределах была использована предоставленная муниципальной реформой уникальная возможность сформировать «карту местного самоуправления региона».

¹ На территории Выборгского и Кингисеппского районов первичные территориальные единицы носили наименование округов.

Укрупнение происходило путем объединения территорий двух или, реже, трех волостей в границах единого сельского поселения, иногда часть территории могла перераспределяться и включаться в состав соседнего сельского поселения. В некоторых случаях территории близлежащих к городским населенным пунктам волостей включались в состав городских поселений, как это произошло при определении границ Тихвинского городского поселения, в состав которого включили Красавскую и Лазаревичскую волости. Сегодня помимо города Тихвина в состав одноименного городского поселения входят еще 19 сельских населенных пунктов.

Проблема соотношения государственной и муниципальной территориальной организации неоднократно становилась предметом теоретического рассмотрения [3, с. 8–16; 9]. Следует подчеркнуть, что вывод о почти идеальном наложении сети муниципальных образований на сложившуюся структуру административно-территориального деления субъектов Федерации [2, с. 4] в Ленинградской области верен только в отношении районного уровня. Впрочем, Ленинградская область в этом вопросе не является исключением.

Такие же тенденции имели место и в ряде других регионов

страны, где административно-территориальные единицы в сельской местности «оказались по ряду причин непригодными к созданию самостоятельных муниципальных образований» [8, с. 52].

Отдельные исследователи критически оценивают создание крупных муниципальных образований в сельских районах Ленинградской области, утверждая, что население таких поселений «не связано едиными публичными интересами и единым хозяйством, и, конечно, это не будет способствовать созданию единых и дееспособных местных сообществ» [15, с. 32].

При этом в других исследованиях укрупнение низовых территориальных единиц оценивается положительно, а рост числа сельсоветов, который происходил в 1960–1990-е гг. при сокращении численности сельского населения рассматривается как одна из серьезных проблем административно-территориального устройства страны, которая в ходе муниципальной реформы была «в основном снята, но требует мониторинга <...>, а при необходимости своевременных корректив» [19, с. 26].

Интересным в этом контексте представляется предложение, высказанное В. И. Васильевым, о выделении административно-территориальных единиц, неспособных освоить обширную компетенцию сельских поселений в особый тип

муниципальных образований с сокращенным объемом вопросов местного значения¹.

Более перспективным вариантом решения проблемы существо-

вания «малоэффективных» сельских поселений все же представляется развитие межмуниципальной хозяйственной кооперации [12, с. 65]. Именно эта форма межмуниципального сотрудничества зарекомендовала себя в мировой практике как действенная альтернатива объединению мелких муниципальных образований [20, р. 287].

¹ См.: Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

1. *Васецкий А. А., Шубина Н. В.* Компетенция и структура исполнительно-распорядительных органов внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 68–87.
2. *Васильев В. И.* Административно-территориальное устройство региона и территориальное устройство местного самоуправления // Журнал российского права. 2006. № 3.
3. *Васильев В. И.* Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации: сб. науч. трудов / под ред. А. В. Иванченко. М.: ИД «Юриспруденция», 2004.
4. *Гаврилова О. А.* Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. СПб., 2009.
5. *Дементьев А. Н.* Реформирование территориальных основ местного самоуправления (анализ Переходных положений новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2004. № 7.
6. *Иванова Л. Н.* Особенности муниципализации современной России: достижения и противоречия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 4.
7. *Карагадыко Т. В.* Перспективы реформирования территориального устройства органов местного самоуправления в России (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // Гражданское общество и реформа местного самоуправления в России: сб. материалов III Российского общественно-научного форума. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
8. *Колпаков Н. В.* Реформа территориальной организации местного самоуправления в регионах центрального федерального округа // Право и политика. 2006. № 12.
9. *Лапин В. А., Любовный В. Я.* Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство России. М.: Дело, 2005.
10. *Лексин В. Н.* Федеративная Россия и ее региональная политика. М.: ИНФРА-М, 2008.
11. *Маркварт Э.* К вопросу об укрупнении муниципалитетов. Общий взгляд // Местное право. 2010. № 3.
12. *Межевич Н. М.* Межмуниципальное сотрудничество в российском законодательстве о местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2006. № 3.
13. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Эксмо, 2010.
14. *Першин Е. В., Дементьев А. Н., Мотякова О. А., Шарыпина Е. Г.* Актуальные вопросы проведения реформы территориальной организации местного самоуправления // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2004. № 32.
15. *Пылин В. В.* Некоторые проблемы и пути их решения в сфере территориальной организации местного самоуправления в России // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 2.
16. *Сергеев С. Л.* О трех основных направлениях третьей муниципальной реформы 2003 г. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2.

17. Тимофеев Н. С. Территориальные пределы местного самоуправления в Российской Федерации. М.: Изд-во МГУ, 2007.
18. Фальков В. Н. Соотношение административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации и территориальной организации местного самоуправления // Проблемы местного самоуправления в Российской Федерации: сб. материалов III научно-практической конференции (18–19 ноября 2004 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГУ, 2004.
19. Шишков М. К. Территориальное устройство России: проблемы и перспективы. Самара: ООО «Сам-ЛюксПринт», 2009.
20. Hertzog R. Intermunicipal Cooperation: A Viable Alternative to Territorial Amalgamation? // Territorial Consolidation Reforms in Europe / ed. P. Swianiewicz. Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative, 2010.

References

1. Vasetskiy A. A., Shubina N. V. Kompetentsiya i struktura ispolnitelno-rasporyaditelnyh organov vnutrigorodskih munitsipalnyh obrazovaniy Sankt-Peterburga // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 2. S. 68–87.
2. Vasilyev V. I. Administrativno-territorialnoe ustroystvo regiona i territorialnoe ustroystvo mestnogo samoupravleniya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2006. № 3.
3. Vasilyev V. I. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie: prodolzhenie spora // Konstitutsionnye i zakonodatel'nye osnovy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: sb. nauch. trudov / pod red. A. V. Ivanchenko. M.: ID «Yurisprudentsya», 2004.
4. Gavrilova O. A. Zemstvo i revolyutsiya. 1917 god v Petrogradskoy gubernii. SPb., 2009.
5. Dementyev A. N. Reformirovanie territorialnyh osnov mestnogo samoupravleniya (analiz Perehodynyh polozheniy novoy redaktsii Federalnogo zakona «Ob obschih printsipah organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii») // Analitichesky vestnik Soveta Federatsii Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii. 2004. № 7.
6. Ivanova L. N. Osobennosti munitsipalizatsii sovremennoy Rossii: dostizheniya i protivorechiya // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. 2008. № 4.
7. Karagad'ko T. V. Perspektivy reformirovaniya territorialnogo ustroystva organov mestnogo samoupravleniya v Rossii (na primere Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti) // Grazhdanskoe obshchestvo i reforma mestnogo samoupravleniya v Rossii: sb. materialov III Rossiyskogo obshchestvenno-nauchnogo foruma. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003.
8. Kolpakov N. V. Reforma territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya v regionah tsentral'nogo federal'nogo okruga // Pravo i politika. 2006. № 12.
9. Lapin V. A., Lyubovnyi V. Ya. Reforma mestnogo samoupravleniya i administrativno-territorialnoe ustroystvo Rossii. M.: Delo, 2005.
10. Leksin V. N. Federativnaya Rossiya i yeyo regionalnaya politika. M.: INFRA-M, 2008.
11. Markvart E. K voprosu ob ukрупnenii munitsipalitetov. Obschyi vzglyad // Mestnoye pravo. 2010. № 3.
12. Mezhevich N. M. Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo v rossiyskom zakonodatel'stve o mestnom samoupravlenii // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 3.
13. Munitsipal'naya reforma v Rossiyskoy Federatsii: pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie / pod obsch. red. T. Ya. Khabrievoy. M.: Eksmo, 2010.
14. Pershin E. V., Dementyev A. N., Motyakova O. A., Sharypina E. G. Aktual'nye voprosy provedeniya reformy territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya // Analitichesky vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii. 2004. № 32 (252).
15. Pylin V. V. Nekotorye problemy i puti ih resheniya v sphere territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossii // Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2008. № 2.
16. Sergevnik S. L. O treh osnovnyh napravleniyah tret'ey munitsipal'noy reformy 2003 // Leningradsky yuridichesky zhurnal. 2005. № 2.

17. *Timofeev N. S.* Territorial'nye predely mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii. M.: Izd-vo MGU, 2007.
18. *Fal'kov V. N.* Sootnoshenie administrativno-territorial'nogo ustroystva sub'ektov Rossiyskoy Federatsii i territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya // Problemy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: materialy III nauchno-prakticheskoy konferentsii (Omsk, 18–19 noyabrya 2004). Omsk: Izd-vo OmGU, 2004.
19. *Shishkov M. K.* Territorial'noe ustroystvo Rossii: problemy i perspektivy. Samara: OOO «SamLyuks-Print», 2009.
20. *Hertzog R.* Intermunicipal Cooperation: A Viable Alternative to Territorial Amalgamation? // Territorial Consolidation Reforms in Europe / ed. P. Swianiewicz. Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative, 2010.

И. В. ШПЕКТОРЕНКО

ТЕРМИН «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО- УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова:

профессионализм, государственная служба, профессиональная компетентность, профессиональная мобильность

Key words:

professionalism, civil service, professional competence, professional mobility

В статье рассматривается содержание категории «профессионализм» в контексте структуры профессиональной мобильности персонала. Автор утверждает, что контроль за процессом профессионализации кадров приведет к изменениям в содержании и целях профессионального образования, а также будет способствовать качественному изменению подходов в личностно ориентированном развитии персонала органов власти.

In the article notion of the category “professionalism” in terms of staff professional mobility structure is considered. The author states that control of the process of staff professionalization will result in changes in content and purposes of professional education and will provide quality changes of the approaches to personal oriented development of the staff in government authorities.

Решение проблемы профессионализации государственной службы невозможно без четкого понимания содержания термина «профессионализм». В Украине в современной практике работы с кадрами государственной службы все чаще просматривается подход к пониманию данного явления, сформулированный в одной из работ В. Я. Малиновского: «Среди большинства населения издавна господствует мысль, что для управления государством не нужно иметь многих знаний, а достаточно лишь жизненного опыта на уровне рядового гражданина» [7, с. 7].

В этой связи представляется целесообразным проанализировать точку зрения украинских исследователей по данной проблеме и предложить собственное понимание термина «профессионализм», основанное на авторском представлении о структуре профессиональной мобильности персонала.

Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что профессионализм — это очень обобщенная неконкретная дефиниция, не учитывающая элементов процессов профессионального развития. Отмечается «необходимость расширения понятия профессионализма»

[13, с. 127], что «следует иметь в виду значительную разницу необходимого набора профессиональных качеств государственного служащего в зависимости от уровня деятельности... Между тем, именно дифференцированному анализу профессионализма уделяется пока что недостаточное внимание» [4, с. 181]. Подобные мысли исследователей являются признанием необходимости учитывать широкий спектр компетентностных, ценностных качеств как элементов профессионализма государственного (и муниципального) служащего, связанных с влиянием на процесс профессионализации.

Мы согласны с тем, что понятие профессионализма, учитывая его существующие научно обоснованные формулировки, аргументы и идеи, не лишено эклектики, фрагментарности. В исследованиях, посвященных определению термина «профессионализм», на наш взгляд, часто не хватает научного анализа, системности, комплексности и структурированности. Существование многочисленных трактовок терминов «профессионализм», «профессионализм государственного служащего» ставит перед исследователями не только задачу обобщения уже существующих научных знаний по этой проблеме, но и поиска новых методологических подходов. Таким подходом, как представляется, может служить структура

профессиональной мобильности персонала [17; 18], которая одновременно представляет собой систематизацию различных элементов (факторов) процесса их профессионализации. Этот процесс совпадает с процессом развития профессиональной мобильности индивида. В данной структуре, по нашему мнению, системно и комплексно определены факторы, обуславливающие профессиональную компетентность государственного служащего и его профессионализм как интегрированные характеристики.

К содержанию термина «профессионализм» обращалось немало исследователей, рассматривая его с различных позиций, на основании собственных наблюдений (подходов) или с использованием теоретических разработок других авторов.

Профессионализм — это высший уровень психофизических, психических и личностных изменений, происходящих в процессе длительного выполнения человеком служебных обязанностей, которые обеспечивают качественно новый, более эффективный уровень решения сложных профессиональных заданий в особенных условиях [4, с. 164]. Существует немало различных толкований термина «профессионализм», которые описала в своем исследовании И. Нынюк. Так, например, это — качественно ценностный комплекс

глубоких знаний, практического опыта служащего, общечеловеческих ценностей, который отображает степень самоорганизации индивида, эффективность его профессиональной деятельности, содействующий развитию авторитета государственной службы, или формирующий позитивный имидж государственной службы [10, с. 7, 37–38]. Исследователь рассматривает профессионализм как общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, совмещающий знание, понимание социальных действий, которые возникают на основе целей и мотивов. Это, в первую очередь, полноценное овладение профессией, что в своей основе является результатом целеустремленного, целостного развития личности, которое определяется сочетанием таких факторов, как эффективность воспитательного влияния, естественные способности, образование, гармония культуры чувств, воли и поступков, единство которых чрезвычайно важно в связи с приоритетом практического мышления в деятельности госслужащего. Профессионализм государственных служащих рассматривается как профессионализм социально-профессиональной группы, имеющей особенный социальный и профессиональный статус, специфическую систему норм и ценностей, свои социально-психологические особенности. Он харак-

теризуется сочетанием общечеловеческих, профессиональных, государственных ценностей той социальной группы, в которую он входит. Центральным компонентом профессионализма является духовное самоутверждение человека, которое следует учитывать при осуществлении воспитательной работы по формированию готовности личности к утверждению гуманистических основ бытия, в частности – профессиональной благотворительности и человеческой порядочности, преодолению безразличия к идеалам [10, с. 21, 26, 36, 37, 110]. Позиции, с которых анализируется и синтезируется термин «профессионализм», подразумевают совокупность определенных личных и профессиональных качеств государственных служащих (субъективных факторов профессионализма), находящихся в зависимости от их образованности, воспитанности, от оказывающей стимулирующее воздействие на них профессиональной среды (объективных факторов профессионализма). В тоже время объективные условия развития профессионализма далеко не всегда принимаются во внимание исследователями.

В работах, посвященных изучению категории «профессионализм», особо рассматривается роль культуры (как общей, так и профессиональной) в процессе развития

профессионализма. «Профессионализм — одна из базовых профессионально-этических обязанностей государственного служащего» [1, с. 118]. Эта мысль подчеркивает важность качественного улучшения процедуры отбора людей на государственную службу, оценки их личных качеств. У воспитанного человека, обладающего высоким уровнем социальной (общей или гражданской) культуры, с большей вероятностью будет сформирована полноценная профессиональная культура, соответствующая ценностям, нормам культуры государственного управления, государственной службы или государственного органа, в котором он трудится. «Профессионально культурный» государственный служащий мотивационно в большей степени готов к профессии, способен осознавать профессионализм своей внутренней потребностью, целью своей профессиональной деятельности. Владение высокими моральными ценностями, проявление нравственности в поведении и поступках — личностные качества индивида, определяющие направления и результативность социальной, профессиональной и других видов мобильности человека, создающие дополнительные условия для его успешной профессионализации. Соблюдение моральных норм — одно из важнейших условий, формирующих заботливое и ответ-

ственное отношение к собственному профессиональному развитию и результатам своей деятельности.

Часть исследователей склонна преувеличивать значение фактора «омоложения» государственного управления, делая акцент на целесообразности «прилива, привлечения и рационального использования “свежих сил” — новых высокообразованных, профессиональных чиновников, вооруженных современными знаниями управленческой технологии и не обремененных обветшалыми управленческими стереотипами». В научной литературе часто подчеркивается необходимость достижения «критической массы государственных служащих новой формации» в кадровом составе и резерве государственной службы [6, с. 184]; указывается, что «высшая государственная служба должна в основном состоять из людей молодого возраста, “молодых и ранних”, быстро продвинувшихся по службе и достигших руководящего положения» [11, с. 95]. Однако, с нашей точки зрения, возраст человека не может считаться показателем образованности, компетентности, отсутствия «определенных» управленческих стереотипов или определенного уровня профессионализма.

Например, знания, полученные в высшем учебном заведении, лишь в профессиональной среде государственной службы смогут пере-

расти из академических (учебных) в профессиональные умения и навыки, которые, в свою очередь, будут определять профессиональную компетентность, профессионализм, собственно профессиональную мобильность человека. Профессиональный опыт, выступая важным элементом структуры профессиональной мобильности персонала, является ключевой составляющей профессионализма. Сам процесс профессионализации кадров имеет значительные временные рамки. Молодой человек, имеющий современные знания и соответствующие личные качества (задатки, способности, наклонности), может оказаться профессионально немобильным, например, в профессиональной среде, неблагоприятной для карьерного роста и квалификационного развития. У него с большей вероятностью наступит профессиональная деформация, неудовлетворенность работой, будет наблюдаться снижение компетентности, культуры, а также изменения в ценностно-ориентационной сфере, что может привести к его к межпрофессиональной мобильности. Поэтому проблематично говорить о профессионализме выпускника учебного заведения или человека с небольшим (до 1–3 лет) опытом работы. Государственную службу оставляют, как правило, наиболее образованные и профессионально мобильные специалисты, которым легче адаптироваться к новой

профессии, новым требованиям и условиям труда. Явление оттока профессиональных кадров, обусловленное разными проблемами их развития в профессиональной среде государственной службы, в настоящее время наблюдается не только в Украине, но и в России [9], Эстонии [12], многих странах Европы.

Профессионализм украинского политического и государственного истеблишмента, по мнению С. Телешуна, укладывается в формулу управленческого менеджмента: «Идея — информация — анализ — предложенная система действий (новые технологии реализации) — деление функций или сфер ответственности — профессиональная селекция — материальные ресурсы — приблизительное время на реализацию поставленной цели — анализ качеств полученного продукта» [15, с. 11]. Приведенное определение профессионализма говорит о нем лишь как о владении определенным технологическим механизмом (умение-навык управлять, руководить) и не рассматривает влияние профессиональной среды на процесс профессионализации человека. В данной трактовке не учитывается тот факт, что любое управленческое решение принимается человеком, а также важнейшие аспекты: первичность личностного фактора в профессионализме, индивидуальность управленца. Профессионализм тесно связан с профес-

сиональной компетентностью как интегральным показателем знаний, умений, навыков и опыта. Вне рамок приведенного выше определения понятия «профессионализм» остались условия достижения профессионализма, обусловленные профессиональной средой. В их число, с нашей точки зрения, входят: профессиональная ориентация, мотивация, активизация, адаптация, оценивание (начиная с процедуры отбора на службу), воспитание, образование (обучение) и т. д., отраженные нами в структуре профессиональной мобильности персонала. Данные условия развития профессионализма можно считать процессами, необходимыми для успешной профессионализации, а также функциями профессиональной среды, обязательными для эффективного профессионального развития кадров. Такой подход подтверждается российским ученым А. И. Турчиновым, определившим профессионализацию как непрерывный процесс, генетически связанный, с одной стороны, с деятельностью человека, а с другой — с кадровой политикой государства [16, с. 18].

Л. В. Коваленко предлагает рассматривать профессионализм в широком и узком понимании. В первом случае речь идет «о получении высшего образования с квалификацией специалиста или магистра, который позволит выполнять не только профессиональные функции, но

и общие функции управления». Во втором случае «предусматривается качественное выполнение специальных задач и функций, характерных для конкретного вида государственной деятельности, отрасли или сферы управления» [5, с. 224]. Узкое понимание, приведенное автором, на наш взгляд, представляется спорным. Получение человеком документа о высшем образовании нельзя считать фактом овладения таким системным качеством, как профессионализм. Диплом формально подтверждает получение индивидом академических знаний, умений, возможно, и навыков, которые в идеале должны соответствовать сфере профессиональной деятельности и гармонично развиваться во время работы в ней.

М. В. Сиявина пишет о профессионализме, состоящем из соответствующих знаний и профессиональных способностей [14, с. 174] (не учитывая умения и навыки). Системосоздающей идеей называет профессионализм М. П. Миненко, выделяя его «регулятивные составляющие части — профессиональную компетентность, профессиональные умения» (без знаний и навыков), «профессиональное мастерство» [8, с. 11]. Два последних толкования, на наш взгляд, неполны и абстрактны. Они не дают конкретного представления о том, из каких составляющих складывается профессионализм. А без четкого понимания

его сути невозможно определить конкретные пути профессионализации персонала, дидактические цели программ профессионального образования (обучения), самообразования, конкретное содержание многих других институциональных каналов профессионализации государственных служащих: процедур профессионального отбора, аттестации, продвижения по службе, ротации, стажировки, внесения в кадровый резерв. Такая категория, как «профессиональное мастерство», упомянутое М. П. Миненко и заимствованное, вероятно, из педагогики, хоть и употребляется в научной литературе и имеет право на использование, но конкретное ее значение зачастую не раскрывается.

С позиций модели системных требований профессионализм руководителя в системе государственной службы О. П. Губа определяет как систему профессиональных качеств, обеспечивающих наиболее эффективное осуществление возложенных на него функций и обязанностей. «С одной стороны, — продолжает он, — это высший уровень профессиональных умений в определенной отрасли, который достигается на основе навыков и творческого подхода, с другой — это уровень развития личностно профессиональных стандартов, которые ориентируют на высокий ценностный уровень выполнения деятельности, а также системы лич-

ностных норм регуляции поведения и отношений» [2, с. 9]. Эта формулировка понятия «профессионализм» скорее ориентирована на его рассмотрение с точки зрения результатов профессиональной деятельности и выполнения должностных обязанностей. В отличие от традиционной схемы формирования профессиональной компетентности на основе устоявшейся схемы «знания — умения — навыки», О. П. Губа предлагает формировать высший уровень профессиональных умений на основе навыков. Однако он не указывает, по каким критериям определять собственно уровни профессиональных умений, развития личностно профессиональных стандартов, «уровня выполнения деятельности», из чего состоит, на его взгляд, «система личностных норм регуляции поведения и отношений», и какие собственно «отношения» имеются в виду.

Размышляя о характерных признаках профессионализма государственных служащих и «невещественных активах государственных служащих», О. Зинченко разделяет последние на знание, умение, этику и мораль. На наш взгляд, из этого перечня необоснованно изъяты профессиональные навыки служащего, а также другие, не менее важные элементы профессионализма. Этика и мораль не могут отображать всего комплекса качеств профес-

сиональной культуры, поскольку культура шире их. Мораль определяется О. Зинченко следующим образом: «Не бояться изменений в работе, изменения должности, профессиональных занятий, места жительства» [3, с. 19]. Такая трактовка данной категории, на наш взгляд, слишком удалена от содержания самого слова «мораль» в научном его определении. Другие авторы рассматривают профессионализм упрощенно, как практику, которая опирается на глубокие знания, а также знания опыта других [11, с. 94].

Мысль о том, что профессионализм — результат длительного профессионального развития, разделяется украинским исследователем А. Почтовюком. Он пишет о суперпрофессионализме, который является, очевидно, высшей точкой зрелости, развития профессионализма, состоящего из нескольких групп обязательных знаний и навыков [11, с. 94]. Заметим, что указанные данным автором качества индивида являются в основном конкретными знаниями, результатом его профессионального образования (обучения), отображая преимущественно знаниевую сторону профессиональной компетентности. Умения и навыки, приведенные А. Почтовюком, на наш взгляд, фрагментарны.

Подчеркивая ценность проведенной учеными работы по опреде-

лению и классификации уровней профессионализма, определим его в контексте структуры профессиональной мобильности персонала. Профессионализм государственного служащего детерминируется в первую очередь его компетентными качествами: профессиональной обучаемостью, профессиональной культурой, собственно компетентностью (знаниями, умениями и навыками). Формирование профессионализма невозможно без высокого уровня развития качеств ценностно-ориентационной сферы человека — комплексным сочетанием и высоким уровнем профессиональных намерений, призвания, интересов, потребностей, удовлетворенности работой, профессиональной направленностью индивида в целом, а также высокими показателями работоспособности, профессиональной пригодности. Степень развитости указанных характеристик зависит от профессионального опыта, результативности реализации человека в одной или нескольких видах профессиональной деятельности и может свидетельствовать об индивидуальном вкладе человека в профессию. Важную роль в становлении профессионала играет благоприятная профессиональная среда.

Перспективным направлением научных исследований, на наш взгляд, является конкретизация содержания термина «профессиона-

лизм» с применением системной методологии. Это особенно важно при разработке эффективных рычагов (модели управления профессиональной мобильностью государственных служащих) в работе с кадрами государственной службы, в обеспечении их профессионального развития на принципах профессионализации и профессионального развития как комплексного явления. Владея содержанием, направлениями процесса профессионализации кадров, можно разра-

батывать комплекс научно обоснованных мероприятий по усовершенствованию институциональных каналов обеспечения профессионализации государственной (муниципальной) службы. Это, в свою очередь, вызовет изменения в содержании и целях профессионального образования, обучения (повышения квалификации), самообразования, конкретизации и качественного изменению подходов к личностно ориентированному развитию персонала органов власти.

1. *Василевська Т.* Професійна етика як складова професіоналізму державного службовця // Зб. наук. пр. К.: НАДУ, 2005. Вип. 2/2005. С. 111–120.
2. *Губа О. П.* Удосконалення діяльності керівника в органах державної влади: теоретико-методологічний аналіз: автореф. дис. ... канд. наук з держ. упр. Дніпропетровськ: ДРІДУ НАДУ, 2004.
3. *Зінченко О.* До питання професіоналізму в державній службі // Вісн. держ. служби України. 2006. № 1. С. 17–20.
4. *Игнатов В. Г.* [и др.]. Государственный служащий современной России: социально-политический анализ деятельности и ценностных ориентаций. Региональный уровень. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 1997.
5. *Коваленко Л. В.* Шляхи вдосконалення кадрового забезпечення державної служби // Держ. служба України: сучасний стан та напрями адаптації до стандартів Європейського Союзу: Мат. щорічн. наук.-практ. конф. 28 квіт. 2005 р. Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2005. С. 223–226.
6. *Ласійчук О.* Реформування регіональної державної кадрової політики // Акт. пробл. держ. упр. в Україні: Міжнар. наук.-практ. конф. 20 січ. 2006 р. Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2006. Ч. 1. С. 182–184.
7. *Малиновський В. Я.* Державне управління. Луцьк: Вежа, 2000.
8. *Міненко М. П.* Науково-теоретичні основи діяльності центрів перепідготовки та підвищення кваліфікації працівників органів державної влади, органів місцевого самоврядування, державних підприємств, установ і організацій в Україні: автореф. дис. ... канд. наук. з держ. упр. Дніпропетровськ: ДРІДУ НАДУ, 2005.
9. *Монусова Г. А.* Как становятся чиновниками и продвигаются по службе // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 61–70.
10. *Нинюк І. І.* Професіоналізм державних службовців / за ред. Н. Р. Нижник. Луцьк: Надстир'я, 2005.
11. *Почтовюк А.* Перспективи формування державного службовця нового типу // Акт. пробл. держ. упр. на новому етапі державотворення: Мат. наук.-практ. конф. за міжнар. уч. (31 трав. 2005 р., Київ). К.: НАДУ, 2005. Т. 2. С. 94–95.
12. *Розвиток ефективності і професіоналізму у державній службі (публ. SIGMA) / пер. С. М. Озірська.* К.: УАДУ, 2000.
13. *Розвиток людського ресурсу адміністративної реформи в Україні: стан і перспективи / кер. авт. кол. М. І. Мельник.* К.: Нора-прінт, 2002.

14. *Синявіна М. В.* Питання вдосконалення добору кадрів в органи державного управління та місцевого самоврядування // Держава та регіони: наук.-виробн. журнал («ЗІДМУ»). Серія: Державне управління. 2006. № 3. С. 172–175.
15. *Телешун С.* Окремі аспекти розвитку засад громадянського суспільства в умовах політичної реформи: трансформація системи управління // Пробл. трансформації системи держ. упр. в умовах політ. реформи в Україні: Мат. наук.-практ. конф. за міжнар. уч. (31 трав. 2006 р., Київ): у 2 т. К.: НАДУ, 2006. Т. 1. С. 11–15.
16. *Турчинов А. И.* Профессионализм и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М.: МПСИ; Флинта, 1998.
17. *Шпекторенко І. В.* Професійна мобільність державного службовця. Дніпропетровськ: Моноліт, 2009.
18. *Shpektorenko I. V.* The Civil Servants' Professional Mobility Structure. [Электронный ресурс] // Economic, Social and Administrative Changes in Central and Eastern European Countries / ed. by M. Lesechko, C. Madry. URL: <http://www.dbuapa.dp.ua/institut/kafedra/vidannya-fsdu/Shpektorenko.pdf> (дата обращения: 20.01.2011).

References

1. *Vasilevs'ka T.* Profesiyna etika yak skladova profesionalizmu derzhavnogo sluzhbovtvtsya // zb. nauk. pr. K.: NADU, 2005. VIP. 2/2005. С. 111–120.
2. *Guba O. P.* Udokonalennya diyal'nosti kerivnika v organah derzhavnoi vladi: teoretiko-metodologichniy analiz // Avtoref. dis. ... kand. nauk. z derzh. upr. Dnepropetrovsk: DRIDU NADU, 2004.
3. *Zinchenko O.* Do pitannya profesionalizmu v derzhavniy sluzhbi // Visn. derzh. sluzhbi Ukraini. 2006. № 1. S. 17–20.
4. *Ignatov V. G.* [i dr.]. Gosudarstvenniy sluzhaschiy sovremennoy Rossii: sotsialno-politichesky analiz deyatel'nosti i tsennostnyh orientatsyi: Regional'nyi uroven'. Rostov n/D.: SKNTS VSH, 1997.
5. *Kovalenko L. V.* Shlyahi vdokonalennya kadrovogo zabezpechennya derzhavnoy sluzhbi // Derzh. sluzhba Ukraini: suchasniy stan ta napryami adaptatsii do standartiv Evropeyskogo Souyuzu: Mat. schorich. nauk.-prakt. konf. 28 kvit. 2005. Odessa: ORIDU NADU, 2005. S. 223–226.
6. *Lasiychuk O.* Reformuvannya regionalnoy derzhavnoy kadrovoy politiki // Akt. probl. derzh. upr. v Ukraini: Mizhnar. nauk.-prakt. konf. 20 sich. 2006. L'viv: LRIDU NADU, 2006. CH. 1. S. 182–184.
7. *Malinovsky V. Ya.* Derzhavne upravlinnya. Luts'k: Vezha, 2000.
8. *Міненко М. П.* Naukovo-teoretichni osnovi diyatel'nosti tsentrov perepidgonovki ta pidvischennya kvalifikatsii pratsivnikiv organiv dershavnoy vladi, organiv mistseвого samovryaduvannya, derzhavniy pidpriemstv, ustanov i organizatsiy v Ukraini. Avtoref. dis. ... kand.nauk. z derzh. upr. Dnepropetrovsk: DRIDU NADU, 2005.
9. *Monusova G. A.* Kak stanoviyatsya chinovnikami i prodvigayutsya po sluzhbe // Obschestv. nauki i sovremennost'. 2004. № 3. S. 61–70.
10. *Ninyuk I. I.* Profesionalizm derzhavniy sluzhbovtstv / za red. N. R. Nizhnik. Luts'k: Nadstir'ya, 2005.
11. *Pochtovyuk A.* Perspektivi formudannya derzhavnogo sluzhbovtvtsya novogo tipu // Akt. probl. derzh. upr. na novomu etapi derzhavotvorennya: Mat. nauk.-prakt. konf. za mizhnar. uch. (31 trav. 2005, Kiiv). K.: NADU, 2005. Т. 2. S. 94–95.
12. Rozvitok effektivnosti i profesionalizmu u derzhavniy sluzhbi (publ. SIGMA) / per. С. М. Ozir'ska. K.: UADU, 2000.
13. Rozvitok luds'kogo resursy administrativnoi reformi v Ukraini: stan i perspeknivi / ker. avt. kol. M. I. Mel'nik. K.: Nora-print, 2002.
14. *Sinyavina M. V.* Pitannya vdokonalennya dobory kadriv v organih derzhavnogo upravlinnya ta mistseвого samovryaduvannya // Derzhava ta regioni: nauk.-virobn. zhurnal («ZIDMU»). Seriya: Derzhavne upravlinnya. 2006. № 3. S. 172–175.
15. *Teleshun S.* Окремі аспекти розвитку засад громадянського суспільства в умовах політичної реформи: трансформація системи управління // Probl. transformatsiy sistemi degzh. upr. v umovah

- polit. reformi v Ukraini: Mat. nauk.-prakt. konf. za mizhnar. uch. (31 trav. 2006, Kiiv): u 2 t. K.: NADU, 2006. T. 1. S. 11–15.
16. *Turchinov A. I.* Professionalizm i kadrovaya politika: problemy razvitiya teorii i praktiki. M. : MPSI, Flinta, 1998.
 17. *Shpektorenko I. V.* Profesiyna mobil'nost' derzhavnogo sluzhbovtstva. Dnepropetrovsk: Monolit, 2009.
 18. *Shpektorenko I. V.* The Civil Servants' Professional Mobility Structure. [Электронный ресурс] // Economic, Social and Administrative Changes in Central and Eastern European Countries / ed. by M. Lesechko, C. Madry. URL: <http://www.dbuapa.dp.ua/institut/kafedra/vidannya-fsdu/Shpektorenko.pdf> (data obrashenia: 20.01.2011).

А. В. ДУКА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

Ключевые слова:

теории элит, исследования элит, властные элиты, правящие группы, социальная страта, институт

Key words:

elite theories, elite studies, power elite, ruling groups, social stratus, institution

В статье обсуждаются вопросы применимости классических подходов в исследовании элит в новых исторических и социальных условиях, а также предлагаются концептуальные рамки изучения властных элит, рассматривается дуальная структура элит. Автор приводит три типа анализа властных элит. Во-первых, элиты анализируются как функциональные группы или совокупность лиц, играющих определенные социальные роли. Во-вторых, элиты представляются как социальный слой. В-третьих, они рассматриваются как институты, что связано с их (де)стабилизирующей функцией и определением ими границ существования и функционирования других институтов.

The article discusses the application of the classical approaches to the elite study in new historical and social conditions. Also this article provides theoretical frames for the investigation of power elites. Dual structure of elites is discussed. Three dimensions of such kind of research are examined. First, elites are explored as functional groups or aggregates of persons playing definite roles in a society. Second, elites could be image as social stratus. And third, since elites in the frames of their (de)stabilizing function determines the limits of other institutions and persons existence they could be consider as an 'institutionalizing' institutions.

В литературе, особенно отечественной, часто можно увидеть одновременно ссылки на классические теории элиты и работы современных российских и зарубежных исследователей, посвященные этой теме. В существовании подобного разнообразия источников неявно присутствует идея, что авторы во все времена писали как бы об одном и том же. И в этом смысле их концепции могут быть обоснованием конкретного анализа властных элит. Другими словами, существует некий исследовательский консенсус

относительно определения элит. Как отметил Дж. Маркус: «В социальных науках “элита” остается эластичным многоохватным термином, относящимся к богатым, могущественным и привилегированным в обществе — прошлом и настоящим, западном и не-западном» [34, р. 3]. Естественно, что такая многогранность употребления создает в теоретическом плане некоторые трудности, которые не всегда проявляются. «Элита — это слово, которое мы используем с легкостью в повседневном разговоре, несмот-

ря на значительную неопределенность, окружающую его» [33, р. 7]. Важно эту неопределенность снять, эксплицировать неоднозначность термина и понятия. Целью данного исследования не является инвентаризация подходов, теорий и текстов. Задача стоит иная — понять возможные концептуальные основания изучения элит, а иногда только поставить соответствующие вопросы.

В значительной степени определение понятия элиты зависит от теоретической традиции, на которую опирается автор, и связанного с ней представления об обществе, а также социального контекста, в котором проводится исследование.

Здесь необходимо иметь в виду несколько принципиальных исходных моментов. Во-первых, теории социума напрямую зависят от состояния общества, в котором они производятся (возникают). И здесь важно учитывать базовые структуры, институты, конфликты и т. д. Во-вторых, содержание анализа непосредственно связано с его «метафизическими и идеологическими основаниями». В качестве примера можно привести описание классического капиталистического общества, сделанного К. Марксом, М. Вебером, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, В. Зомбартом и др.; а также постиндустриального общества, произведенного О. Тоффлером, Д. Беллом, А. Туреном, М. Кастел-

сом и др. То же самое следует отметить и в отношении социологических теорий и концепций «организованного капиталистического общества», «социалистического общества» и т. п., а также политологических построений [9, с. 175]. От состояния (этапа развития, культурной определенности) социума, теоретической традиции и идейных предпочтений (включая «общественный темперамент») исследователя зависит, *что и как* изучается. Большинство «классических» социальных теорий центрированы на обществе и элитах, соответственно, общественно детерминированы. Неклассические теории могут по-иному выстраивать социальное пространство. А. Турен, например, прямо заявляет, что «понятие общества должно быть исключено из анализа общественной жизни» [15, с. 18]. Соответственно и возможные представления об элитах будут связываться с иными теоретическими «константами». Таким образом, властные группы в туреновской системе координат ориентированы несколько иначе и их поведение детерминировано иным образом, чем в классических социальных теориях. В связи с этим ученый пишет: «Корреляция между социальными статусами и социальным поведением говорит нам о логике системы, но еще не о логике акторов. Следовательно, мы должны вообразить другие методы, позволяющие понять

актера как автономное существо, как агента трансформации его окружающей среды и его собственной ситуации, как творца воображаемых миров, как восприимчивого к ссылкам на абсолютные ценности или существо, вовлеченное в любовные отношения. Такого рода практики и поведение требуют иного типа анализа» [39, р. 900]. События социальной жизни оказываются не связанными в некоторую систему («ансамбль»), внешнюю в отношении элит, а выступают производными их воли [39, р. 907]. Смещение внимания, когнитивного акцента учебного сразу же сказывается не только на исследовательском пространстве, но и на возможных выводах.

Приступая к исследованию, скорее всего, первоначально надо обратиться к вопросу о том, где и почему возникают элиты (или иные властные группы). Самый простой ответ на первый вопрос — в обществе. Причем в дифференцированном и сложно структурированном обществе. Основания дифференциации могут быть различными, но важно, что выделяющаяся при этом группа (элита) оказывается на позициях, позволяющих ей доминировать. Другими словами, она может *определять* символически и практически положения и действия других групп. Но эти действия являются отнюдь не односторонними и произвольными. Они предполагают известное согласие определяемых. То

есть само общество включает необходимый момент принятия возникающей внутри него, но одновременно и возвышающейся над ним иерархии. Г. Кербо отмечает: «*Стратификационные системы представляют собой попытки снизить открытый конфликт по поводу распределения ценных в обществе товаров и услуг*. Если система социальной стратификации установилась, способ, которым ценные товары и услуги распределяются, меньше нуждается в конфликте и агрессии, по крайней мере, на время» [30, р. 141]. Иерархия и группы, находящиеся на ее вершине, должны быть в той или иной степени легитимированы. В этом отношении понять (и исследовать) властные группы означает понять и исследовать само общество. Однако в научной и аналитической практике так случается далеко не всегда, чему имеются не только эпистемологические причины. Среди работ, где исследуется связь состояния общества и его властных групп в историческом аспекте следует выделить книгу Дж. Л. Филда и Дж. Хигли [22].

В зависимости от теоретической модели общества мы выбираем и значимые основания выделения доминирующей группы и отвечаем на вопрос: почему возникают элиты. Ранние классические теории элиты были производными метафизических и общесоциологических пред-

ставлений своего времени. Они создавались в эпоху позднего классического капиталистического общества, в значительной степени связанного еще с традиционным капитализмом. Данное обстоятельство следует принимать в расчет. В связи с этим уместно будет привести слова В. Зомбарта о различии социальных акторов и их мотивационного комплекса на разных этапах общественного развития: «Мы должны, проследивая источники капиталистического духа, уяснить себе, что условия его возникновения также в основе различны, *смотря по эпохам капиталистического развития*. Главным образом и здесь следует помнить о различии между эпохой раннего капитализма и эпохой высокоразвитого капитализма. Если захотеть кратко и выразительно охарактеризовать различное положение, которое занимал в прежнюю и занимает в нашу эпоху хозяйствующий субъект, то можно сказать: в эпоху раннего капитализма предприниматель делает капитализм, в эпоху высокоразвитого капитализма капитализм делает предпринимателя» [4, с. 244]. Соответственно элита возникающего буржуазного и индустриального общества, исследовавшаяся создателями классической теории, являет собой нечто совершенно иное, нежели элита современного развитого западного глобализирующегося общества. Сущующий сегодня

социум несет в себе иной контекст и иные социальные связи, структуры, институты, требующие другого теоретического инструментария. Нарождающиеся новые российские властные группы существенно отличаются от тех, которые приходили на смену аристократии традиционного общества в Европе, что не всегда принимается в расчет отечественными исследователями, ссылающимися на «классиков» и, в частности, на В. Парето.

Теория элиты и возникла отчасти как теория объяснения прихода новых «господ» и как антитеза обоснованию задачи уничтожения их в принципе. Наиболее очевидно это прослеживается в концепции Парето, социологическая система которого «антимарксистская и одновременно анти-буржуазная. Она антирационалистическая, но также анти-идеологическая. Она антипарламентская, но и антиавторитарная» [23, р. 445]. В такой, в определенном смысле, маргинальности вполне естественным оказывается употребление в его работах категорий «элита», «аристократия», «правлящий класс» как синонимического ряда. И само понятие «элита» определяется им в духе переосмысления процессов (само)определения аристократии (власть лучших)¹. В этом

¹ Именно эту особенность подхода В. Парето, принципиально отличающего его от Г. Моска, подчеркивает Р. Серено [37, р. 44–45]. Необходимо также иметь в виду различие

контексте властная элита предстает как аристократия, оформленная в правящий класс¹. И вполне естественно, что социальный анализ и отношение к властным группам В. Парето отражают точку зрения старого общества, проникнуты очевидными моральными критериями докапиталистической эпохи². Именно поэтому у него можно обнаружить такой накал страсти: «Необходимо, чтобы синдикалисты или нечто подобное мужественному простонародью поднялись бы из глубин и смели бы нашу выродившуюся элиту» [цит. по: 23 р. 449]. Но при этом критика не становится антисистемной, будучи направленной не против элит как таковых и самого принципа иерархии, но определяя необходимость прихода новой элиты, возможно даже и из профсоюзной среды. В основе данной теоретической и политической позиции лежат вполне определенные представления об обществе. Оно гетерогенно,

иерархично и *принципиально* неизменно (хотя в зависимости от доминирования того или иного класса производных и остатков социально-политическая организация может быть различной). Необходимо отметить эмпирические основания иерархии и неравенства. Исследование Парето налоговой статистики ряда стран показало, что существует закономерность в распределении доходов граждан вне зависимости от конкретных условий и времени. Это же относится и к нравственным критериям, определяющим особенности поведения в публичной сфере, интеллектуальные и физические свойства людей. Поэтому и сменяющие друг друга элиты во все времена бывают двух типов (эта точка зрения характерна в большей степени для раннего периода творчества ученого). Циркуляция элит здесь связана с представлениями о цикличности истории и общества. В этом обществе господствует иерархический индивидуальный отбор в состав элиты на основе персональных достижений (что не исключает коллективность, «стайность»).

Безусловно, у Парето активность элиты — важный элемент социальной жизни. Представители элит определяют существование неэлит, господствуют, манипулируют, подавляют, но сами они зависимы от законов развития. Молодой—зрелый—старый: типичные представле-

в трактовке самого слова «элита» в разных языках и в разное время [см.: 36, р. 515].

¹ Представляется, что равнозначность употребления терминов «элита» и «аристократия» связано в том числе с использованием понятия «аристократия» не в аристотелевском смысле (для характеристики режима, образа политического правления), а для обозначения определенной социальной группы: рубеж XVII—XVIII вв. В XIX в. этот термин стал широко употребляемым [см.: 17, с. 36–37].

² Существует также точка зрения о внеморальности и внеметафизичности подхода Парето. См.: [1, с. 81].

ния относительно социального организма и его эволюции, а также культуры (см., например, работы Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, Ф. Ратцеля и др.). Доказательной базой такого рода воззрений являлась очевидность природного круговорота, рождение и смерть живых существ.

Часто именно философско-историческое свойство концепции В. Парето и не замечается российскими исследователями, ссылающимися на него и его теорию элиты. Безотносительность социальному времени и контексту в рассуждениях о смене элит приводит к представлениям и высказываниям психофизиологического рода или рассматривается просто как смена индивидов, поколений или времен года.

Следует, однако, сказать, что большинство современных зарубежных авторов-обществоведов скорее склонно использовать терминологию, введенную Парето, чем его концептуальный анализ элит. Это отчетливо видно из применения понятия «циркуляция элит», наполняемого иным содержанием [38; 27]. Оговорка по поводу взгляда на данное явление обществоведов необходима для отделения этой категории исследователей от авторов, пишущих про элиты с позиции других областей знания и иных сфер деятельности. Здесь существует естественная экстраполяция ис-

следуемого в рамках профессиональной и повседневной активности на человеческое сообщество и элиты.

Возвращаясь к представлениям В. Парето относительно общества и элит, можно задаться вопросом о границах применимости его теории (если она вообще применима) к постсоветской действительности и о возможности ее быть «теоретической базой анализа». Представляется, что необходимо исходить из «стандартных критериев оценки адекватности теории». С точки зрения Т. Куна, к ним следует причислить такие параметры, как: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность [7]. Понятно, что указанные критерии применимы не только в отношении теории Парето: они лишь пример, и последующие рассуждения имеют более общий характер.

Отражают ли современную реальность критерии выделения элиты «по Парето»?¹ С первого взгляда — да. Но в ходе исследований возникают вопросы о конкретных персонах, и тогда приходится либо их игнорировать, либо включать уточнения вроде: «Ну, это не настоящая элита», переводя проблему

¹ В данном случае из-за достаточной известности классического определения позволю себе просто сослаться на источник: [11, с. 131–132 (§ 2027)]. См. также во многих учебниках по политологии и теории элиты.

в иную плоскость [см., напр.: 14; 5]. Как представляется, такого рода суждения порождены тем, что Г. Лассуэлл с коллегами назвал «гало-эффектом» научных понятий в социальных науках [32, р. 6]. Понятно, что совпадение ряда позиций и слабая диверсификация институтов не создавала значительных методологических проблем на рубеже XIX–XX вв. У В. Парето читаем: «Правящая элита носит ярлык, соответствующий высоким политическим постам: министров, сенаторов, депутатов, вершителей правосудия, генералов, полковников и так далее. Соответственно исключение надо сделать для тех, кто попал в эту высокопоставленную компанию, не обладая качествами, соответствующими тем ярлыкам, которые они носят» [11, с. 133 (§ 2035)]. Но дело в том, что качества, необходимые для попадания в состав элиты, соотносятся с институтами, в которых те или иные «ярлыки» обозначают высшие позиции. Это является свидетельством того, что исключения могут таковыми и не быть. Различия между индивидуальными характеристиками *per se* и требованиями к личности агрегированной — то, что можно назвать институционализированной индивидуальностью, зачастую бывают различными. Более того, внешне схожие институты содержательно могут весьма сильно различаться. В значительной степени это связано с иными, чем в класси-

ческую капиталистическую эпоху, характеристиками общества. И, соответственно, иными требованиями к теории.

Двадцатый век значительно изменил контекст теоретизирования. Как верно отмечает Н. Л. Полякова: «Важнейшие фундаментальные характеристики обществ XX в. — *организованность, массовость, а главное — рефлексивно-проективный характер социальной практики*. <...> Концептуализация этих характеристик приводит к оформлению двух фундаментальных идеальнотипических теорий обществ — *массового общества и общества организованного капитализма*» [12 с. 16]. Теории элиты, как сказано выше, в той или иной степени соотносятся с общесоциальными концептуальными моделями. Особенность отечественной элитологии в том, что для нее указанные выше проблемы — внешние. Общество хотя и было массовым, но не капиталистическим. Трансформации последних полутора десятилетий принципиально не изменили ситуацию, поэтому рецепция западных концепций часто носит искусственный характер и по-прежнему остаются «популярными» теории столетней выдержки¹.

¹ Особенно это заметно в учебной литературе. Помимо этого из зарубежных источников доступными на русском языке оказываются в основном работы Парето и Михельса [см.: 3].

Тем не менее, утверждать, что подход к выделению элиты Парето неточен, было бы не вполне правильным. Он в современном социуме односторонен, т. к. общество характеризуется значительной бюрократизированностью и возвышением роли формальных государственных, экономических и общественных институтов, устанавливающих и закрепляющих иерархию с помощью правовых и иных инструментов и все в большей степени пытающихся нормировать как можно больше сфер жизни.

По всей видимости, можно говорить о *дуальной структуре* элит. Существуют две параллельные (иногда совпадающие) элиты в любом институциональном порядке. Под последним понимается система институтов внутри социальной структуры общества, имеющих сходные цели и результаты деятельности и объективно выполняющие схожие функции [см.: 24, р. 25]. Другой вариант объяснения связан со *современным сосуществованием* как минимум двух вертикалей, на вершине которых находятся элиты. Каждая представляет собой особый институциональный субпорядок. Первый тип элиты интегрирует и структурно стабилизирует активность в рамках данной сферы деятельности [см., напр.: 8; 13; 28; 29 и др.]. Условно ее можно назвать «институциональной элитой». Второй тип элиты задает образцы поведе-

ния, делания, мысли, стиля, образа жизни — того, что связано с производством и воспроизводством культуры группы, слоя, общества [см., напр.: 2; 16; 40]. Отсюда возможное ее определение как «культурной элиты». Особенно это различие очевидно в «творческих» видах деятельности — искусстве, журналистике, науке, спорте и т. п. И здесь директор консерватории не обязательно должен быть музыкантом или даже иметь слух. Менее это заметно в политике, экономике, дипломатии, военном деле и других сферах, где существуют более жесткие принципы нормирования¹. Первая элита занимает позицию и организует деятельность в масштабах группы, общества. Она зачастую формально определена и закреплена. Это статусные начальники, достижения которых в иерархических структурах более характеризуют саму структуру и принципы ее существования, чем человека, в ней функционирующего. Вторая элита являет индивидуальные достижения и занимается организацией

¹ Параллельные иерархические системы в условиях позднего государственного социализма описаны Р. Лэйном и К. Россом: «Планирующая и административная система, контролируемая политическим классом, и квази-рыночная система с зарождающимся классом, обладающим интеллектуальными качествами и навыками». Отсюда два критерия стратификации: контроль над физическими активами и товарность умений, их пригодность для продажи [31, р. 57].

своей деятельности и иногда — своих учеников и последователей. И тем самым, поскольку эти достижения признаются всем обществом или его наиболее влиятельной частью, она задает нормы деятельности, ориентационные практики поведения, как правило, формально не закрепленные. Но есть и нечто общее у данных двух типов элит — *фиксация и определение социальных границ* — то, что конституирует данную группу как элиту. Однако способы, инструменты, ресурсы и легитимация различны. Отсюда различны системы и принципы стратификации, что и фиксируется исследователями как рассогласованность эмпирической реальности и теоретической ее интерпретации. Помимо этого, на ученого (шире — на читающую публику) влияют и функционирующие в обществе базовые нормативные представления идеально-типического свойства. Следует сказать, что позиции властных элит в значительной степени включают необходимость совмещения «культурной» и «институциональной» определенности в силу тотальности власти в современном обществе [см.: 35, ch. 4] и доминирующей роли бюрократии [см.: 29, р. 1–23]. Отсюда стиль поведения и образ жизни представителей властной элиты может выступать как образец для подражания.

Как видно из предшествующих рассуждений, область применимо-

сти теории элит Парето существенно зависит от параметров общества, в котором исследуются властные группы. В качестве иллюстрации можно привести следующее высказывание классика: «Часто аристократии погибают от анемии. У них остается определенная пассивная отвага, однако не хватает отваги активной. Не перестаешь поражаться тому, как в античном Риме периода империи многие аристократы, не сделав ни одной попытки самообороны, либо кончали самоубийством, либо легко давали убить себя только оттого, что этого пожелал цезарь» [10, с. 116]. Если отвлечься от очевидного психологизма, понятно, что изложенная ситуация возникает в обществе, где отсутствует «вакантность должностей» [см.: 18, с. 56]. Совокупность властных позиций не является предметом повседневной публичной борьбы в масштабах всего общества. Социальная группа, приватизировавшая «набор ярлыков», сохраняет его в силу «традиционной брони» на основании происхождения и закрепления этого положения сословно-правовыми разграничениями. В этом смысле аристократия, говоря языком С. Келлер, принадлежат к одной институциональной семье, все же представляет собой иной властный институт, чем элиты современного общества [см.: 28, р. 33]. Соответственно и деятельность персон, входящих во власть, ее сохраняющих,

за нее борющихся, подчинена разной логике в различных исторически определенных обществах. Другими словами, у Парето речь идет о другом типе властных групп, находящихся в другом социальном контексте. В этой связи следует поставить перед собой простые вопросы. Будет ли проявлять подобную «анемию» современная элита? Пожелай президент любой индустриальной страны, в которой есть хотя бы начатки демократии устранить неугодных людей, могли ли произойти самоубийства депутатов парламента или члена правительства? Можно, конечно, возразить, что проявления анемии различны. Так, В. Парето пишет: «В этом отношении характерны суды присяжных. Они показывают, что буржуазия поощряет худшие порывы у плебса. И там, где происходят эти весьма странные вещи, раскрывается вся глупость и опасность проявляемой буржуазией «сентиментальности» [10, с. 117]. И вроде бы так и есть. Но «поощрение плебса» является вещью необходимой в индустриальном обществе, если, конечно, элиты заинтересованы в эффективном функционировании общества и основных его подсистем, особенно экономики (и тем самым сохранения себя как доминирующей в обществе группы). То есть действия властных групп скорее не «блажь», а следование объективной необходимости. В то же время в традиционном обществе

«потрафление» низам было не столь системно необходимо, что связано в том числе с большей дистанцией в традиционном обществе между властными группами и остальным населением, чем в современном обществе [26, р. 26]. Претензии данной теории на всеохватность наталкиваются на вполне очевидные исторические ограничения.

М. Хасан в своем исследовании показала, как в исторически более простой ситуации (рассматривались временной промежуток всего в пятьдесят лет и положение в одной стране) политический контекст может влиять на способ описания и исследования властных элит [25, р. 220]. Следует отметить, что условия бытования властных групп в советскую эпоху и после крушения советской власти значительно разнятся как между собой, так и с положением элиты в эпоху классического капитализма в Европе конца XIX в. Поэтому вопрос о применимости той или иной теории, разработанной в других исторических, социальных и политических условиях, должен решаться исходя из исследовательской задачи теоретического контекста и прочих условий. В качестве еще одного аргумента можно привести слова известного исследователя элит М. Догана о том, что «теории, основывающиеся на американском опыте, не всегда могут быть экстраполированы на другие страны. Некоторые из этих аме-

риканских теорий оказались не валидными при проверке в других национальных условиях» [21, р. 3].

Вышеизложенное, конечно, не снимает вопрос о возможной плодотворности применения теории элит В. Парето, но требует существенной переформулировки задач, которые ставит перед собой ученый. В формальной логике, как известно, есть правило вывода, по которому из неистинного суждения может следовать что угодно, в том числе и истина. В этом смысле возможны результаты от применения нерелевантной теории, заслуживающие внимания, но строгие научные выводы из данной «теоретической базы» было бы делать не совсем верно. Другое дело, что это порождает научные ассоциации, отдельные фрагменты, помогающие уточнить контекст рассматриваемого конкретного случая.

Однако выбор теории не диктуется только лишь представлениями о научности. Как отмечает Т. Кун, «критерии, с помощью которых ученые определяют пригодность формулировки или применения существующей теории, сами по себе недостаточны для того, чтобы сделать выбор между двумя конкурирующими теориями» [6, с. 564]. Тем более что предложенные критерии выбора «функционируют не как правила, которые определяют выбор, а как ценности, которые влияют на выбор» [7, с. 72]. В конкрет-

ном случае они могут таковыми и не быть.

Таким образом, мы подходим к проблеме выбора теоретической модели. Как и почему исследователь выбирает те или иные теоретические основания? Как уже было отмечено выше, ученый выбирает на основании экстратеоретических и метатеоретических соображений. Но для него более существенным может оказаться фактор неосведомленности, при котором проблема выбора теории не стоит. Перечисленные основания могут породить представления о (вынужденном) произволе в выборе теоретической модели. Тем не менее, можно его минимизировать (если полностью не удастся избежать) путем постановки дополнительного вопроса о том, что мы ищем, что хотим получить, а также введения минимальных общесоциальных оснований.

Представляется, что последнее связано прежде всего с макроидентификацией российского общества: индустриальное ли оно? Рассмотренное на федеральном уровне, оно вполне может быть охарактеризовано как таковое. И, следовательно, к нему могут быть приложимы соответствующие теоретические концепции. Сложнее обстоит с регионами. В России существуют территории, на которых система социальных отношений и выстраивание властных иерархий не вполне соответствует тому, что обычно свя-

зывается с модерном: традиционность норм, кровно-родственные связи как определяющие систему доверия и должностных назначений, особый тип социальности (отношения различных групп населения к власти и взаимодействие их между собой в сфере политического влияния) [см.: 18, с. 46] и т. п. Это — Северный Кавказ, Поволжье и ряд субъектов Федерации на востоке.

В этой связи примечательны слова Х.-А. Нухаева, бывшего в 1996–1997 гг. первым заместителем премьер-министра Ичкерии: «Для возрождения нации просто нужно из главных принципов исходить: единобожие, общинная система и закон возмездия».

Как закон возмездия правильно трактовать? Как коллективную ответственность. Вот это, я считаю, достаточно для фундамента.

Второй момент: общинная система жизни. Не государственная — а общинная. А закон возмездия вписывается в общинное сознание. Кровная месть — это принцип воз-

мездия, который не на индивидуальной ответственности основан, как в цивилизованных странах, а на коллективной.

При такой коллективной, общинно-кровно-родственной ответственности каждый человек попадает под строгий контроль своих родственников, ближних, он будет на виду и не сможет скрыть ни один свой серьезный проступок и ни один проступок не останется без наказания» [19, с. 115–116].

Такого рода воззрения бытуют сегодня не только в Чечне. Понятно, что функционирование и формирование властных групп в таких социумах в корне отличается от «стандартных европейских». Цитируемый выше политик описывает свое «прозрение» после участия в выборах 1996 г.: «Пока сам не столкнулся непосредственно с этими выборами, я не понимал, насколько это все ненормально» [19, с. 175]. Критерии нормальности, с точки зрения различных акторов политического процесса, оказываются разными и несовместимыми.

1. Ашин Г. К. История элитологии. М.: Издатель А. В. Соловьев, 2004.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
3. Властные элиты и номенклатура: аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / отв. ред. А. В. Дука. СПб.: Социолог. общ-во им. М. М. Ковалевского, 2001.
4. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека // В. Зомбарт. Собр. соч. в 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 1. С. 23–478.
5. Койчуев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5–6. С. 2–12.
6. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Т. Кун. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 539–576.
7. Кун Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос, 1996. С. 61–82.

8. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.
9. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: ИД «Стратегия», 1998.
10. Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 115–124.
11. Парето В. Трактат по общей социологии [выдержки] // Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб.: Алетей, 2004. С. 77–159.
12. Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999.
14. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.
15. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
16. Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
17. Федоров С. Е. Раннеюартовская аристократия (1603–1629). СПб.: Алетей, 2005.
18. Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
19. Хлебников П. Разговор с варваром: беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М.: Детектив-Пресс, 2003.
20. Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981.
21. Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // Comparative Sociology. 2003. Vol. 2. № 1. P. 1–15.
22. Field G. L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.
23. Finer S. E. Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to Galapagos // The American Political Science Review. 1968. Vol. 62. № 2. P. 440–450.
24. Gerth H. H., Mills C. W. The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions. N. Y.: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.
25. Hazán M. The Structure of Mexican Elites: an Enduring Puzzle // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11. № 2. P. 217–229.
26. Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.
27. Higley J., Lengyel G. Elite Configurations after State Socialism // Elites After State Socialism. Theories and Analysis / ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 1–21.
28. Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York: Random House, 1968.
29. Keller S. Elites // International Encyclopedia of the Social Sciences / ed. by D. L. Sills. Vol. 5. N. Y.: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 26–29.
30. Kerbo H. R. Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective. 6th ed. N. Y.: McGraw-Hill, 2006.
31. Lane D., Ross C. The Russian Political Elites, 1991–95: Recruitment and Renewal // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by J. Higley, J. Pakulski and W. Wesolowski. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 34–66.
32. Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell E. C. The Comparative Study of Elites. An Introduction and Bibliography. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1952.
33. Marcus G. E. “Elite” as a Concept, Theory, and Research Tradition // Elites: Ethnographic Issues / ed. by G. E. Marcus. Albuquerque, N. M.: University of New Mexico Press, 1983. P. 7–27.
34. Marcus G. E. Introduction // Elites: Ethnographic Issues / ed. by G. E. Marcus. Albuquerque, N. M.: University of New Mexico Press, 1983. P. 3–6.
35. Nisbet R. A. The Sociological Tradition. N. Y.: Basic Books, Inc., Publishers, 1966.
36. Sereno R. The Anti-Aristotelianism of Gaetano Mosca and Its Fate // Ethics. 1938. Vol. 48. № 4. P. 509–518.

37. *Sereno R.* The Rulers. N. Y.: Frederick A. Praeger, Publisher, 1962.
38. *Szelenyi I., Szelenyi S.* Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. № 5. P. 615–638.
39. *Touraine A.* A Method for Studying Social Actors // *Journal of World-Systems Research*. 2000. Vol. 6. № 3. P. 900–918.
40. *Warner W. L. and Associates.* Democracy in Jonesville: A Study in Quality and Inequality. N. Y.: Harper & Row, Publishers, 1964.

References

1. *Ashin G. K.* Istoriya elitologii. M.: Izdatel' A. V. Solov'yev, 2004.
2. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa. M.: Progress, 1984.
3. Vlastnye elity i nomenklatura: annotirovannaya bibliografiya rossiyskikh izdaniy 1990–2000 / otv. red. A. V. Duka. SPb.: Sotsiolog. obsch-vo im. M. M. Kovalevskogo, 2001.
4. *Zombart V.* Burzhua: Etudy po istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka // *V. Zombart. Sobr. soch. v 3 t.* SPb.: Vladimir Dal', 2005. T. 1. S. 23–478.
5. *Koychuev T.* Elita postsotsialisticheskogo obschestva. Kogo k ney otnosit'? // *Obschestvo i ekonomika*. 2007. № 5–6. S. 2–12.
6. *Kun T.* Logika otkrytiya ili psikhologiya issledovaniya? // *T. Kun. Struktura nauchnyh revolyutsiy*. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. S. 539–576.
7. *Kun T.* Ob'ektivnost', tsennostnye suzhdeniya i vybor teorii // *Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, ratsionalnost', tsennosti v trudah mysliteley Zapada*. M.: Logos, 1996. S. 61–82.
8. *Manhey M.* Chelovek i obschestvo v epohu preobrazovaniya // *K. Manhey. Diagnostika nashego vremeni*. M.: Yurist, 1994. S. 277–411.
9. *Mills Ch. R.* Sotsiologicheskoye voobrazheniye. M.: ID «Strategiya», 1998.
10. *Pareto V.* O primeneni sotsiologicheskikh teoriy // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1996. № 2. S. 115–124.
11. *Pareto V.* Traktat po obschey sotsiologii [vyderzhki] // *Osipova E. V.* Sotsiologiya Vil'fredo Pareto: politicheskyy aspekt. SPb.: Aleteya, 2004. S. 77–159.
12. *Polyakova N. L.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obschestva. M.: Logos, 2004.
13. *Toffler E.* Tret'ya volna. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 1999.
14. *Toschenko Zh. T.* Elita? Klany? Kliki? Kak nazvat' teh, kto provit nami? // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 1999. № 11. S. 123–133.
15. *Turen A.* Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego: ocherk sotsiologii. M.: Nauchny mir, 1998.
16. *Worner U.* Zhivye i myortvye. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000.
17. *Fedorova S. E.* Rannestuartovskaya aristokratiya (1603–1629). SPb.: Aleteya, 2005.
18. *Fure F.* Postizhenie Frantsuzskoy revolyutsii. SPb.: INAPRESS, 1998.
19. *Khlebnikov P.* Razgovor s varvarom: Besedy s chechenskimi polevym komandirov Khozh-Akhmetom Nukhaevym o banditizme i islame. M.: Detektiv-Press, 2003.
20. *Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A.* Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981.
21. *Dogan M.* Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // *Comparative Sociology*. 2003. Vol. 2. № 1. P. 1–15.
22. *Field G. L., Higley J.* Elitism. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.
23. *Finer S. E.* Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to Galapagos // *The American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. № 2. P. 440–450.
24. *Gerth H. H., Mills C. W.* The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions. N. Y.: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964.
25. *Hazán M.* The Structure of Mexican Elites: an Enduring Puzzle // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. № 2. P. 217–229.
26. *Higley J., Burton M.* Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

27. *Higley J., Lengyel G.* Elite Configurations after State Socialism // *Elites After State Socialism. Theories and Analysis* / ed. by J. Higley, G. Lengyel. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 1–21.
28. *Keller S.* Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York: Random House, 1968.
29. *Keller S.* Elites // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / ed. by D. L. Sills. Vol. 5. N. Y.: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 26–29.
30. *Kerbo H. R.* Social stratification and inequality: class conflict in historical, comparative, and global perspective. 6th ed. N. Y.: McGraw-Hill, 2006.
31. *Lane D., Ross C.* The Russian Political Elites, 1991–95: Recruitment and Renewal // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / ed. by J. Higley, J. Pakulski and W. Wesolowski. Basingstoke: Macmillan, 1998. P. 34–66.
32. *Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell E. C.* The Comparative Study of Elites. An Introduction and Bibliography. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1952.
33. *Marcus G. E.* “Elite” as a Concept, Theory, and Research Tradition // *Elites: Ethnographic Issues* / ed. by G. E. Marcus. Albuquerque, N. M.: University of New Mexico Press, 1983. P. 7–27.
34. *Marcus G. E.* Introduction // *Elites: Ethnographic Issues* / ed. by G. E. Marcus. Albuquerque, N. M.: University of New Mexico Press, 1983. P. 3–6.
35. *Nisbet R. A.* The Sociological Tradition. N. Y.: Basic Books, Inc., Publishers, 1966.
36. *Sereno R.* The Anti-Aristotelianism of Gaetano Mosca and Its Fate // *Ethics*. 1938. Vol. 48. № 4. P. 509–518.
37. *Sereno R.* The Rulers. N. Y.: Frederick A. Praeger, Publisher, 1962.
38. *Szelenyi I., Szelenyi S.* Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. № 5. P. 615–638.
39. *Touraine A.* A Method for Studying Social Actors // *Journal of World-Systems Research*. 2000. Vol. 6. № 3. P. 900–918.
40. *Warner W. L. and Associates.* Democracy in Jonesville: A Study in Quality and Inequality. N. Y.: Harper & Row, Publishers, 1964.

В. Э. ШЛЯПЕНТОХ

ВЛИЯНИЕ ЭЛИТЫ НА СТРУКТУРУ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН

Ключевые слова:

элита, социальные изменения, народные массы, культурологические концепции, модернизация

В статье рассматриваются истоки главных проблем современного российского общества и обсуждаются факторы, определяющие основное направление его развития. Автор высказывает мнение о том, что деятельность элит в гораздо большей степени, чем культурные традиции, определяет будущее развитие России и, в частности, успех модернизации страны.

Точка зрения, высказанная В. А. Ядовым в статье «К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества»¹ в отношении факторов, определяющих будущее развитие России, послужила своеобразным толчком для рассмотрения данного вопроса. В этой связи важно отметить, что с помощью культурологических концепций невозможно объяснить главные проблемы современного российского общества, в частности, положение дел с его модернизацией. Как правило, культурологические концепции основываются на общепринятом в амери-

Key words:

elite, social changes, multitudes, culturological concepts, modernization

The roots of the main problems of contemporary Russian society are developed in the article and the factors defining main direction of its development are discussed. The author tries to show that the future development of Russia and success of its modernization in a greater degree depends on activity of elite, than from cultural traditions.

канской социологии постулате, гласящем, что общество регулируется в основном социальными ценностями, интернализированными членами общества в процессе первичной или вторичной социализации.

При рассмотрении вопросов развития общества положим в основу определение основных ценностей как мерила важности объектов окружающего мира и как характеристики важности целей, индивидуальных и общественных. На наш взгляд, культурологический подход (его главным теоретиком в середине XX в. стал Т. Парсонс) искажает реальный процесс регулирования общества и не объясняет полностью, как в обществе поддерживается порядок и сохраняются существующие политические и социальные структуры. При применении данного подхода также сложно получить

¹ См.: Ядов В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института социологии РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1736> (дата обращения: 14.10.2010).

достоверное объяснение процесса изменений в обществе, а также ответ на вопросы: как происходят трансформации в обществе, как видоизменяются основные структуры общества (политическая, экономическая, социальная и технологическая) и как меняется сама культура с ее ценностями и картинами мира. Эти изменения происходят под воздействием объективных факторов (динамика развития экономики и уровня жизни, технологический прогресс, изменения геополитических обстоятельств) и деятельности старой и новой элиты.

Роль исходных массовых ценностей в сохранении статус-кво и трансформации общества намного меньше, чем предполагают культурологи. Старинная марксистская парадигма изменений с тремя ее известными компонентами (производительные силы, производственные отношения и надстройка), несмотря на то, что в ней особое место отводилось экономике и недостаточно оценивалась самостоятельность «надстройки», более продуктивна в изучении социальной динамики, чем культурологические схемы, ищущие причину или отсутствие изменений в ценностях, разделяемых массами. Существующие ценности не могут служить причиной стабильности или динамики общества, главным образом потому, что они не являются незави-

симыми переменными по отношению к обществу, а сами зависят от того, что в нем происходит, и прежде всего от действий элит, старых или новых.

На наш взгляд, поведение людей, вербальное и материальное, в первую очередь регулируется внешними нормами и правилами [5]. Ценности же часто выступают в виде инструмента рационализации того поведения, которое навязано «сверху» как идеологическое «оформление» внешних позитивных или негативных стимулов, примерно так, как описывал поведение людей американский психолог Б. Скиннер, а еще раньше английский философ Т. Гоббс. Несоблюдение норм и правил влечет санкции — прямые наказания: от потери вознаграждения и шансов на продвижение до потери работы и уголовного наказания, включая лишение свободы или даже жизни. Поэтому страх перед санкциями является гораздо более мощным стимулом поведения людей, чем моральный дискомфорт от нарушения интернализированных ценностей, который также влияет, но в умеренной степени на поведение людей. Люди, зависимые от поощрений и наказаний начальства и ближайшего окружения, не могут быть инноваторами по определению, равно как и нести ответственность за стагнацию общества. Стахановское движение, которое описывалось советской пропагандой

как возникшая «снизу» народная инициатива, было организованной сверху акцией, как, впрочем, и все новаторские начинания в советском обществе. Практически все массовые движения в Америке в последнее полвека возникли по инициативе не рядовых граждан, а активистов, получивших поддержку СМИ, политических партий и государства.

Я придерживаюсь теории, согласно которой элиты, распоряжающиеся ключевыми ресурсами в стране, являются главным агентом изменений в любом когда-либо существовавшем обществе. Элиты — это группы людей, способных влиять на поведение и сознание масс. Выделяются три типа элиты: политическая, экономическая и культурная. В известном смысле эта типология близка к неомарксистскому выделению трех типов капитала: политического, экономического и культурного.

Под политической элитой я понимаю группу людей, принимающих стратегические решения и имеющих доступ к высшим эшелонам власти и контролю над институтами, оказывающими влияние на сознание людей. Это определение относится как к властвующей элите, так и к оппозиционной элите, если она имеет свои институты идеологического (включая религиозное) воздействия на массы и высокие позиции в государственном аппарате.

Правящая политическая элита невелика по размерам и насчитывает не более сотни людей. В авторитарном обществе тот, кто оказывается у вершины власти и имеет монополию на главные «рычаги» управления: армия, политическая полиция и медиа, имеет возможность, с учетом всевозможных ограничений, включая настроения масс, коренным образом влиять на состояние общества. Общациональная и локальная бюрократия элитой не является и выступает как инструмент режима.

Известной автономией обладают экономическая и культурная элиты. В авторитарном обществе эта автономия минимальна, в демократическом — весьма значительна. Это особенно касается элиты, управляющей экономикой. Ее автономия в демократическом обществе может достигать такого уровня, что главы больших корпораций превращаются в феодальных лордов, соперничающих с политической элитой. Культурная элита, которая профессионально занимается созданием и распространением знаний и идеологии, в авторитарном обществе в целом служит политической элите, хотя всегда несет в себе оппозиционные власти элементы. В демократическом обществе ее оппозиционность существенно возрастает, хотя и здесь она служит политической элите, правящей или оппозиционной, и экономической —

способной оказывать огромное влияние на медиа.

Только элиты, властвующие и оппозиционные, и прежде всего политические, инициируют организационные изменения в обществе, одновременно предпринимая меры для изменений, в первую очередь среди активной части общества — молодежи и образованных людей, используя культурную элиту, системы ценностей населения. Атаки на старые ценности, как правило, всегда удаются, даже если меньшинство населения оказывается для элиты «твердым орешком» и продолжает их разделять. В терминах марксистской парадигмы, процитированной выше, элита представляет ту «надстройку», которая не столько меняется под влиянием «базиса» (это утверждается ортодоксальным марксизмом), сколько сама меняет и «базис», и даже «производительные силы», ускоряя или замедляя их развитие.

Отрицая ключевое значение массовых ценностей в развитии общества, следует отметить их огромную роль в случае если их разделяют члены политической элиты, а также те, кто ее обслуживает, кто причастен к управлению людьми и к формированию их сознания: журналисты, преподаватели вузов и школ, социальные исследователи. Ценности «активистов» в управлении обществом, их интеллектуальные и эмоциональные инвестиции

намного устойчивее, чем ценности рядовых людей. Знаменитый феномен «старых большевиков», открытый А. И. Солженицыным в «ГУЛАГе» (старые партийцы, умирая в лагере, оставались верными не только марксизму, но и персонально Сталину), иллюстрирует эту мысль.

Однако для большинства людей характерна значительная подвижность ценностей. В этой связи представляется нецелесообразным, как это традиционно присуще культурологам, преувеличивать стабильность ценностей, даже если они передаются из поколения в поколение. Ведь каждое новое поколение может быстро усвоить ценности, отличные от ценностей, присущих поколению их родителей, оказавшись в другом социально-политическом контексте, например, в результате революционных изменений на родине или оказавшись за рубежом.

Представляется, что массовые ценности воспроизводятся главным образом потому, что в этом заинтересована господствующая «старая» элита. Конечно, если элита на протяжении столетий «втолковывала» массам одни и те же воззрения, например, страх перед государством, ксенофобию и пренебрежение к личности, то эти ценности, передаваясь из поколения в поколения, выглядят почти как генетические, и затраты, которые должны произвести элиты, решившие менять об-

щество, окажутся многократно выше, чем в тех случаях, когда речь идет об относительно «временных» ценностях: Б. Н. Ельцин с легкостью уничтожил уважение к демократическим институтам, которое насаждалось только со времен перестройки.

Подход к изучению общества, развиваемый в данном исследовании, находится в ортогональном отношении к господствующей среди многих западных социологов постмодернистской методологии, которая тяготеет к описанию социальных процессов, как бы формируемых «снизу» в результате деятельности суверенных индивидуумов, свободно делающих свой выбор — от политических взглядов, способов описания мира и религии до пола и этноса.

Концепция В. А. Ядова

В упомянутой выше статье В. А. Ядов размышляет о месте России в мире и о том, от чего зависит характер российского исторического процесса. Из двух доминирующих парадигм в современной социологии — «активистской» и «культурологической» с упором на «национальные особенности» — Ядов выбирает первую. Сторонники первой парадигмы «концентрируют внимание на *пусковом механизме* изменений — агентах, которые, подобно тому, как это имеет место

в химической реакции, запускают процесс». Сторонники второй парадигмы, если упростить их точку зрения, утверждают, что в каждом обществе завтра будет то же, что и сегодня, потому «исторически пройденный путь является чуть ли не краеугольным камнем» будущего народов и государств в мировом обществе.

Поразительно, что Ядов, заявив в начале статьи о своей приверженности к активистской парадигме, забывает ее в своем дальнейшем тексте и увлекается компаративистской культурологией (называемой им парадигмой «национальных особенностей») в поисках той «колеи», по которой движется Россия и «из которой непонятно, можно ли выйти» [1].

Ядов присоединяется к мнению исследователей, которые после 2000 г. (в отличие от авторов 1990-х гг., делавших акцент на роли агентов изменений) стали полагать, что главные проблемы модернизации страны лежат в российской культуре. Культурология «нулевых годов» доказывает бесперспективность борьбы с коррупцией и произволом чиновников, потому что «так всегда было» — удобнейшая позиция для обоснования конформизма и политической пассивности. Неудивительно, что теорию о непреодолимости коррупции в России разделяют и часть оппозиции, и правящая партия, сомкнувшись в со-

гласии, что статус-кво невозможно изменить. Некоторые либералы, вопреки очевидным фактам, полагают, что коррупция «при коммунистах» была, по крайней мере, не ниже, чем в постсоветской России.

В. А. Ядов обосновывает свой культурологический подход к объяснению трудностей модернизации в России ссылками на данные многочисленных опросов:

- По данным В. Магуна и М. Руднева, «россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны государства», и у них «менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску», чем у населения западноевропейских стран.
- Согласно исследованию по методике Р. Инглхарта, население России, как и других бывших стран СЭВ, отличается от населения государств Западной Европы доминированием ориентации людей на материалистические ценности, а не постматериалистические.
- По утверждению Н. М. Лебедевой, «посткоммунистические общества лежат намного ниже, чем другие, по шкале доверия, толерантности, ценностей самовыражения».
- Из исследований Е. Ясина следует, что «по важнейшим направлениям произошел откат назад <...> культурные предпо-

сылки модернизации ухудшились».

- Сотрудниками Института социологии РАН за 2004–2007 гг. доля выбирающих ценность свободы сократилась с 26 до 20%, а доля сторонников сильного государства увеличилась с 41 до 47%.
 - «Заслуживают серьезного внимания исследования Н. И. Лапина», — пишет Ядов. Он пришел к выводу, что для россиян характерен «толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей» как рациональный ответ жизненных миров граждан на аксиологический вызов трансформирующегося общества, и этот симбиоз «не является роковым препятствием для модернизации российского общества, а наиболее значимое ее препятствие коренится в отсутствии сетевых институтов саморазвития, прежде всего — инновационных».
 - Согласно данным К. Касьяновой, «россияне зашкаливают по тесту “циклоидность”. В переводе с языка психоаналитиков на общепонятный это означает, что мы не склонны к систематически выполняемой деятельности, независимо от настроения».
- Тщательное сравнение ценностей населения России и других стран, выявление роли отдельных типов ценностей имели бы цент-

ральное значение для решения той задачи, которую Ядов поставил перед собой — изучение условий модернизации в России — в том случае, если бы базовые допущения, которые исследователь молчаливо предполагает правильными, были таковыми.

Первое допущение. Ценностные ориентации и ментальность народа в целом выступают как независимые и достаточно стабильные переменные, а вовсе не являются продуктом быстрых изменений в обществе (технологических, экономических, социальных) и, что особенно важно, целенаправленного воздействия власти и новых обстоятельств, создаваемых властью.

Второе допущение. Поведение людей «согласуется с собственными ценностными ориентациями», и это поведение эмпирически влияет на процессы в стране, что и предполагает важность изучения ценностей для выяснения темпов модернизации. Я не поднимаю вопрос о достоверности данных, приводимых Ядовым. Многие из них, в том числе данные международного исследования Инглхарта, сомнительны, ибо ответы респондентов находятся под сильным влиянием властей. Другими словами, люди давали ответы на вопросы в разрезе официальных ценностей общества. Например, Инглхарт принимает «за чистую монету» ответы китайцев на весьма политизированные вопросы.

Если же эти главные допущения Ядова теоретически и эмпирически не обоснованы, то вряд ли изучение степени близости русской ментальности к западноевропейской, как это выявляют далекие от надежности опросы, может объяснить то, что происходит в российском обществе, и объяснить, почему темпы его модернизации не устраивают многих, в том числе и Президента страны.

Однако предположим, что массовые ценности — традиционные по своей природе — оказывают большое (для некоторых авторов, к примеру, Л. Гудкова, решающее) влияние на процессы модернизации страны.

Сравнение массовых ценностей и индикаторов модернизации

Между тем существует почти абсолютный консенсус по вопросу о том, чем измеряются темпы модернизации в России. Для выявления перечня индикаторов и задач модернизации России проще всего рассмотреть известную статью Президента РФ Д. А. Медведева¹ или материалы Института современного развития, считающегося «мозговым трестом» Президента². Теперь

¹ См.: *Медведев Д. А. Россия, вперед!* [Электронный ресурс] // Газета.ру 2009. 10 сентября. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 14.10.2010).

² См.: *Кремлевские мечтатели* // Новая газета. 2010. 5 февраля.

зададимся вопросом: какие же ценности, которыми оперируют социологи, могут оказать прямое влияние на задачи модернизации, поставленные Президентом. Неужели они могут повлиять на «экспорт уникальных технологий, энергоэффективность и производительность труда или разработку новых видов топлива»? Быть может, они могут воздействовать на «уровень ядерных технологий или совершенствование информационных технологий», на «подготовку средней и высшей школой достаточного количества специалистов для перспективных отраслей» или на «концентрацию усилий научных учреждений на реализации прорывных проектов» вместе с «приглашением на работу лучших ученых и инженеров из разных стран мира»?

Что касается социальных проблем, то следует отметить, что только те исследователи, которые игнорируют российскую реальность и существующие возможности масс принимать участие в политической жизни страны, могут утверждать, что решение таких задач, как «создание предельно открытой политической системы, динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуры, политической культуры свободных, обеспеченных, критически мыслящих и уверенных в себе людей, современного эффективного суда», зависит,

прежде всего, от таких факторов, как соотношение материалистических и постматериалистических ценностей или характера «симбиоза культурно-разнородных ценностей».

Несомненно, традиционные образцы мышления и поведения способствуют воспроизводству той социально-политической системы, которая господствует в обществе. Именно она помогает сохранять тот строй, который «нравится» властям. Культурные традиции работают на элиту, желающую сохранить статус-кво, будь это Россия, США или Саудовская Аравия. Даже ценности, стимулирующие изменения повседневной жизни в таком динамичном обществе, как американское, довольно-таки слабые. Сам по себе культ индивидуализма не предполагает автоматического стремления к переменам. Потребность нововведений приходит в массовое сознание не потому, что оно жаждет изменений, а потому, что это навязывается технологическим прогрессом (мобильные телефоны вошли в жизнь всего мира — от африканских деревень до Манхэттена — не из-за стремления граждан к переменам). Необходимость изменений диктуется также стремлением к выживанию в условиях конкуренции (экономической, геополитической) или навязывается активистами, агентами, элитой.

Политическая элита — главный агент изменений общественного сознания

В 1990-е гг. под влиянием развала коммунистической системы в России и Восточной Европе в анализе политических процессов (в России и на Западе) преобладало убеждение, что активные социальные актеры и, в первую очередь, правительство сумеют коренным образом трансформировать социально-экономические и политические структуры России, одновременно изменив ментальность россиян. Однако в начале 2000-х гг. в связи с политическими процессами в стране и нарастанием авторитарных тенденций произошел резкий сдвиг в сторону культурологического подхода. Возросло число статей и книг, утверждающих, что Россия обречена двигаться по авторитарной колее неопределенно долгое время и что процесс ее радикальной модернизации невозможен из-за ментальности российского населения. В России эту точку зрения изложил Л. Гудков [см.: 2]¹.

Суть позиции Л. Гудкова отражают слова: «...пределы возможной в России модернизации (или ее внутренние дефекты) очерчены ха-

рактером действующих институтов и связанным с ними типом человека, его моралью». Гудков утверждает, что причина «абортированной модернизации» кроется «в полном имморализме российского общества»². По сути, позицию Гудкова, рассматривающего российскую ментальность как препятствие модернизации (он категорически отвергает всякие обвинения в адрес либеральной элиты, бывшей у власти в 1990-е гг.), разделяет множество авторов на Западе, фактически все, кого цитирует Ядов, и, в конечном счете, он сам.

Поразительно, как культурологи, настаивая на традиционных ценностях, почти полностью игнорируют роль господствующей элиты в поддержании и формировании ценностных ориентаций населения. Между тем у элит, особенно у правящей, имеется в распоряжении мощный арсенал средств для насаждения той системы ценностей, которую они считают необходимой для себя и общества.

Средства идеологического воздействия. Прежде всего укажем на средства массовой коммуникации, институты образования, все виды искусства и литературы. Нынешняя российская элита использует эти средства для внедрения в сознание россиян мысли о том, что Запад

¹ Критический анализ ряда положений статьи Л. Гудкова «К проблеме негативной идентификации» [2] опубликован журналом «Мониторинг Общественного Мнения» [3], см. также [6, р. 165–196].

² Гудков Л. Невозможность морали // Независимая газета. 2008. 9 апреля.

и особенно Америка — враги России или что только авторитарные методы хороши для страны. В США элиты используют эти же средства для внушения идеи важности борьбы с международным терроризмом и с расовой дискриминацией или для поддержки инвалидов и борьбы с курением. В обоих случаях успех элиты в формировании общественного мнения очевиден. Не удивительно, что для тоталитарного государства монополия на СМИ и образование — задача первостепенная. Не случайно, когда обамовскую администрацию не устроила точка зрения, высказываемая консервативным телевизионным каналом «Фокс», были предприняты различные меры для его дискредитации.

Вознаграждение и страх санкций. Однако есть еще более эффективный фактор, обеспечивающий внедрение соответствующих ценностей в сознание масс. Это система материального и нематериального вознаграждения и санкций за отклонение в поведении и публичных высказываниях от принятых элитой стандартов.

Если ученый, высказывающийся, к примеру, против политической корректности в США, не имеет возможности найти работу в университете, то этот факт как сигнал воспринимается всеми аспирантами, жаждущими академической карьеры. Можно не сомневаться, что по-

давляющее большинство из них не только откажется от противоречащих соответствующим ценностям действий или слов, но и почти мгновенно внедрит эти ценности в собственное сознание и будет доказывать своим близким их правильность.

Если российские журналисты видят, что их коллеги с проамериканскими взглядами не имеют шансов получить доступ к экрану главных телевизионных каналов, то большинство из них не только соглашается делать то, что одобряют власти, но и трансформируют свое сознание и будут предсказывать США скорую гибель.

Новые объективные обстоятельства, быстро меняющие ценности

Новые условия жизни, созданные стихийно или прямыми усилиями элиты, сами по себе меняют ценности россиян, но опять-таки элиты выступают в качестве инструмента этих изменений.

В. Ядов ссылается на данные В. Магуна и М. Руднева, показывающие, что «россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны государства, менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску», чем населению западноевропейских стран. И опять-таки здесь причина и следствие меняют-

ся местами. Вполне естественно, что россияне, живущие под постоянным давлением произвола государства и беззакония, мечтают о том, чтобы быть защищенными от него; исследователями это воспринимается как причина того, что государство играет огромную роль в жизни общества. Да и сами СМИ в последнее десятилетие в противоположность 1990-м гг. с их пропагандой «государственности» и возвеличиванием лидеров, выступавших как носители государственного начала (вспомним действия В. В. Путина в Пикалево), способствовали возрождению культа государства как главной «скорой помощи» простым людям.

И вполне естественно, что в условиях отсутствия стабильных правил в экономике граждане Российской Федерации, будучи здоровыми людьми, не склонны предаваться опасным экспериментам. Опять-таки российские СМИ и выступления официальных лиц на протяжении десятилетий способствовали внедрению в сознание масс (в добавлении к их собственному опыту) картины общества, в котором мошенники и бандиты правят бал. Сравните с советской пропагандой и советскими фильмами, рисовавшими благостную картину мира, в которую верило большинство граждан, даже в тех небольших городах, где царила преступность.

Гудков указывает на взаимное недоверие россиян друг к другу,

связывая эту особенность с российскими традициями¹. Отметим, что недоверие друг к другу типично не только для современных россиян, но и для многих других наций [4, р. 200]. Дело в том, что степень недоверия между рядовыми людьми является прямым следствием того, как работает правоохранительная система в обществе и как соблюдаются его законы. Так, если американец уверен в том, что в случае конфликта с другими он может полагаться на немедленное вмешательство полиции, а затем и суда, у него нет основания бояться того, что сосед, сослуживец или приглашенный сантехник его обманет. Он может идти на риск доверия к нему и, как правило, не проигрывает.

Поразительно, что российские социологи тоже вменяют в вину россиянам и их «национальному характеру» социальную пассивность, ссылаясь на то, что «абсолютное большинство, то есть 90% граждан, считают, что они не в состоянии влиять ни на какие дела, которые выходят за пределы ближайшего круга»². При этом социологи ни слова не пишут о том, что социальная пассивность навязана недемократи-

¹ См.: Липский А. Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 3 апреля; Липский А. Фоторобот российского обывателя. Часть 3. Вертикальная мобильность // Новая газета. 2008. 30 июня.

² См.: Липский А. Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 3 апреля.

ческим государством, отнявшим у населения всякую возможность реальной политической деятельности. Не менее примечательно и обвинение российских граждан в положительном отношении к коррупции как неизбежному злу, что отмечает соавтор Гудкова А. Левинсон при анализе российского общества¹. Впрочем, сам Гудков отмечает в той же статье, что «люди приспосабливаются <...> через коррупцию, через семейно-родственные неформальные связи».

Характер социальной мобильности и ценности, определяемые властью и жизненными обстоятельствами, такими, как условия продвижения по службе, являются мощнейшими факторами, способными почти мгновенно менять цен-

ностные ориентации граждан. Взять, например, отношение к науке и профессии ученого в современной России. В советские времена престиж ученого был фантастически велик. Он был намного выше, чем в Америке. Сегодня престиж ученого в России удивительно низок. Гудков и другие утверждают, что это — результат «подавленности мотиваций достижения» в системе ценностей россиян. Между тем очевидно, что российские молодые люди, вполне рационально мыслящие, адаптируются к государственной политике в отношении науки и к реальным условиям жизни ученого в России, предпочитая делать карьеру в государственном аппарате, обещающую ему материальные выгоды и престижное положение в обществе.

Влияние элиты на структуру ценностей населения

Российская история XX в. убедительно опровергает взгляд о «непробиваемой ментальности русского народа».

Если рассматривать вопрос, каким образом российским политическим элитам удавалось в короткие сроки и кардинальным образом менять шкалу ценностей населения, то следует начинать с советских времен — с победы советской власти после Октябрьской революции. За короткий исторический период большевики сумели существенно

¹ Теорию непреодолимой склонности россиян к коррупции опровергла Ю. Латынина, рассказывая, как сравнительно легко и быстро руководство Грузии добилось успехов в борьбе с коррупцией, считавшуюся там не менее укоренившейся, чем в России. Латынина говорит: «В этой стране проведена реформа полиции. Причем страна Грузия была синонимом коррупции, как в советское время, так и во времена Шеварднадзе, когда в Тбилиси не было света, а полиция занималась тем, что торговала наркотиками и людьми с Панкисским ущельем. И вот проведена полная реформа полиции, эта полиция лучше, чем в Израиле или Америке, по крайней мере, такая же. Она не берет взятки вообще. Не просто не берет, а вообще не берет» (См.: *Латынина Ю.* Код доступа. [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 2009. 21 ноября. URL:<http://www.echo.msk.ru/programs/code/635789-echo/> (дата обращения: 14.10.2010.)).

разрушить такие ведущие ценности дореволюционного общества, как частная собственность, религия, ксенофобия, включая антисемитизм, и создать уважение к таким ценностям, как социализм, коллективизм, общественная собственность, плановая экономика, дружба народов, партия, наука и ряд других. Большевики полностью изменили в сознании большинства отношение к дореволюционной истории и создали свои «иконы» вроде Октябрьской революции, Гражданской войны, Ленина.

А с какой легкостью Сталин в 1940–1950-е гг. внедрил в сознание масс русский шовинизм и антисемитизм! В течение короткого исторического периода интернационалистическая идеология была вытеснена новой, прямо противоположной. Подавляющее большинство русских стало исповедовать новые взгляды на национальные отношения не только на партийных собраниях, но и дома, с самыми близкими друзьями. Кремль без труда внедрил в массовое сознание абсолютно новую трактовку русской истории, которая полностью ликвидировала тот ее вариант, который преподавался ранее.

После 1985 г. М. С. Горбачев и либералы (а до этого оппозиционная элита в 1960-е гг.) произвели новую революцию ценностей в обществе. Они сумели существенно подорвать уважение к обществен-

ной собственности и плановой системе, к государству, силам безопасности, армии и внушить значительной части населения почтение к универсальным ценностям, сурово преследуемым советской властью — демократии и рыночной экономике, политическим свободам и частной собственности. Опять был произведен почти полный пересмотр отечественной истории, принятый значительной частью общества.

С приходом к власти В. В. Путина произошло очередное изменение структуры ценностей населения. Существенно выросла значимость таких ценностей, как главенствующая роль государства в жизни общества; вера в величие России и ее ключевую роль в мировой политике, а также в особый путь исторического развития страны и в авторитаризм как наиболее приемлемую форму российского политического устройства; презрение к западной политической модели и к демократии, негативное отношение к Америке и соседям — бывшим советским республикам и бывшим союзникам (Украине, Грузии, Польше в первую очередь).

Рисуя крайне непривлекательный образ современного россиянина, Л. Гудков и Б. Дубин вменяют ему среди других негативных черт также острую ксенофобию и антизападные, особенно антиамериканские настроения, веру в то, что «Рос-

сия — в кольце врагов»¹. Порази- тельно, что они оба буквально ни слова не сказали о том, что антиза- падные, антиукраинские и антигру- зинские лозунги открыто насажда-

лись в массовое сознание государ- ством и средствами массовой информации, представляя это поло- жение дел таким образом, словно некая стихийная ксенофобия стала распространяться снизу и затем внедрилась во «властные отноше- ния, силовые структуры, образова- ние, в культуру и телевидение».

¹ См.: *Липский А.* Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 28 ав- густа.

1. *Аузан А. Л.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3.
2. *Гудков Л.* К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5 (49). С. 35–44.
3. *Шляпентох В.* Письмо в редакцию // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2.
4. *Inglehart R., Basanez M., Diez-Medrano J., Halman L., Luijckx R.* Human beliefs and values: a cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys. México City: Siglo XXI, 2004.
5. *Shlapentokh V. E.* Fear in contemporary society: its negative and positive effects. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
6. *Shlapentokh V. E.* Russian Civil Society: Elite Versus Mass Attitudes to Democratization // Democratization. Comparisons, Confrontations and Contrasts / J. Ciprut (ed.). Cambridge: MIT Press, 2008. P. 165–196.

References

1. *Auzan A. L.* Obschestvennyi dogovor i grazhdanskoe obschestvo // Mir Rossii. 2005. № 3.
2. *Gudkov L.* K probleme negativnoy identifikatsii // Monitoring obschestvennogo mneniya. 2000. № 5 (49). S. 35–44.
3. *Shlyapentokh V.* Pis'mo v redaktsiyu // Monitoring obschestvennogo mneniya. 2001. № 2.
4. *Inglehart R., Basanez M., Diez-Medrano J., Halman L., Luijckx R.* Human beliefs and values: a cross-cultural sourcebook based on the 1999–2002 values surveys. México City: Siglo XXI, 2004.
5. *Shlapentokh V. E.* Fear in contemporary society: its negative and positive effects. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
6. *Shlapentokh V. E.* Russian Civil Society: Elite Versus Mass Attitudes to Democratization // Democratization. Comparisons, Confrontations and Contrasts / J. Ciprut (ed.). Cambridge: MIT Press, 2008. P. 165–196.

А. Е. ЧИРИКОВА

О ПОНЯТИИ «ЭЛИТА»: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА ОПРЕДЕЛЕНИЙ?

Ключевые слова:

элита, нравственный авторитет, категории элит, концепции элитизма, критерии выбора

Статья посвящена проблеме выбора объективных критериев отнесения к элите общества тех или иных групп населения. Автор предлагает рассматривать элиту с позиций субъектно-деятельностного подхода, который дает возможность оценить не только эффективность и направленность ее действий, но и внутреннюю мотивацию совершаемых политических или экономических шагов, их горизонт и масштаб.

В массовом обыденном сознании элита, как правило, предстает частью общества, которая призвана выделяться среди остальных социальных групп своим нравственным авторитетом. Иначе она не оправдывает своего элитного статуса. Согласно сложившимся в обществе представлениям, элита обязана выступать катализатором общественных изменений и субъектом интеграции общества, его нравственным императивом. В любом другом случае элита не может выполнять своего предназначения и порождает споры о том, достойна ли она своего высокого статуса в обществе. Обы-

Key words:

elite, moral authority, elite categories, concept of elitism, selection criteria

The article is concerned with the problem of objective criteria to reference one or another group of population to society elite. The author suggests considering elite from the position of subjective and pragmatic approach, which allow evaluating not only effectiveness and direction of its actions but inner motivation of conducted political and economical steps, their horizon and scale.

денное сознание постоянно ищет элиту, которая бы соответствовала своей миссии, тогда как сама элита не может или не хочет этим общественным ожиданиям соответствовать.

Схожая ситуация характеризует и научный дискурс о проблеме элит. Элита, несмотря на непрекращающиеся дискуссии специалистов, продолжает оставаться «вещью в себе», которая все чаще из предмета научного спора о ее содержании трансформируется в разногласия по поводу идеологических оснований данного термина, реальной эффективности и модернизационном по-

тенциале или потенциале ее развития¹.

Расхождение между ожиданиями и реальной картиной действий элиты заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к поиску определения категории «элита», которое не только удовлетворяло бы исследовательские интересы, но и соответствовало установкам населения.

Влияние элиты на жизнь общества чрезвычайно велико. Именно ей принадлежит решающая роль в успешном развитии страны. Это является безусловным основанием для того, чтобы постоянно возвращаться к анализу элиты и переосмысливать не только научные, но и нравственные императивы ее деятельности.

Термин «элита» появился в российских научных исследованиях относительно недавно. В советский период изучение вопроса влияния элит на общественное сознание осуществлялось прежде всего в рамках критического анализа зарубежных теорий [3; 4; 5; 7; 17]. В 1990-е гг. в российской и западной науке происходило накопление знаний о постсоветской элите и ее региональном сегменте. Ученые пыта-

лись разобраться в том, что происходит в жизни страны в условиях начавшейся политической и экономической трансформации.

Исследовательская задача облегчалась новизной изучаемых сюжетов, динамичностью политических и экономических процессов в обществе. Сегодня научное знание об элите становится все более аналитическим, нацеленным на осмысление глубинных процессов, происходящих во власти, все настоятельнее российскими исследователями ставится вопрос о нравственно-этических основаниях властвования, о проблемах и противоречиях взаимодействия власти и общества.

Бурный интерес российской общественной науки к проблемам изучения элит наметился в начале 1990-х гг. Высокий престиж в отечественных научных кругах получили западные концепции элиты. Началось изучение советской и постсоветской элит.

В эти годы, по определению одного из самых известных российских специалистов в области элитологии Г. К. Ашина, сформировалась «российская школа элитологии» [6, с. 4–5].

Внимание к элитной проблематике не было случайным. Элиты явились главными субъектами политической трансформации в современной России. Для многих российских ученых анализ дея-

¹ Достаточно вспомнить недавние дискуссии, развернувшиеся на страницах журналов «Общество и экономика» (2008, № 3–4), «Полис» (2008, № 11), монографии [2; 9], работу петербургских исследователей под руководством А. В. Дуки [14].

тельности элит стал главной темой в изучении политических процессов в постсоветском обществе.

Следует также учитывать и тот идейный фон, на котором происходило освоение нового теоретического багажа. Общественная трансформация в России сопровождалась отказом от прежних идейных схем. Марксизм как метод анализа был отброшен большинством российских обществоведов, а элитистская система взглядов на общество, в котором существует деление на массу и элиту, помогла преодолеть доминирование «идеологизированной формы эгалитаризма» [12, с. 95; 15]. В начале 1990-х гг. победа элитизма в российской общественной науке казалась безусловной. Но уже тогда возникли вопросы, связанные с возможностью перенесения элитистских теорий на российскую почву.

Внутренним мотивом заимствования данного термина из западной элитистской теории стало стремление понять, какие общественные группы способны создать новые модели развития и устройства российского общества. Причем не просто создать подобные модели, но и убедить значимые группы общества и население в необходимости и возможности подобной модернизации.

Нельзя исключать и другого: концепция элитизма появилась в общественных науках как потреб-

ность легитимировать действующие властные группы в обществе, предложив для этого категориальный аппарат западной элитологии [15]. Наконец, одной из причин обращения к проблематике элиты в постсоветское время стал «хронический дефицит оснований авторитетности бюрократии, дезориентированность значительной части ее среднего и высшего состава и необходимость смены оснований легитимности» [9].

Однако какие бы причины ни породили появление нового термина, он должен был позволить описать некоторые новые тенденции, характерные для авторитетных групп общества, не подрывая их права занимать ключевые позиции во властных иерархиях.

Именно поэтому доминирующими в элитных исследованиях 1990-х гг. стали позиционный и репутационный подходы. Эти два подхода позволяли не пересматривать вопрос о том, может ли элита в реальности претендовать на доминирующие позиции в обществе. Ведь их положение и ресурсы, в конечном итоге, определяются не внутренним потенциалом лидерства, образованием, особыми моральными качествами, а нахождением на вершине властной пирамиды, которая наделяет их в соответствии со статусом необходимыми властными ресурсами для принятия важных политических решений.

В 2000-е гг. российское общество и исследователи все чаще стали задумываться о том, соответствуют ли «назначенные» элиты своему статусу, способны ли они выполнять свои доминирующие функции в обществе, какие цели и задачи ставит перед элитами современное общество и насколько они способны ответить на возникающие вызовы.

На фоне попыток осмыслить возможные ответы на поставленные вопросы дискуссия о толковании термина «элита» не только не затихла, но и вступила в новую фазу.

Сторонники меритократического подхода все настоятельнее требовали заменить термин «элита», распространенный в социологии и политологии, на категорию «квази-элита» или «эрзац-элита», подчеркивая тем самым, что элита, существующая в российской действительности, не может претендовать на то, чтобы соответствовать своему элитному статусу.

Кто же прав в дискуссии 2000-х гг.? Действительно ли российская элита не настоящая, а лишь претендующая на исполнение неких общественных функций, с которыми реально она не может справиться?

Некоторые из российских исследователей элит занимают весьма радикальную позицию, предлагая различать настоящую элиту и псевдоэлиту, которая в современной

России находится у власти [9; 10, с. 4–5]. Настоящая элита, в противовес псевдоэлите — «это группа, указывающая обществу путь к совершенствованию, путь в лучшее будущее, приближающая его своей деятельностью. Это патриоты Отечества и одновременно — граждане мира» [10, с. 4].

Если рассматривать элиту как многомерное понятие, то нельзя не признать, что термин «элита» — это во многом собирательное понятие, которое объединяет в себе различные группы элиты. В нее входят политическая элита, бизнес-элита, творческо-интеллектуальная элита. Однако отнесенность к элите совсем не означает морального влияния на общество.

Элита, по мнению исследователей, «должна выполнять ключевые социокультурные функции: символическую, интегративную, функцию целеполагания, но наша власть и зависящие от нее верхи общества выполнять эти функции не могут, а потому — это не элита, а самозванцы. Элиты в России не будет, пока мы не построим плюралистическое демократическое общества» [9, с. 35].

Позиция данных исследователей укладывается в простую схему, о которой говорит М. Афанасьев, при том что сам согласен с ней не в полной мере: «Я расхожусь с авторами исследования в ряде ключевых пунктов <...> Когда я говорю

“элита”, то всего лишь указываю на верхи социальной лестницы» [1].

Главными критериями принадлежности к элитному слою у приверженцев меритократического подхода выступают не занимаемые позиции во власти, не сила влияния и даже не размер богатства, а моральная сторона деятельности, авторитетность и инновационность такой деятельности для общества, включенность элитных субъектов в воспроизводство высоких нравственных норм, принятых в данном обществе.

Ценностный критерий ответственности к элите как основной при определении ее границ, однако, отмечают далеко не все российские элитологи, хотя для определенной части исследователей эта точка зрения достаточно близка. Например, А. Г. Чернышов на вопрос: «Не являются ли современные российские элиты квазиэлитами?» отвечает определенно: «Да, являются» (цит. по: [13, с. 105]). В целом разделяет данную позицию и Г. Ашин, который убежден, что «выполняя элитные обязанности, российская элита, по существу, является “исполняющей обязанности” элиты» [13, с. 39].

Однако большинство элитологов в ходе экспертного опроса, проведенного СКАГС в 2007 г., склонны трактовать элиту более широко, выделяя не только ценностные, но и функциональные рамки в каче-

стве критериев для ее определения [13, с. 7].

В исследованиях О. Крыштановской современная элита предстает как иерархическое образование, где элита занимает верхнюю страту политического класса.

Некоторые из исследователей, например, М. Н. Афанасьев [2], фактически предлагают отказаться от иерархического подхода. По мнению исследователя, редукция «элиты» к власти делает концепт нечувствительным к историческому развитию, фокусируя внимание на единой государственной власти, но не на многообразии социального влияния и лидерстве. Выходя за границы власти, М. Н. Афанасьев предлагает понимать под элитой «социальные группы, которые связаны с предоставлением самых актуальных, востребованных хозяйственных и публичных услуг, группы, которые оказывают преобладающее влияние на развитие России как интегрированной и притом открытой, современной и конкурентоспособной нации. Согласно развиваемому подходу, элита должна быть расширена и включать в себя как минимум 7 ключевых групп развития: государственная власть и управление, предпринимательство, менеджмент, юриспруденция, наука и образование, здравоохранение, массовая информация и экспертиза» [2].

В известном смысле подобный подход вполне адекватен, т. к. позволяет за политическими игроками высокого ранга, занимающими высшие позиции во властной иерархии, увидеть и другие влиятельные группы общества: бизнес, интеллектуально-творческую интеллигенцию и даже малый бизнес.

Проблема интеллектуально-творческой элиты сегодня в научных элитистских исследованиях представлена достаточно скромно. Отсутствие финансовых ресурсов порождает иллюзию, что потенциал влияния интеллектуально-творческой элиты не может быть сопоставим с возможностями элиты политической или элиты бизнеса. Однако именно интеллектуально-творческая элита обладает символическим и социальным капиталом, о котором забывают критики рассмотрения интеллектуальной элиты как составной части элитного сообщества. Именно символический капитал способен влиять на общественные процессы, а его носители — являться полноценными субъектами модернизационных преобразований, обладая при этом должным уровнем прагматической мотивации и потенциалом накопленных знаний. Модель индустриального общества постепенно заменяется моделью постиндустриального общества, в котором «капитал знаний» становится важнейшим ресурсом

для общественного развития, а носители этого капитала неизбежно выдвигаются на элитные позиции.

Место бизнес-элиты в элитном пуле сегодня укрепилось достаточно прочно. И не только потому, что она обладает должными экономическими ресурсами, за счет которых возможно дальнейшее развитие страны. Отнесенность крупного бизнеса к элите нередко предопределяется его стремлением влиять на стратегические политические решения чиновников высокого ранга.

Несмотря на то, что В. В. Путин отказал бизнесу в политической активности, крупные бизнесмены в России не оставили попыток войти в политический класс. Не случайно, что не только в Государственной Думе, но и в региональных парламентах число депутатов-бизнесменов непрерывно растет [11, с. 194–222].

Несмотря на стратификационные различия внутри элитных групп, очевидно одно: выход из тупика определений следует искать не только в ценностном взгляде на проблему, но и в попытке выделить в критериях отнесения к элите те из них, которые интегрируют в себе характеристики, обязательные и с точки зрения морали, и с точки зрения реального политического действия.

Очевидно, что моральная составляющая в определении совре-

менной элиты не позволяет выделить властную группу из общей массы людей. В числе представителей элиты находятся далеко не образцы «нравственного поведения». Такую же ситуацию мы можем встретить по всему миру. Если руководствоваться только меритократическим подходом к элите, мы не сможем найти ее ни в одной из западных стран. Именно поэтому реконструкция понятия элиты, на мой взгляд, должна производиться с позиции субъектно-деятельностного подхода. Он должен быть ключевым при определении категории элиты.

В рамках названного подхода элита рассматривается как *действующий субъект, обладающий необходимыми политическими ресурсами, дающими возможность принимать и осуществлять решения, имеющие важные последствия для России в целом и для отдельных ее регионов.*

Таким образом, базовым признаком в определении политической элиты должен быть ее властный потенциал, способность принимать или влиять на принятие важных, стратегических решений, с одной стороны. С другой — следует помнить о необходимости учитывать ее деятельностный масштаб, близость к центрам принятия решений, способность совершать конкретные политические действия по управлению обществом, государством, регионом.

«Функциональный подход к определению элит явно и вполне оправданно преобладает среди российских исследователей. Некоторые авторы напрямую заимствуют операциональные определения, например, “властвующей элиты”, по Миллсу, или критерии выделения элит по принципу участия в принятии решений, по Хигли», — замечают в одной из работ Санкт-Петербургские политологи [8, с. 15].

Ряд ведущих российских социологов закономерно расширяют границы функционального подхода, правомерно полагая, что «причастность к элите подразумевает два важнейших качества: лояльность власти или оппозицию ей, а также способность влиять на общественное мнение, обладание некоторым потенциалом для массовой мобилизации» [9, с. 33].

Сведение понятия «элита» в современной российской социологии и политологии к термину, базовым содержанием которого становится *именно деятельностный аспект с приданием решающего значения субъекту и результативности его деятельности*, представляется весьма важным и принципиальным¹.

И это вполне закономерно для России. Длительное время политического бездействия и политического подчинения сформировало

¹ Более подробное обоснование выделенной тенденции дается в [10].

особый запрос на социальное действие и приподняло над остальными тех, кто способен его осуществлять. Это один аспект.

Второй аспект не менее важен. Запрос на особые социальные качества элиты в России если и появится, то несколько позднее. В настоящее время можно говорить о том, что субъекты, занимающие ведущие позиции во власти или бизнесе, вышли из советских семей. Это означает, что они не обладали существенными различиями в образовательном или профессиональном ресурсах, поэтому их превращение в элиту происходило не «до», а «после» того, как они заняли эти ведущие позиции. *«Догоняющая элитарность»*, таким образом, является естественной характеристикой российской элиты хотя бы потому, что изначально стартовые возможности претендентов на занятие элитных позиций не сильно отличались друг от друга. Даже если они и имелись, то касались капитала социальных связей, номенклатурного и партийного опыта, а отнюдь не личного или иного.

В настоящей статье деятельность политической элиты не рассматривается в отрыве от конкретного субъекта и определяется не только позицией, занимаемой в иерархии власти, но и особенностями индивидуальных акторов, их социальных стратегий, политических предпочтений.

Субъект при этом обретает свою социально-психологическую определенность и становится персонифицированным. В этом случае мотивация его деятельности, готовность действовать в конкретном направлении становятся определяющими факторами при анализе деятельности современных элит. В таком случае элита предстает как объективно постигаемая социальная категория, в которой ценностная и поведенческая характеристики образуют нечто целостное и не противопоставляются друг другу.

Нельзя не согласиться в этой связи с мнением историка Ю. Полякова о том, что «провозглашение прогрессивных задач — хорошо, но претворение их в жизнь необходимо. ... От великой идеи до ее воплощения — дистанция огромного размера» [11].

Субъектно-деятельностный подход учитывает мотивационный аспект политического поведения, позволяет наиболее полно описать конкретные практики политического поведения элиты, без наложения на него строгих моральных критериев, но обращаясь к реальному политическому поведению российских элит.

Субъектно-деятельностный подход одновременно может привести не только к неутешительному выводу о том, что российские элиты прагматичны, закрыты, расколоты и глухи к запросам общества, но

и понять, какие внутренние механизмы обуславливают доминирование такого типа поведения элит в последние годы.

Российская элита существует сегодня в обществе как признанный и легитимный политический игрок, но ни сами представители элит, ни исследователи данного явления не могут договориться о том, где расположены границы, отделяющие элиту от остальных групп населения.

Многие исследователи не могут смириться с тем, что «место под солнцем» определяется статусными, а не ценностными критериями, поэтому споры о том, достойна ли российская элита называться «элитой», вспыхивают вновь и вновь.

На наш взгляд, меритократический подход к элите на сегодняшний день не представляется оправданным. Особенно если речь идет об элите российской. Очевидно, что применение функционального подхода к изучению данного явления (ради отделения одной социальной группы, занимающей высшую позицию в политической, экономической или интеллектуальной власти страны региона, города, от другой, менее статусной группы) явно недостаточно. Получается, что ценностной критерий закрывает полностью возможность российского истеблишмента быть отнесенным к элите,

в то время как другой подход — функциональный — напротив, относит к элите практически всех чиновников, безотносительно к их реальной деятельности, внутренней мотивации, вкладу в политическую жизнь общества. Более того, количество ресурсов и возможность оказывать влияние на решения, становятся важнее, чем качество принимаемых решений и их внутренняя мотивация.

Рассматривая элиту с позиций субъектно-деятельностного подхода, мы получаем возможность оценить не только эффективность и направленность ее действий, но и внутреннюю мотивацию совершаемых политических или экономических шагов, их горизонт и масштаб. Это не просто ценностный фильтр. Это готовность и внутренняя мотивация действовать не только в интересах узкого круга лиц, описываемых иногда термином «власть для своих», готовых извлекать сиюминутную выгоду из совершаемых действий. Это прежде всего нацеленность на перспективу, инициативность, способность перешагнуть через узко прагматические интересы сегодняшнего дня, уровень мотивационной включенности в решение проблем, масштаб личности, наконец, не всегда измеряемый только нравственными критериями.

Проведенные в разные годы эмпирические исследования федеральных и региональных элит по-

зволяют убедиться в том, что в лучшем случае лишь отдельные политические игроки в российском истеблишменте, исходя из анализа их внутренней мотивации и стратегичности политических действий, могут быть помещены на политический Олимп. Но особенно тревожит, что ни реформы бывшего Президента РФ В. В. Путина, ни модернизационные новации действующего Президента РФ Д. А. Медведева, ни попытки укрепить властные институты не улучшают качества российских элит. Они остаются разобщенными, думающими о сиюминутных интересах, но самое главное — они не хотят или не могут справиться с теми задачами в обществе, продиктованными элитной ответственностью. *Элита продолжает оставаться в России закрытой социальной группой, для которой внутриэлитные противостояния и сопровождающие это противостояние конфликты оказываются важнее, чем функции общественного управления.*

Кремль, в свою очередь, вместо того чтобы сделать все возможное для расширения элитного слоя, для

развития внутренней мотивации фигур, принимающих ключевые решения в регионах, роста их открытости, поступает с точностью до наоборот — сужает элитное пространство, превращая региональных политических руководителей в зависимых и неинициативных исполнителей «приказов сверху», не верящих в то, что следование формальным правилам может привести их к решению важных общественных проблем.

В результате российская политическая элита в основной своей массе отличается *короткой мотивацией, высокой прагматизацией, излишней адаптивностью, отсутствием стратегического мышления.*

И это ожидаемые последствия. Жесткое подчинение и управление с помощью страха потерять свое «место под солнцем», административный отбор лояльных кадров, неформальные практики не могут рождать политических лидеров, способных совершить модернизационный прорыв. Поэтому сегодня российское общество имеет такую элиту, которую заслуживает.

1. Афанасьев М. Социология российской беды (Лев Гудков, Борис Дубин, Юрий Левада. Проблема «элиты» в современной России) // Отечественные записки. 2007. № 6.
2. Афанасьев М. Российская элита развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия»; ИД ГУ — ВШЭ, 2009.
3. Ашин Г. К. Миф об элите и массовом обществе. М.: Международные отношения, 1966.
4. Ашин Г. К. Современная буржуазная социология (критический очерк идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории). М.: Высшая школа, 1965.
5. Ашин Г. К. Современные теории элиты. Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

6. Ашин Г. К. Российская школа элитологии // Региональные элиты в процессе современной российской федерализации. Ростов н/Д; Майкоп, 2001.
7. Галкин А. А. На изломах социальной структуры. М.: Мысль, 1987
8. Гельман Г., Тарусина И. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: за и против: сб. статей. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002.
9. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Изд-во ГУ — ВШЭ, 2007.
10. Койчуев Т. Элита постсоциалистического общества: кого к ней относить? // Общество и экономика. 2007. № 5–6.
11. Поляков Ю. А. О социальной природе коррумпированности и перерождении элиты // Новая и новейшая история. 2009. № 2.
12. Понеделков А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. статей. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2002.
13. Понеделков А. В., Старостин А. М. Элитологи об элитах. Ростов н/Д; Изд-во СКАГС, 2007.
14. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском масштабе: сб. науч. работ. СПб.: Нестор-История, 2008.
15. Солодущин Ю. Н., Хазин М. Л. К вопросу о легитимности современной российской элиты // Финансы, экономика, безопасность. 2007. № 9.
16. Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-н/Д; Изд-во СКАГС, 2003.
17. Чешков М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.
18. Чирикова А. Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005.
19. Чирикова А. Е. О теориях элит // Общество и экономика. 2008. № 3–4.

References

1. Afanasyev M. Sotsiologiya rossiyskoy bedy (Lev Gudkov, Boris Dubin, Yury Levada. Problema «elity» v segodnyashney Rosii) // Otechestvennye zapiski. 2007. № 6.
2. Afanasyev M. Rossiyskaya elita razvitiya: zapros na novyi kurs. M.: Fond «Liberal'naya missiya»; ID GU — VSHU, 2009.
3. Ashin G. K. Mif ob elite i massovom obschestve. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1966.
4. Ashin G. K. Sovremennaya burzhuaznaya sotsiologiya (kritichesky ocherk idealisticheskikh teoriy o roli lichnosti v istorii). M.: Vysshaya shkola, 1965.
5. Ashin G. K. Sovremennye teorii elity. Kriticheskiy ocherk. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985.
6. Ashin G. K. Rossiyskaya shkola elitologii // Regional'nye elity v protsesse sovremennoy rossiyskoy federalizatsii. Rostov n/D; Maykop, 2001.
7. Galkin A. A. Na izlomah sotsial'noy struktury. M.: Mysl', 1987
8. Gel'man G., Tarusina I. Izucheniye politicheskikh elit v Rossii: problemy i al'ternativy // Elitizm v Rossii: za i protiv: sb. statey. Perm': Izd-vo PGU, 2002.
9. Gudkov L. D., Dubin B. V., Levada Yu. A. Problemy «elity» v segodnyashney Rossii. M.: Fond «Liberal'naya missiya»; Izd-vo GU — VSHE, 2007.
10. Koychuev T. Elita postsotsialisticheskogo obschestva. Kogo k ney otnosit'? // Obschestvo i ekonomika. 2007. № 5–6.
11. Polyakov Yu. A. O sotsial'noy prirode korrumpirovannosti i pererzhdeniya elity // Navaya i noveyshaya istoriya. 2009. № 2.
12. Ponedelkov A. V. Politiko-administrativnaya elita: genesis i problemy yeyo stanovleniya v sovremennoy Rossii // Elitizm v Rossii: «za» i «protiv»: sb. statey. Perm': Izd-vo PGU, 2002.
13. Ponedelkov A. V., Starostin A. M. Elitologi ob elitah. Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2007.
14. Rossiyskiye regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii // Globalizatsiya v rossiyskom masshtabe: sb. nauch. rabot. SPb.: Nestor-Istoria, 2008.

15. *Solodukhin Yu. N., Khazin M. L.* K voprosu o legitimnosti sovremennoy rossiyskoy elity // *Finansy, ekonomika, bezopasnost'*. 2007. № 9.
16. *Starostin A. M.* Effektivnost' deyatelnosti administrativno-politicheskikh elit: kriterii otsenki i analiz sostoyaniya v sovremennoy Rossii. Rostov n/D: Izd-vo SKAGS, 2003.
17. *Cheshkov M. A.* Kritika predstavleniy o pravyyaschih gruppah razvivayuschihysya stran. M.: Nauka, 1979.
18. *Chirikova A. E.* Regional'nye parlamenti: resursnyi potentsial i neformal'nye pravila politicheskoy igry // *Vlast' i elity v rossiyskoy transformatsii* / pod red. A. V. Duki. SPb.: Intersotsis, 2005.
19. *Chirikova A. E.* O teoriyah elit // *Obschestvo i ekonomika*. 2008. № 3–4.

Г. Н. КРАСНОЛУЦКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РОССИИ: ЭЛИТИЗМ ИЛИ ЭЛИТАРИЗМ?

Ключевые слова:

политическая альтернатива, элитизм, элитаризм, Россия, номенклатура, демократия

Key words:

political alternative, elitism, elitarism, Russia, nomenclature, democracy

Статья посвящена исследованию процессов элитообразования, перспективам и векторам их формирования (элитизм или элитаризм) в современных политических реалиях России. Автор рассматривает вопросы, связанные с механизмами рекрутирования постсоветских элит и перспективой их развития.

The article is concerned with the processes of elite formation, with perspectives and vectors of elite development (elitism or elitarism) in contemporary political realities of Russia. The author tries to give answers to the questions connected with the mechanism of post-soviet elite recruiting, specific features of its formation and perspectives of development.

Во всех известных в истории типах обществ существовало, существует ныне и, видимо, будет существовать разделение на две основные группы людей — *класс правящих* и *класс управляемых*. Первый, всегда малочисленный, монополизирует власть, использует все преимущества, которые она дает, и управляет вторым классом в силу своей компетентности и в соответствии со сложившейся политической ситуацией, придавая этому действию легитимность. В политической науке для характеристики слоя, осуществляющего властные и управленческие функции, используют разные понятия, наиболее употребляемым является «элита».

Понятие «элита» в переводе с французского означает «редкий», «изысканный», «раритетный». Смысловое значение термина «элита» полисеманлично. Термин может употребляться в разных значениях: элитные войска, виды спорта, сорта растений, элитное жилье, искусство и т. д.

В современной политической теории элитизма существуют две интерпретации процессов формирования и рекрутирования элит, которые близки по звучанию и смыслу, но не тождественны по содержанию: *элитизм* и *элитаризм*.

Институт *элитизма* успешно существует во многих современных развитых демократических полити-

ческих системах. Элитизм — при отборе кандидатов в элиту — предполагает *меритократический принцип* (от лат. *meritus* — компетентный, лучший, достойный; гр. *cratos* — властвовать, управлять). Этот принцип был сформулирован еще Аристотелем и основан на отборе лучших специалистов, наиболее профессионально компетентных в области управления и руководства политическими процессами. При таком подходе в элиты рекрутируются на основе открытой конкуренции лучшие специалисты-управленцы, и выполнение ими властных полномочий понимается как функция разделения управленческого труда, а не как цель карьерных устремлений. В этом случае властными функциями заслуженно обладают наиболее подготовленные и талантливые представители общества, для которых власть — не самоцель, они являются потенциальными носителями высокопрофессиональных качеств, независимо от выполнения ими властных полномочий.

Ярким примером, характеризующим такой тип формирования политических элит в современной истории, служит деятельность Ф. Д. Рузвельта, единственного президента США, который занимал этот пост четыре срока вместо положенных двух. И последние два срока он занимал его по настоянию общественности, включающей даже

значительную часть представителей конкурирующей республиканской партии, настолько впечатляющим был позитивный эффект его управления страной. В данной связи также уместно вспомнить имя английского премьера У. Черчилля, оставившего яркий след в памяти многих поколений соотечественников своей плодотворной деятельностью во благо страны и народа.

Элитаризм — напротив, исходит из идеи обособления элит от масс, отсюда элита рассматривается как закрытый слой. Рекрутирование таких элит осуществляется закрытым от конкуренции способом: посредством наследования, сословных привилегий, клановости, землячества, партийной или номенклатурной принадлежности. Входящие в элиту претенденты получают доступ к ресурсам власти независимо от их личных способностей и навыков управления. Они становятся обладателями властных функций и занимают место властвующего функционера в силу принадлежности к группе правящей элиты. Стремление обрести власть становится смыслом и целью политической деятельности, а стремление занять властвующие позиции в иерархии управления диктуется чисто субъективными мотивами (удовлетворение тщеславия и амбиций), а не интересами дела, общества, страны. Такая практика рекрутирования элит формирует эшелоны

некомпетентных, карьерно ориентированных управленцев, запрограммированных в своей деятельности на сохранение сколь угодно долго своего корпоративного доминирования в системе управления страной. Очевидно, что такой подход имеет мало общего с принципами демократии и общественного самоуправления, а является одной из модификаций номенклатурного отбора элит в условиях становления демократического режима.

Для рассмотрения процессов элитообразования, перспектив и векторов его развития (элитизм или элитаризм) в современных политических реалиях России попытаемся дать ответы на ряд важных вопросов:

1. Произошла ли смена элит в результате реформ в России?
2. Каков механизм рекрутирования постсоветских элит?
3. Возникла ли постсоветская номенклатура, каковы ее особенности формирования и господства?
4. Российское чиновничество: элита или господствующий слой?
5. Почему возможен элитаризм в условиях российской демократии и несет ли он прямую угрозу процессу демократизации?
6. Каковы перспективы и направленность развития политических элит в России?

Ответить однозначно на вопрос, произошла ли смена элит в результате реформ в постсоветской Рос-

сии, не представляется возможным. И вот почему. Если подразумевать под сменой элит изменение их персонального состава, то можно в целом ответить: да, произошла. В результате перестроечных процессов из рядов политических элит выбыла значительная часть «старой номенклатурной гвардии», в основном партийной, чему способствовал развал КПСС и уход ее с политической арены.

Если же подразумевать под сменой элит их радикальное, качественное обновление, ответ будет отрицательным. Как показывают данные социологических исследований, рекрутация политических элит первой волны (всего их было три: ельцинская, путинская, медведевская) — в эпоху Ельцина — из рядов старой номенклатуры составила в высшем руководстве — 75%, в региональных элитах — 82,3%, в правительстве — 74,3%, в бизнес-элите — 61%. В тот же период состав высшего руководства страны включал выходцев из разных отрядов бывшей номенклатуры: 21,2% — из партийной, 63,6% — из советской, 9,1% — из хозяйственной, аналогичная ситуация прослеживалась и на региональном уровне [6, с. 63–65].

Вторая волна постсоветских политических элит (путинская), по подсчетам руководителя сектора изучения элиты Института социологии РАН О. В. Крыштановской, включала лишь 20–25% политиче-

ских элит в эшелонах власти, свободных от номенклатурного прошлого [4, с. 260, 264, 269, 270–271, 283–284, 375], с той лишь разницей, что акцент в рекрутировании элит был смещен в пользу выходцев из силовых номенклатурных структур [5].

Третья волна (медведевская) в этом смысле мало чем отличается от двух предыдущих. Не последнее место по-прежнему при назначении на высокие политические и управленческие посты занимает принцип личной лояльности, а не деловые качества претендента. В теории менеджмента давно известно парадоксальное противопоставление двух наиболее востребованных качеств в политическом управлении: лояльность и компетентность. В силу этого каждый лидер стоит перед дилеммой: если назначать только лояльных претендентов, система будет неэффективной. Если назначать компетентных претендентов, приходят высокопрофессиональные и талантливые подчиненные и, таким образом, его авторитет управленца может оказаться под угрозой. Историческая практика показывает, что в нашей стране лояльность всегда превалировала над компетентностью при подборе представителей элит всех уровней. Как такой выбор сказывался на качестве управления страной, мало кого из высшего состава политических элит серьезно беспокоило. В современ-

ных условиях используемый повсеместно принцип назначения элит противоречит принципам демократии, тем более — назначение их по мотивам лояльности и личной преданности, а не деловых качеств и компетентности.

Следует отметить, что системной, качественной смены элит не произошло, тем более в плане формирования идеологических предпочтений в пользу демократических ценностей у подавляющего большинства представителей элит. Страна обрела то, что с полным основанием можно назвать *модифицированным вариантом постсоветских элит*. Эти постсоветские элиты сохранили черты, присущие прежней номенклатуре: систему привилегий, правовой нигилизм, идеологический и политический конформизм, корпоративную солидарность и ее приоритет над интересами общества, «психологию агрессивного большинства», личную преданность руководству, «монополию на абсолютную истину», нетерпимость к оппонентам, политическое доминирование любыми средствами.

Отвечая на вопрос, каков современный механизм рекрутирования постсоветских элит, следует отметить, что особых новаций и «прорывных» (прогрессивных) технологий в отечественной политической практике не отмечено. Напротив, на всех уровнях «вертикали власти» широко применяются различные модифика-

ции «командного» стиля формирования элит, носящего в политической теории название номенклатурного типа рекрутирования элит. В политической практике последних лет прослеживается тенденция вытеснения выборного механизма открытой конкуренции претендентов в элиту закрытой системой келейно решаемых назначений. Назначение претендента в элиту (команду) осуществляется дифференцированно, как правило, по следующим основаниям: земляческие корни (свердловские, питерские), сфера деятельности (партийно-комсомольское и чекистское прошлое), совместная учеба в вузе, семейные и корпоративные связи. При такой системе назначений высокие деловые качества претендентов предполагаются как само собой разумеющееся явление. Многие назначения на руководящие посты в стране в последние годы вызывают не только вопросы, но даже удивление. Трудно объяснить с позиций интересов страны, почему министром обороны был филолог по образованию, а ныне его возглавляет выпускник торгового института, сельским хозяйством руководит медработник — и это далеко не единичные примеры. Стоит ли удивляться более чем скромным результатам отечественных реформ и мизерному росту жизненного уровня россиян?

Особо следует обратить внимание на «новацию» в рекрутирова-

нии элит — по партийной принадлежности, — которая в последнее время, набирая обороты, применяется на федеральном уровне, при этом активно внедряется и насаждается на региональном и муниципальном уровнях.

В современных условиях, когда в России сложилась путем политико-технологических ухищрений номенклатурных элит (а не в результате волеизъявления граждан) политическая система с доминирующей «партией власти», рекрутирование элит преимущественно из выходцев этой партии выглядит по меньшей мере одиозно. Эта партия выражает интересы чиновничества и «новой номенклатуры». Она прилагает все усилия к обеспечению своего лидирующего политического статуса-кво и властного доминирования в стране в обозримом будущем. В силу этого она не заинтересована в коренных изменениях (модернизации) и развитии институтов демократии, а ее идеологический курс на консерватизм призван «заболтать» и заморозить процессы демократизации либо имитировать их ход посредством очередных обещаний «построить», «углубить» «осуществить переход», «заложить основы» к очередному сроку в долгосрочной перспективе.

Ответ на вопрос, возникла ли постсоветская номенклатура и каковы особенности ее формирования и господства, не вызывает особых

трудностей в силу своей очевидности. Да, в постсоветский период возникла, сложилась и уверенно существует «новая номенклатура», новый правящий и господствующий слой. Если быть более точным, этот слой не возник, а был преемником и продолжил на более высоком уровне традиции своих предшественников, используя при этом лозунги борьбы с привилегиями и злоупотреблением служебным положением. Этот слой предпочитает называть себя публично «авторитетными политиками», «новыми элитами», на худой конец чиновниками и даже бюрократией. В отличие от советской номенклатуры, представители нового правящего слоя особо не скрывают свое привилегированное положение. Новая номенклатура установила и упростила систему безнаказанности и правового нигилизма, породившую в массовых масштабах казнокрадство (нецелевое расходование средств), коррупцию, использование властных полномочий в корыстных целях (административный ресурс), чиновничий произвол и безответственность за свои действия, особенно на региональном и местном уровнях. Лидерами в этих процессах, как ни странно, являются правоохранительная и административная группы элит, представители ветвей власти, включая и федеральный уровень.

Попытки борьбы с вышеприведенными негативными явлениями, при которых инициатива исходит

от первых лиц государства, ощутимых результатов не принесли. Так, на законодательном уровне из закона о борьбе с коррупцией при обсуждении в Государственной Думе РФ были выхолощены «партией власти» самые радикальные положения и санкции. На практике все свелось к публикации деклараций о доходах чиновников, других групп элит и части их родственников без объяснения источников доходов и проверки этих данных компетентными органами. Более того, существует практика, при которой уличенных в незаконной деятельности и отстраненных с постов чиновников (губернаторов и мэров) вместо наказания назначают сенаторами в Совет Федерации в соответствии с бытующими номенклатурными «понятиями»: «чтобы не плодить недовольных» и «бережное отношение к проверенным кадрам». Следует добавить, что размеры доходов представителей новых элит, уровень их качества жизни, даже без учета «теневого» составляющей, многократно превышают уровень доходов среднестатистического россиянина. Даже пенсионное обслуживание госслужащих кардинально отличается от остальной части населения и включает не только денежный эквивалент, но и санаторно-курортное лечение, бесплатное жилье и другие привилегии.

Отвечая на вопрос о господстве новых элит, следует обратить вни-

вание на отсутствие коммуникации с обратной связью между действиями элит и оценками этой деятельности со стороны общества. В настоящий момент отсутствуют механизмы регламентации (контроль, отзыв и санкции) деятельности элит со стороны общества. Механизм назначения значительной части элит ставит их в позицию, неподконтрольную обществу. Но даже при условии их избираемости (депутаты разных уровней) отсутствие института импичмента и других демократических механизмов контроля деятельности элит ставит их в господствующее положение по отношению к остальным гражданам.

Наконец, рассматривая вопрос о том, что представляет собой российское чиновничество — элиты или господствующий слой — необходимо отметить следующее. Если подразумевать терминологическую часть вопроса, то термины «элиты» и «чиновники» не совпадают по объему осуществляемых функций, часть элит выполняет управленческие (чиновничьи) обязанности. Но, строго говоря, далеко не все отряды чиновников могут попасть под определение элит, тем более политических. К элитам могут быть отнесены лишь высшие эшелоны чиновников во всей властной вертикали, занимающие ключевые управленческие позиции властных структур. На вторую часть вопроса — господ-

ствующий ли это слой — следует ответить утвердительно. В современных российских условиях в формировании элит преобладают механизмы *элитаризма*, предусматривающие приоритетность корпоративных интересов над интересами общества, с необходимостью реализуемые в режиме политического доминирования, навязывания определенных сценариев развития и устройства общества, что может рассматриваться как господствующее положение данного слоя.

Попытаемся ответить на вопрос: почему возможен элитаризм в условиях российской демократии и несет ли прямую угрозу процессам демократизации этот механизм формирования элит?

Прежде всего следует отметить отсутствие в России демократических традиций. Действительно, в отечественной исторической ретроспективе как царского периода, так и советского мы обнаружим явные признаки существования различных антидемократических режимов, от абсолютной монархии до тоталитаризма и административно-командной системы. В современных условиях существуют их «демократические» интерпретации в виде «суверенной демократии» и «управляемой демократии», породивших на практике менее благозвучные их аналоги «административно-бюрократическая демократия» с эпитетами «теневая», «коррупцированная»,

«силовая». Отсутствие демократических традиций в России культивировало и формировало определенный тип политической культуры, политического менталитета и политического поведения, как у политических элит, так и у населения страны. В манере поведения и менталитете современных политических элит проявляются такие рудиментарные черты прошлого, как правовой нигилизм, психология вседозволенности, безответственности и безнаказанности, установки: «массы неспособны управлять», «народ не готов к демократии», которые воспроизводятся и тиражируются среди «новых элит». В массовом сознании россиян, включая и его активную часть — электорат, преобладают конформистские установки, порождающие политическое поведение, «предопределенное сверху», действующее в традициях патриархально-подданической политической культуры [2; 3; 7]. Гражданская активистская политическая культура участия представлена в современной России незначительно. Она существует лишь в крупных культурных центрах и в населенных пунктах с градообразующими предприятиями, где безработица толкает людей на проявления массового недовольства действиями властей и требования защиты своих интересов. Между тем, существует прямая зависимость между распространенностью

в общественном сознании элементов гражданской культуры и стабильностью демократии [1].

Существование элитаризма как механизма формирования политических элит в условиях современной российской демократии объясняется двояко: с одной стороны, наличием субъективной потребности у «новых постсоветских элит» реализовать свои корпоративные интересы доминирования во власти, которые они сознательно и целенаправленно воплощают в политическом процессе, камуфлируя их под видом народных интересов. С другой стороны, современное российское общество характеризуется на данном этапе его развития отсутствием консолидации, конформистскими установками в общественном сознании и неразвитостью политической культуры граждан, отсутствием консенсуса по базовым ценностям (особенно по отношению к тоталитарному прошлому). К сказанному следует добавить отсутствие навыков гражданской активности и культуры участия в политическом процессе у россиян, неразвитость механизмов демократической социализации в обществе, сознательную дискредитацию демократических ценностей со стороны правящих элит с целью формирования их отторжения в массовом сознании. Все эти факторы в совокупности способствуют достаточно успешному применению модели

элитаризма «новыми элитами» в настоящем и обозримом будущем.

Самая большая угроза, которую потенциально несет в себе элитаризм — это уничтожение демократии и установление антидемократического режима в виде диктатуры, что в современных условиях маловероятно, поскольку утверждение такого режима затруднит международные контакты и сотрудничество с ведущими странами Запада, что не будет отвечать интересам правящих элит. Думается, что и в самой России крупный и средний капитал не будут в восторге от этого сценария и употребят весь арсенал своих ресурсов для его недопущения. О какой-нибудь существенной негативной массовой реакции наших граждан на установление диктаторского режима, на наш взгляд, рассчитывать не приходится, поскольку в общественном сознании россиян (особенно старшего и среднего поколения) живуча историческая память о наследии страны Советов, и если режим обеспечит достаточный ассортимент свободы потребления, он будет принят массами. Очевидно, что определенная, но малочисленная часть наших соотечественников не согласится с таким историческим выбором и будет использовать весь спектр возможностей, чтобы вернуть Россию в демократические координаты.

Каковы же перспективы и направленность развития политиче-

ских элит в России? Выявляя суть, вопрос можно сформулировать так: какой вариант формирования элит возобладает в России — элитизм или элитаризм? На наш взгляд, нужно исходить из предположения, что существующий в России политический режим, который не без основания называют *плебисцитарно-бюрократическим* [8, с. 9], не является чем-то завершенным. В пользу данного тезиса указывает тот факт, что на необходимость модернизации политической системы и «кадровой перетряски» элит неоднократно указывают первые лица страны, об этом же свидетельствуют опросы общественного мнения¹. Поэтому возникает сущностное противоречие внутри системы организации власти и формирования элит. Противоречие заключается в том, что интересы общества диктуют развитие и упрочение демократических институтов, установление общественного консенсуса, становление правового и социального государства, формирование и развитие гражданского общества. Интересы государства преследуют цели незыблемости конституционного порядка, поддержки законности и правопорядка, гражданского согласия и стабильности. Взамен

¹ По данным социологического центра РАГС, на вопрос об эффективности нынешней системы власти только 18,9% респондентов ответили утвердительно, а 59,6% — отрицательно.

система элитаризма формирует «новые элиты» (бюрократию и чиновничество), которые берут курс на бюрократическую централизацию и подменяют стабильность и порядок вертикаль власти, при этом бюрократические структуры из инструмента управления превращаются в управляющую силу, берущую под неослабный контроль многие сферы государственной и общественной жизни. Они фактически дезавуируют демократический принцип плюрализма в политической сфере, политическую конкуренцию заменяют политической монополией и доминированием, основанном на установке «увековеченья» без обновления. Такое положение дел приводит к тому, что власть для доминирующих новых элит становится не инструментом управления обществом, а вождеденной целью, превращающей их из «элит управления» в «элиты потребления», которые не заинтересованы в изменении существующего порядка организации власти. Будет ли оставаться

такая ситуация и дальше, покажет дальнейший ход событий. Очевидно одно: человеческая цивилизация безальтернативно отдала предпочтение вектору демократической направленности, который является в современных условиях приоритетом национального развития ведущих стран мира. Россия по праву должна занять достойное место в мировом сообществе, успешно интегрироваться в мировой демократический процесс.

В заключение хочется напомнить, что всегда может найтись (как это было не единожды в кризисные периоды отечественной новейшей истории) часть элит, которая, основываясь на принципе практической и политической целесообразности, сумеет отказаться от порочной *системы элитаризма* в пользу *системы элитизма*, руководствуясь при этом правилом: высокое качество деятельности элит — залог стабильности и успешного функционирования политической системы и эффективного развития России.

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
2. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51–76.
3. Глебова И. И. Политическая культура современной России // Полис. 2006. № 1. С. 33–44.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М., 2005.
5. Крыштановская О. В. Милитократия и демократия в России XXI века // Управленческое консультирование. 2006. № 2. С. 24–41.
6. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
7. Пивоваров Ю. Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 23–50.
8. Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 7–22.

References

1. *Almond G., Verba S.* Grazhdanskaya kultura i stabil'nost' demokratii // Polis. 1992. № 4. S. 122–134.
2. *Ahiezer A.* Spetsifika rossiyskoy politicheskoy kultury // Pro et Contra. 2002. T. 7. № 3. S. 51–76.
3. *Glebova I. I.* Politicheskaya kultura sovremennoy Rossii // Polis. 2006. № 1. S. 33–44.
4. *Kryshatanovskaya O. V.* Anatomiya rossiyskoy elity. M., 2005.
5. *Kryshatanovskaya O. V.* Militokratiya i demokratiya v Rossii XXI veka // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 2. S. 24–41.
6. *Kryshatanovskaya O. V.* Transformatsiya staroy nomenklatury v novyyu rossiyskuyu elitu // Obschestvennye nauki i sovremennost'. 1995. № 1. S. 51–65.
7. *Pivovarov Yu.* Russkaya politicheskaya kultura i political culture // Pro et Contra. 2002. T. 7. № 3. С. 23–50.
8. *Kholodkovsky K.G.* K voprosu o politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii // Polis. 2009. № 2. S. 7–22.

Т. Б. ВИТКОВСКАЯ

ЛОКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова:

локальная политика, локальная элита, местное самоуправление

Key words:

local politics, local elites, local self-government

Статья посвящена политическим элитам локального уровня. Автор дает определение и описание данного феномена, рассматривает трансформации локальной элиты в 1990-е и 2000-е гг., обосновывает сравнительную автономность существования и деятельности локальной элиты по отношению к региональной элите, устойчивость такой автономии, в том числе в контексте законодательных новаций.

The article is about political elites on the local level. Definition and description of the phenomenon are given. Local elite transformations in 1990s and 2000s are studied. Comparative autonomy of existence and activity of local elite in relation to regional elite, steadiness of this autonomy also in the context of legislative innovations are proven.

Элитологические исследования получили широкое распространение в российской политической науке в последние два десятилетия. Одно из направлений современных исследований в рамках отечественной элитологии, которое активно поддерживается научным сообществом, — изучение региональных элит. В условиях сохранения регионального политического пространства и относительной автономности региональных акторов актуальность вопросов формирования и функционирования элит на данном уровне не вызывает сомнений. Однако обращение к тем же темам применительно к локальному уровню неизбежно приводит к обсуждению более общих вопросов — о возмож-

ности и целесообразности исследования локальной политики и локальных элит как самостоятельных политических феноменов.

Это отсутствие внутридисциплинарного единства относительно наличия самого предмета — локальной политической элиты — во многом воспроизводит ситуацию, сложившуюся в рамках большинства зарубежных политологических сообществ несколько десятилетий назад, когда сама постановка вопроса обладала относительной легитимностью. Последующая достаточно быстрая институционализация данной проблематики показала, что одной из причин эпистемологического недоверия была недостаточная изученность вопроса, отсутствие

как достаточных эмпирических данных, так и базовых концептуальных обобщений. Во многом за счет накопления и обобщения информации о местных элитах политическая наука многих стран оказалась подготовленной к анализу общественных трансформаций, в которых именно локальные элиты играют заметную и самостоятельную роль. В России изучение данной проблематики только начинается.

В российской политической науке существует два подхода к определению роли и места локальных лидеров в элитной структуре. Первый игнорирует политические процессы на локальном уровне и включает ведущих локальных лидеров в состав региональной элиты. При этом их деятельность интересует исследователей, только если оказывает определенное влияние на региональный политический процесс и они составляют малочисленную и наименее влиятельную категорию в составе региональной элиты (см., напр.: [1; 3; 7; 11]).

Подобный подход представляется нам недостаточно продуктивным: он не позволяет объективно оценить политический процесс на локальном уровне, поскольку не учитывает характера распределения власти внутри локального сообщества; а также не способствует описанию политической жизни региона, т. к. представители локальной элиты действительно, как правило, не ока-

зывают решающего влияния на принятие решений на региональном уровне.

Второй подход, которого придерживаемся и мы, предполагает определение политической роли локальных лидеров исходя не из их места в региональном политическом процессе, а из их роли в локальном сообществе и территории. В прошедшее десятилетие сформировалась необходимость изучения политической элиты локального уровня, что стало отправной точкой для детального анализа политической жизни локальных сообществ (локальность при этом понимается как пространственная ограниченность сообщества) [2].

Подобный подход базируется на идее о том, что политика и политическое могут производиться на разных уровнях социальных общностей. Это актуально для современной России, т. к. в условиях политики рецентрализации, а также изменения институциональной среды, в которой существуют локальные сообщества (муниципальная реформа, новый порядок формирования региональных органов государственной власти, активное партийное строительство, усиление конкуренции на муниципальных выборах и т. д.) наблюдается активизация политических процессов на локальном уровне [8, с. 158].

Данный подход предусматривает наличие таких самостоятельных

политических феноменов, как локальная элита и локальная политика. При этом проявление самостоятельности локального уровня как автономной площадки политических взаимодействий выступает определяющим условием их существования.

Феномен локальной политики предполагает процесс принятия и реализации политических решений, касающихся всего локального сообщества, на локальном уровне и локальными лидерами. Степень автономности данного процесса может быть большей или меньшей, но он не должен подменяться принятием всех важных для локальной территории политических решений «наверху», органами государственной власти регионального и федерального уровня.

Иными словами, утверждение о наличии локальной политической элиты означает, что существует неизбежно узкий круг представителей локального сообщества, обладающих приоритетным политическим влиянием на дела муниципалитета, достаточно независимый от региональной элиты, от других влиятельных игроков на своем уровне и отграничивший себя от прочей массы населения.

Речь идет не о полной независимости или самодостаточности локальной элиты. Независимость проявляется не в закрытости или полной автономности протекающих на локальном уровне политических

процессов (что на практике невозможно), а в самостоятельности локальной элиты как социальной группы, как участника политической жизни: элита стремится к достижению собственных интересов — политических, экономических или социальных, используя для этого собственный ресурсный потенциал.

Деятельность представителей локальной элиты является политической и не сводится к администрированию. Общая схема распределения полномочий между органами самоуправления и государственного управления в масштабах страны предполагает принятие ряда принципиальных политических решений, касающихся муниципалитетов. Однако в условиях децентрализации процесс принятия политических решений создает ситуацию, при которой общее стратегическое управление конкретными локальными сообществами и территориями «сверху» невозможно. Это предопределяет существование политической элиты локальных территорий. По этой причине развитие локальных элит сегодня — условие сохранения целостности политического пространства в России.

В целом актуализация политического потенциала локальных сообществ обуславливается взаимодействием разнообразных факторов. Однако необходимым условием формирования и функционирования

ния локальной политической элиты является самостоятельность локального уровня как автономного поля политических взаимодействий.

Выше локальная элита была определена как группа местных лидеров, обладающих высоким политическим влиянием на дела муниципалитета. Однако для понимания сущности и политической роли локальной элиты необходимо более содержательное определение.

Во-первых, определяющим критерием элитарности является «присутствие во власти». К локальной элите могут быть отнесены те, кто занимает руководящие посты в важнейших политических и социальных институтах этого уровня (администрации, легислатуры, партии и т. п.).

В целом указанный критерий достаточно показателен. Между тем, практика доказывает, что не все руководители властных структур имеют элитный статус и не все представители локальной элиты занимают должности во властных структурах. Очевидно, что статусная позиция, должность, пост — не всегда гарантия политического влияния. Показателем элитарности является обладание властью реальной, а не формальной. Поэтому локальную политическую элиту нельзя отождествлять с муниципальными служащими высшего звена — необходимо четко разграничивать элитную

и административную структуры. Это особенно важно при анализе политических процессов, поскольку на локальном уровне по причине неизбежной узости элитного слоя они сложно различимы. Кроме того, в разных политических условиях один и тот же пост предоставляет разные политические дивиденды. Подобный подход не учитывает также собственный потенциал претендентов на элитный статус, не обусловленный должностными полномочиями.

Данный подход к определению локальной политической элиты будет более точен, если критерием элитарности считать занятие ключевых, с точки зрения принятия решений и распределения ресурсов, позиций в местных политических и социальных структурах.

Указание на то, что элита контролирует значимую долю ресурсов общества, присутствует во многих определениях элиты. Акцент на участие в распределении ресурсов важен, поскольку он создает предпосылки для определения автономии локальной политической элиты исходя, кроме прочего, из ее ресурсного потенциала. О том, что вопрос автономии является принципиальным для существования локальной элиты, говорилось выше.

Участие в процессе принятия важнейших решений также является определяющей характеристикой элиты. Применительно к локально-

му уровню это означает, что локальная элита принимает и реализует стратегические решения, влияющие на все локальное сообщество и территорию. А. Дука констатирует, что определение понятия элиты в зависимости от занимаемых ее представителями позиций, которые дают возможность непосредственно и регулярно влиять на принятие политических решений, — сегодняшний стандарт в исследовании элит, несмотря на то что разные авторы используют различную лексику для характеристики понятия «принимающие решения» [4, с. 11].

Таким образом, выделенный критерий позволяет определять локальную политическую элиту близко к определению, данному Р. Патнемом: «Политические элиты — это индивиды, чьи стратегические позиции в важных и властных организациях и движениях дают им возможность непосредственно, устойчиво и регулярно влиять на принятие политических решений» [4, с. 11].

С другой стороны, локальная политическая элита определяется через присущие ей функции. Значимость этих функций для общества обуславливает особое положение лиц, которые их осуществляют, детерминирует их элитный статус. В целом локальная элита выполняет достаточно разнообразный спектр функций (служит стабилизатором социальных отношений в обществе, представляет собой некий «образец» для прочего

населения и др.), но важнейшей является управление локальным сообществом и территорией. Другими словами, определяющей для локальной элиты выступает деятельность, связанная с реализацией политической власти — управлением, властвованием, руководством. Именно властные интенции локальных элит предопределяют возможность и необходимость их существования и функционирования.

Определяя локальную элиту максимально широко, можно сказать, что это элемент местного сообщества, который структурирует и организует локальное социальное пространство. На практике руководство локальным сообществом и управление территорией сводится прежде всего к процессу принятия стратегических решений. Представители локальной элиты формулируют их, утверждают, обеспечивают реализацию и контролируют исполнение.

Осуществление названных функций становится возможным, поскольку в распоряжении локальной элиты находятся соответствующие ресурсы. Концентрация значительных ресурсов в руках ее представителей, в свою очередь, обуславливается тем, что они монополизируют позиции, обеспечивающие контроль над этими ресурсами [5, с. 7–8].

Таким образом, локальная политическая элита — это социальная

группа, принимающая стратегические политические решения, которые оказывают влияние на локальное сообщество и территорию, обладающая необходимыми для этого ресурсами и степенью автономии. Представители локальной элиты монополизировали ключевые для принятия решений и распределения ресурсов позиции в локальных властных институтах.

Исходя из данного определения, в составе локальной политической элиты можно выделить четыре основных компонента: корпус глав муниципалитетов, депутатский корпус, местное партийное руководство и политически активный бизнес.

Глава муниципалитета является ключевой фигурой в составе локальной элиты, поскольку оказывает приоритетное влияние на принятие важнейших политических решений и обладает широкой ресурсной базой (прежде всего административным ресурсом, основа которого — должностные полномочия, и значимым репутационным ресурсом). Нормотворческие полномочия локальных legislatures обеспечивают политическое влияние местных депутатов. О вхождении представителей политических партий в состав локальной элиты как о тенденции можно говорить только со времени превращения «Единой России» в значимую политическую силу и формирования широкой сети

ее локальных представительств; сегодня местные лидеры в ходе партийного самоопределения не имеют реальной альтернативы этой партии.

Бизнес может играть значимую роль в социальной и политической жизни локального сообщества. Распространенные причины включения его представителей в политический процесс — социальная ответственность, стремление получить гарантии безопасности, преференции для бизнеса или личные политические амбиции собственников. Однако оправданность включения представителей бизнеса в состав локальной элиты может вызывать вопросы. Это связано с тем, что институционализация собственной политической активности не является для них проблемой. Главным аргументом для включения представителей локального бизнеса в политический процесс остается возможность конвертировать накопленные экономические ресурсы в политическое влияние в ходе неформального взаимодействия с представителями самоуправления. Данное политическое влияние не обязательно нуждается в легитимации, но в случае необходимости формальный политический статус представители бизнеса могут приобрести, получив депутатский мандат либо пост в партийной структуре. Даже предпочитая неформальные практики взаимодействия с местной властью

или действуя через своих «ставленников» в легислатуре и администрации, локальный бизнес остается активной и влиятельной частью локальной элиты.

Предложенное разделение на внутриэлитные группы требуется, чтобы оценить ресурсный потенциал каждой из них и понять механизмы элитного рекрутирования в локальных сообществах. Однако подобное различие групп внутри элиты достаточно формально, поскольку отдельные лица могут представлять несколько таких групп, расширяя таким образом сферу своего влияния (например, депутат локальной легислатуры может возглавлять местную партийную ячейку или быть успешным бизнесменом). Подобное «совмещение статусов» формирует локальную элиту из наиболее влиятельных представителей общественной и политической жизни территорий. Это принципиально важно для формирования локальной элиты, поскольку депутатский, партийный или общественный статус не гарантируют включения в ее состав. Многие зависят от политической конъюнктуры: от сложившейся политической ситуации, от политического веса данной структуры (локальной легислатуры, партийной организации, общественного объединения) в конкретном муниципалитете. Не меньшее значение имеют собственные возможности участника локальной

политической жизни. Например, наличие репутационного ресурса с одной стороны, с другой — обладание финансовыми ресурсами могут обеспечить вхождение в локальную элиту, в то время как одного из этих ресурсов может быть недостаточно. Единственный официальный статус, который гарантирует вхождение в состав элиты, приобретают лица, замещающие должность главы муниципалитета.

Кроме того, имеет смысл выделение отдельных лиц или групп, имеющих полуэлитный статус. Речь идет о тех политических игроках, которые не являются членами элитного сообщества, однако располагают достаточными политическими ресурсами и оказывают значимое влияние на все локальное сообщество и на саму локальную элиту. Это прежде всего представители силовых структур локального уровня, которые являются «оком» центра или губернатора в муниципалитетах. Роль, которую они играют, открыто или скрыто, в политической жизни территорий, достаточно велика.

В конкретных исследованиях (при анализе политической ситуации в регионе или муниципальной территории) можно также оценить степень политического влияния представителей локальных общественных организаций и медиаструктур, однако их претензии на особый статус редко бывают обоснованны.

Несмотря на важность изучения состава и структуры локальных элит, их анализ не должен сводиться исключительно к рассмотрению положения и поведения персоналий. Локальная политическая элита — это особый социальный слой, развивающийся по своим правилам.

Формирование локальных элит в их современном варианте шло в российских муниципалитетах с середины 1990-х гг.¹, т. е. со времени введения практики выборов мэров и депутатов местных legislатур [6]. До конца десятилетия локальные элиты оставались достаточно размытыми социальными образованиями: был высок уровень случайности попадания в элиту, сильна ротация, высшие муниципальные посты зачастую занимали лица, не обладавшие финансовым и репутационным ресурсом. Процессы отграничения от прочего сообщества и сплочения в единую группу происходили постепенно, по мере формирования элиты. На первоначальном этапе для ее представителей первоочередными стали вопросы о механизмах управления локальной территорией, а также об обосновании своей деятельности, имеющей целью контроль над локальным сообществом.

Для формирования элиты требовалась прежде всего система должностей и органов власти, которая позволяла бы обеспечить монополизацию большинства ресурсов и одновременно аргументировать властные притязания соображениями общественной необходимости. Таким механизмом для складывающейся локальной элиты стала система местного самоуправления.

С одной стороны, заинтересованность формирующейся локальной элиты способствовала воплощению правовой идеи о местном самоуправлении (МСУ) в России в реальную работающую систему самоуправления. Закон о местном самоуправлении² предоставил нормативную базу, активность будущих представителей элиты наполнила законодательные нормы реальным содержанием.

С другой стороны, до настоящего времени деятельность локальных элит непосредственно связана с институтом местного самоуправления. Представители локальной элиты реализуют собственные властные интенции, в том числе через органы МСУ: для них власть является и самозначимой целью, и практической необходимостью, что предопределяет их интерес в получении и ис-

¹ Это не означает, что аналога политической элиты местного уровня не было в советский период; речь идет о формировании современной российской локальной элиты, т. е. локальной элиты в том варианте, в котором она существует сегодня.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».

пользовании должностных полномочий. Система МСУ также институционализирует систему властных отношений на локальном уровне, ключевые позиции в которой занимают представители локальной элиты. Легитимация особого статуса многих представителей элиты в локальном сообществе также происходит через выборы и назначения на муниципальные должности.

К рубежу 1990–2000-х гг. локальная элита стала более однородной, сплоченной и устойчивой социальной группой: стабилизировался ее социальный состав, сформировались стандартные механизмы элитного рекрутирования, сводящиеся к нескольким типовым социальным карьерам. Она создавала «цензы» и «фильтры» для вхождения в свои ряды, зачастую обеспечивала своим представителям сохранение элитного статуса, но не стала полностью закрытой и самодостаточной, что подтверждают результаты муниципальных выборов.

Во второй половине 1990-х гг. система внутривластных взаимодействий на локальном уровне определялась доминированием сферы влияния главы над реальными полномочиями прочих участников политического процесса, в том числе над местными депутатами. К началу 2000-х гг. депутатский корпус приобрел большую самостоятельность: представительные органы многих муниципалитетов получили

юридическую и финансовую независимость от исполнительных, расширилась сфера компетенции легислатур, изменился социальный состав депутатского корпуса за счет роста доли представителей местного бизнеса.

В начале 2000-х гг. экономический рост привел к увеличению доходов МСУ (как собственных, так и получаемых от вышестоящих уровней власти)¹. Данный процесс способствовал расширению ресурсной базы локальной элиты, но был нивелирован тенденцией централизации полномочий и ресурсов в масштабах страны [9, с. 115].

Более значимым для локальной политики следствием экономического роста стала политическая экспансия крупного бизнеса². Целями его собственников были контроль над распределением муниципальных бюджетных средств и эффективное лобби в органах местного самоуправления. Это стало причи-

¹ Речь идет не об отдельных муниципальных образованиях, а о ситуации на муниципальном уровне в целом.

² Интересно, что степень вовлеченности крупного бизнеса в политический процесс напрямую зависит от характера основного производства: например, социальная и политическая активность характерна для бизнеса машиностроительной, металлургической, химической отраслей по причине жесткой связи подобных предприятий с городом, но не для нефтяного, газового, транспортного бизнеса, поскольку такие компании ориентированы почти исключительно на вопросы собственного развития.

ной многочисленных конфликтов глав территорий с представителями предприятий, закономерно привело к увеличению доли представителей крупного бизнеса в локальных легислатурах, что в целом повысило динамичность и конкурентность локального политического процесса. В городах с монопрофильным производством данные тенденции переросли в определяющий факт политической жизни: либо градообразующее предприятие контролировало муниципальную администрацию и легислатуру и принимало все стратегически важные для территории решения, либо перманентно воспроизводился острый политический конфликт.

Муниципальная реформа, начатая в 2003 г., была направлена на централизацию политического поля и унификацию институциональной структуры МСУ¹. Однако ее влияние на локальные элиты оказалось неоднозначным. Унификация формальных правил организации самоуправления привела к тому, что в одних регионах муниципалитеты «проиграли», с точки зрения своей самостоятельности, в других, напротив, «выиграли», когда, реализуя положения федерального законодательства, региональные власти

увеличили долю местных бюджетов в консолидированных бюджетах субъектов Федерации, ввели более универсальные схемы распределения трансфертов между территориями и т. д. [10, с. 29]. Все произошедшие изменения отразились непосредственно на степени самостоятельности и ресурсной обеспеченности локальных элит.

В то же время реформирование системы муниципального управления способствовало развитию локальной элиты как политического феномена. Расширился круг значимых властных должностей на местном уровне за счет введения нового уровня самоуправления (глава поселения) и новых муниципальных постов (нанятый по контракту глава администрации). При этом лица, замещающие эти должности, хотя во многих случаях и не могли претендовать на элитный статус, но оказались активно включенными в политический процесс локального уровня. Для представителей локальной элиты появление новых политических игроков означало изменение в расстановке политических сил, потенциальную возможность формирования новой оппозиции или новых коалиций. Это усложняло локальный политический процесс, расширяя поле для политических маневров.

В настоящее время локальная элита как социальная группа остается достаточно закрытой и устой-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06 октября 2003 г. №131-ФЗ // Российская газета. 2003. 8 октября.

чивой, но в сравнении с предыдущим десятилетием она стала менее сплоченной по причине усложнившегося характера внутривластных политических взаимодействий на локальном уровне, продолжающихся конфликтов между главой и депутатским корпусом, локальной властью и бизнесом.

Таким образом, политическая элита является, с одной стороны, в большой степени неоднородной социальной группой, что предопределяет сравнительную вариативность внутриэлитных взаимодействий. С другой стороны, она остается достаточно сплоченной по отношению к внешним контрагентам, что позволяет рассматривать ее как отдельного политического игрока в контексте ее отношений с другими акторами локальной политической и экономической жизни, с региональными властными структурами.

Анализ положения и политической роли российских локальных элит в прошедшие полтора десятилетия доказывает сравнительную автономность их существования и деятельности, устойчивость такой автономии, в том числе — в контексте законодательных новаций. Это принципиально важно для исследования локальной и региональной политики, поскольку позволяет увидеть в локальном политическом процессе не только влияние федерального центра (в контексте распространенного в современной научной литературе тезиса о политическом доминировании центра в отношениях с регионами), но и деятельность самих локальных элит, которые выступают не столько проводниками региональной и федеральной политики, сколько субъектами самоорганизации локальных сообществ.

1. *Абелинскас Э. Ю.* Особенности политических процессов в городах тюменского Севера // Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах. Пермь, 2007. С. 124–126.
2. Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России. Ростов н/Д, 2001.
3. *Дахин А. В.* Трансформация региональных элит (на примере Нижегородской области) // Полис. 2003. № 4.
4. *Дука А. В.* Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации. СПб., 2005. С. 11–29.
5. *Дука А. В.* Легитимация произвола как основание функционирования элит // Элиты и власть в российском социальном пространстве. СПб., 2008. С. 7–28.
6. *Лапина Н. Ю.* Трансформация советской политической элиты // Управленческое консультирование. 2005. № 1. С. 112–130.
7. *Макарычев А. С.* Взаимодействие научной и политической элит: теория вопроса и практика Нижегородской области // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М., 1999.
8. *Назуккина М. В., Сулимов К. А.* Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область (исследование в рамках проекта «Политизация

- локальных сообществ: возможность и действительность») // Политическая наука (Локальная политика, местное самоуправление: российский и зарубежный опыт). 2008. № 3. С. 158–174.
9. *Панов П. В.* Региональные политические процессы в РФ в «эпоху Путина»: унификация или диверсификация? // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. 2006. № 4. С. 109–135.
 10. *Панов П. В.* Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука (Локальная политика, местное самоуправление: российский и зарубежный опыт). 2008. № 3. С. 9–31.
 11. *Тарусина И. Г.* Динамика политических установок региональных элит России (на примере Саратовской области) // Полис. 2003. №1.

References

1. *Abelinskas E. Yu.* Osobennosti politicheskikh protsessov v gorodah tyumenskogo Severa // Takaya raznaya Rossiya. Politicheskie protsessy i mestnye soobshchestva v malyykh gorodakh. Perm', 2007. S. 124–126.
2. *Vzaimodeystvie elit v sotsial'no-politicheskom protsesse sovremennoy Rossii.* Rostov n/D, 2001.
3. *Dahin A. V.* Transformatsiya regional'nykh elit (na primere Nizhegorodskoy oblasti) // Polis. 2003. № 4.
4. *Duka A. V.* Issledovaniya elit: poisk teoreticheskikh osnovaniy // Vlast' i elity v rossiyskoy transformatsii. SPb., 2005. S. 11–29.
5. *Duka A. V.* Legitimatziya proizvola kak osnovaniye funktsionirovaniya elit // Elity i valst' v rossiyskom sotsial'nom prostranstve. SPb., 2008. S. 7–28.
6. *Lapina N. Yu.* Transformatsiya sovetskoy politicheskoy elity // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2005. № 1. S. 112–130.
7. *Makarychev A. S.* Vzaimodeystviye nauchnoy i politicheskoy elit: teoriya voprosa i praktika Nizhegorodskoy oblasti // Transformatsiya rossiyskikh regional'nykh elit v sravnitel'noy perspektive. M., 1999.
8. *Nazukina M. V., Sulimov K. A.* Simvolicheskaya reprezentatsiya lokal'nykh politicheskikh soobshchestv: Permskiy kray i Sverdlovskaya oblast' (issledovaniya v ramkakh proekta «Politizatsiya lokal'nykh soobshchestv: vozmozhnost' i deystvitel'nost'») // Politicheskaya nauka (Lokal'naya politika, mestnoe samoupravleniye: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt). 2008. № 3. S. 158–174.
9. *Panov P. V.* Regional'nye politicheskiye protsessy v RF v «epoxy Putina»: unificatsiya ili diversifikatsiya? // POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza. 2006. № 4. S. 109–135.
10. *Panov P. V.* Lokal'naya politika v raznykh izmereniyakh // Politicheskaya nauka (Lokal'naya politika, mestnoe samoupravleniye: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt). 2008. № 3. S. 9–31.
11. *Tarusina I. G.* Dinamika politicheskikh ustanovok regional'nykh elit Rossii (na primere Saratovskoy oblasti) // Polis. 2003. №1.

Г. Г. ФИЛИППОВ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова:

технологии социального манипулирования, их специфика, критерии классификации технологий социального манипулирования

Key words:

social manipulation technologies, their specifics and criteria of classification

В научной и научно-популярной литературе по вопросам управления не проводятся различия между приемами, методами и технологиями социального манипулирования. Классификация технологий социального манипулирования как различных систем, охватывающих методы, приемы, процедуры и ритуалы специфических видов управления, необходима для их распознавания на практике и применения. Предлагается классификация названных технологий по двум критериям: 1) по властной цели и 2) по объекту применения.

Scientific, as well as popular-science literature on the problems of management does not make distinctions, as a rule, between ways, methods and technologies of social manipulation. Classification of social manipulation technologies covering the system of methods, ways procedures and rituals of management of a specific kind, is necessary for their identification in, practice and application if necessary. Classification of afore-named technologies is proposed with two criteria serving as the basis: 1) the aim of power wielding; 2) the object of technologies application.

В современной научной, научно-популярной и публицистической литературе манипулятивное управление представляется как неупорядоченная совокупность множества разнообразных приемов либо как инвентарный список методов без указания их соотношения и технологии применения, либо как обзор конкретных случаев манипуляционных действий (см., напр.: [2; 3; 4; 5]). Учитывая объективную включенность манипулятивного управления в содержание легального (штатного) управления, имеются достаточные

основания рассматривать его структуру и механизм аналогично легальному управлению.

Тогда всякую технологию манипулятивного управления следует понимать как комплекс методов, условий и пределов их применения, совокупность форм их осуществления (т. е. приемов) и разнообразие суммы ситуативных процедур и ритуалов. Определяется конкретная манипуляционная технология обычно по главному применяемому в ней методу: технология обмана, технология подстановки, технология процедурных спекуляций, тех-

нология управления путем неприятия решений, технология дезорганизации и т. п.

Можно перечислить массу методов манипулирования в управлении. Они различны по своей сути и по производимому эффекту. Стало быть, их трудно сопоставлять и ранжировать. Требуется выделение каких-то общих типологических критериев для упорядочения разноразличной и разноразмерной совокупности вариантов манипулятивного управления.

Накопленный опыт применения манипуляционных технологий управления (в том числе авторский) дает основания для выдвижения следующей классификации указанных технологий. Многообразие манипуляционных технологий управления можно упорядочить по двум критериям:

1) по управленческой цели, поставленной руководством организации; активной группой оппозиционеров; тайной группировкой, рвущейся к власти; закулисным субъектом, стремящимся разложить данную организацию и т. п.;

2) по объекту воздействия: на мотивацию членов организации и ее совокупный «дух»; на структуру организации, формальную и неформальную; на внутриорганизационные отношения между структурными подразделениями организации; на процедуру управленческих взаимодействий и т. п.

По управленческой цели следует выделить следующие манипуляционные технологии:

- приобретения (завоевания, перехвата, принятия) власти;
- удержания власти;
- усиления власти;
- дезорганизации и деградации власти.

По объекту манипуляционного воздействия их следует разделить на технологии:

- реконструкции мотиваций;
- реорганизации структуры организаций (технологии «перестроек»);
- разложения процедур и ритуалов, консолидирующих организацию.

В рамках каждой технологии применяется большая или меньшая совокупность методов, из которых обычно какой-то один выступает доминирующим. По нему, как правило, и именуется вся данная технология.

Механизм осуществления манипуляционной технологии специфичен; он существенно отличается от легальной управленческой технологии. Последняя имеет однозначно выраженную субъект-объектную структуру в управленческом цикле. Механизм же действия манипуляционной технологии имеет, и должен иметь по определению, скрытый характер, поскольку его задача — обеспечить результативное управление неорганизованным

большинством со стороны хорошо организованного большинства [3]. Поэтому реализация манипуляционной технологии всегда влечет за собой изменение (усиление или деградацию) кооперационного эффекта, составляющего основную силу всякой организации.

Кооперационный (организационный) эффект складывается как сверхсуммативное качество целого ряда факторов, которые представляют собой свойства, появляющиеся в отношениях, но не существующие изначально у элементов и субъектов кооперационного взаимодействия. Это так называемые «вторичные», а не «первичные качества». Они возникают благодаря организации специального взаимодействия между работниками, структурными подразделениями, работниками и орудиями их труда, между самими техническими средствами благодаря изменениям порядка их взаимодействия, между технологией деятельности и техническими средствами, между подчиненными и начальниками и т. д.

Эти взаимодействия могут быть организованы более или менее эффективно в соответствии и с учетом возможностей соединяемых структурных элементов, начиная с рассаживания работников в офисе в зависимости от их статуса, возраста, пола, здоровья, взаимных симпатий и антипатий и т. д. и кончая формированием штатного расписания

в соответствии с принятыми управленческими целями.

Если такие взаимодействия строятся без учета параметров соединяемых элементов, то ожидаемого эффекта не получается. Такая ситуация может произойти по разным причинам: в связи с незнанием управляющими основ и тонкостей организаторской деятельности; пренебрежением факторами, кажущимися «мелочами»; из-за низкой профессиональной квалификации или малого опыта работы управленцев; примитивности производственного процесса и его слабой организации и пр. Этим объясняется типичный для современного российского производства факт: закупленные за рубежом высокопроизводительные технологические линии никак не удается вывести на стопроцентный уровень, запланированный и гарантированный поставщиком оборудования.

Феномен кооперационного эффекта был обнаружен еще в античные времена в военном деле. Способы воинского построения и взаимодействия подразделений определяли боевое превосходство греческих, а затем и римских армий над полчищами варваров, намного превышавших по численности греческие и римские когорты. Уже тогда практика показала, что организация удесятеряет силы.

Теоретическую концепцию кооперационного эффекта начали

разрабатывать представители английской классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо). Конструктивное и детальное ее наполнение было осуществлено К. Марксом. В настоящее время в состав кооперационного эффекта применительно к рассматриваемому аспекту управления надлежит отнести следующие факторы:

1) разделение исполнительской деятельности на составляющие операции и доведение исполнения каждой из них до оптимального совершенства;

2) регламентация функций каждого исполнителя максимально точно, но с обязательным оставлением некоторой доли неопределенности для проявления самостоятельности в форме и содержании выполняемых функций;

3) оптимальное соединение работников в единый производственный цикл в соответствии с их сильными и слабыми свойствами;

4) взаимное обучение работников лучшим приемам деятельности через обмен опытом, научение и наставничество, взаимопомощь, посредством заимствования;

5) взаимная компенсация ограничений, слабостей и недостатков членов организации путем подстраховки и сотрудничества;

6) экономия расходных материалов, сырья, электрической и тепловой энергии, сокращение объема отходов за счет их частич-

ного или вторичного использования;

7) развитие соревновательного духа между членами организации и ее подразделениями;

8) формирование корпоративной морали и корпоративной культуры.

Во взаимодействии все эти факторы составляют сверхсуммативную силу кооперационного эффекта, но в тоже время каждый из них действует относительно самостоятельно и обособленно, а потому потенциально становится объектом манипуляции. Таким образом, обеспечивается высокий уровень скрытности для широкой публики (да и для большинства членов организации) производимых манипуляций, которые дают возможность получить искомый управленческий результат без грубого, наглядно топорного насильственного давления. Например, жесткий силовой запрет на проведение забастовок всегда вызывает массовый протест и сомнения в легитимности власти. Но с помощью череды небольших административных ограничений и процедурных оговорок в трудовом законодательстве и отраслевых процессуальных кодексах можно сделать подготовку и организацию забастовок безнадежно трудным и мучительно долгим делом, заниматься которым пропадает желание и у профсоюзных активистов, и у рядовых членов профсоюза.

Именно поэтому в последние годы в Российской Федерации количество забастовок исчисляется единицами, хотя 10 лет назад ежегодно проводились тысячи забастовок. Воздействуя на один или несколько факторов, составляющих кооперационный эффект, можно достичь усиления или уменьшения его в целом. Таким образом, в зависимости от цели управленческого воздействия или от конкретного объекта воздействия выбирается та или иная манипуляционная технология с подходящими для данного случая методами.

Теперь рассмотрим поле выбора объектов классификации, т. е. манипуляционные технологии, особенно характерные для современных российских условий. Для руководства многих организаций разного уровня (политических, хозяйственных, финансовых, обслуживающих, производственных, образовательных, административных и пр.) актуальна одна и та же задача — удержание власти. Это происходит по ряду причин, рождающих низкий профессионализм в управлении и потому — объективную потребность в манипулятивных технологиях управления.

Во-первых, доминирующим принципом подбора кадров, особенно руководителей структурных подразделений, остается так называемый «политический принцип», т. е. подбор и расстановка кадров

с целью сохранения и упрочения власти действующей команды. Главное требование к кандидату на должность — это приверженность линии, проводимой руководством организации, и, соответственно, верность и преданность (желательно личная) руководителю. Реализуется такая политика через систему комплектования штатов либо по клановому признаку (вместе учились, вместе когда-то работали, дружили с детства, сплотились на поприще общественно-политической деятельности и т. п.), либо по родственной принадлежности (когда поручкой и залогом верности становится кровное родство, семейная близость, этническая принадлежность и т. п.), либо по близости (принадлежности) к исполнительной власти или к партии власти. При этом профессиональная компетенция и квалификационная подготовленность отступают на задний план.

Во-вторых, значительное влияние на систему управления оказывает существование в трудовом законодательстве легальной возможности отстранения от должности руководителя любой организации, а стало быть, потерю руководящих постов практически всей его команды. Как сказано в ст. 278 п. 2. Трудового кодекса РФ, трудовой договор с руководителем организации может быть прекращен «в связи с принятием уполномоченным ор-

ганом юридического лица, либо собственником имущества организации, либо уполномоченным собственником лицом (органом) решения о прекращении трудового договора». Та же статья касается и руководителя унитарного предприятия. На практике это означает, что подобное решение может быть принято по самым разным основаниям. Не только по административным, финансовым, организационным, моральным, но и по так называемым привходящим обстоятельствам, влиять на которые гонимое руководство организации может мало, да и то скорее различными манипуляционными приемами.

В-третьих, определенную неустойчивость положения руководства организации порождают нескончаемые инновации в российском законодательстве, следствия мирового экономического кризиса, периодические техногенные катастрофы и аварии, природные бедствия, затем с «вертикальной», «суверенной» или «консервативной» демократией и пр.

В результате руководство тех организаций, которые оказываются в таких неопределенных ситуациях, вынуждено обращаться к манипуляционным технологиям удержания власти. Существует множество подобных управленческих механизмов: от усиления кооперационного эффекта (централизации и концентрации власти) до деградации ко-

операционного эффекта (деорганизации структуры и деятельности организации, что позволяет удерживать власть и ослабевшей рукой).

В технологиях, ориентированных на повышение кооперационного эффекта, применяется комплекс методов, среди которых доминирующими являются: 1) усиленная регламентация деятельности исполнителей при скрытом расширении нерегламентированных законом зон деятельности руководителей и 2) спекулятивное стимулирование «корпоративного духа», обеспечивающего личную преданность руководству.

Типичным примером последствий применения первого метода является эволюция российского трудового законодательства за последние 15 лет. На смену лаконичной записи в трудовой книжке работника пришел трудовой договор (контракт), в котором регламентировались все основные этапы трудового процесса. Затем в целом ряде подзаконных актов устанавливались: регламент процессов приема на работу, увольнения с работы, в том числе по различным нарушениям трудовой дисциплины (алкогольное опьянение, наркотическое состояние и др.), порядок получения заработной платы, тарифная сетка, коэффициенты разрядов, величина минимальной заработной платы.

Однако оставалась вне регламентации величина заработной платы руководителя организации, который единолично регулировал уровень оплаты своей команды. В ряде отраслей экономики в 2000 г. были отменены даже небольшие сдерживающие ограничения по заработной плате руководителей.

Когда разрыв уровней заработной платы руководства и персонала достиг двузначной цифры, была проведена корректировка регламентаций. Правительственным распоряжением было установлено, что заработная плата руководителя организации с государственной формой собственности не должна превышать среднюю заработную плату подчиненных более чем в 5 раз. В то же время была отменена единая тарифная сетка разрядов сложности (квалификации) труда. Вместо нее каждая организация в лице собрания (конференции) трудового коллектива получила право самостоятельно принять собственную (местную) систему оплаты труда.

Последняя строилась в соответствии с рекомендациями учредителя, которые устанавливали, что заработная плата должна состоять из трех частей: должностного оклада, доплат (добавок) различного вида (за уровень квалификации, за размер зоны обслуживания, за статус и пр.) и премии (за достижения, признанные начальством). При этом должностной оклад не мог быть

ниже минимального размера оплаты труда.

Таким образом, нормы труда и заработной платы работников оказались регламентированными и большей частью предоставленными на усмотрение руководства организации. А заработная плата руководителя организации и его заместителей стала регламентироваться только в малой своей части — в размерах должностного оклада, который устанавливался в государственных организациях в соответствии с уровнем минимального размера оплаты труда. Вся остальная часть (свыше пятикратного должностного оклада) осталась вне поля регламентации.

В результате была достигнута латентная управленческая цель — обеспечить сопоставимость уровней зарплат руководителей внебюджетных организаций с зарплатами руководителей коммерческих организаций, дабы как-то предотвратить отток квалифицированных руководящих кадров из государственной сферы в коммерческую.

Вторая из рассматриваемых технологий выделяется по объекту воздействия — структуре организации и ее направленному изменению в сторону упрощения, что могло меньшими управленческими усилиями и затратами обеспечить самосохранение руководства организации. Это технология дезорганизации организации. Она ориен-

тирована на намеренное, но завуалированное снижение кооперационного эффекта, замещаемого консолидацией и усилением корпоративного духа. Подлинной (естественно – скрытой) целью данной технологии является упрочение верности и преданности персонала руководству, даже если это идет в ущерб общей эффективности работы всей организации.

Для реализации рассматриваемой технологии применяются преимущественно два метода: 1) подмена административного управления политическим и 2) замещение уровня профессиональной пригодности работника его личной преданностью команде руководителя.

Метод подмены (подстановки) одного вида управления другим заключается в обеспечении сохранения занимаемых руководящих должностей независимо от фактических результатов работы организации. Для этого все основные решения (кадровые, производственные, административные, финансовые и пр.) принимаются прежде всего во имя сохранения статуса и полномочий руководящего состава. Соответственно подбор и расстановка кадров осуществляется по принципу «сдержек» и «противовесов», а именно: чтобы не было объединенной оппозиции; чтобы претенденты на руководящие должности соперничали между собой, а не с действующими начальниками;

чтобы конкуренты теряли силу еще на подступах к цитадели власти. Для этой же цели поддерживается и иницируется повышенный уровень конфликтности в коллективе из-за границ статуса, форм и пределов влияния, уровня внутриорганизационной информированности, перспектив карьерного продвижения и т. п.

Второй метод – усиление личной зависимости работников от работодателя легальными экономико-юридическими средствами. Несколько масштабных вариантов эти средств за последние полвека стали широко известны. После Второй мировой войны в целом ряде западноевропейских стран усиленно внедрялась и приносила огромные результаты «доктрина человеческих отношений». Применяемые в ней способы нормирования труда и формы заработной платы давали не только большие экономические выгоды работодателям, но прежде всего – корпоративные нормы морали единения интересов персонала и администрации. Чувство личной признательности и благодарности непосредственному руководителю обеспечивалось, в частности, особой формой организации заработной платы работников. Для этого, например, в итальянской промышленности применялась система «оплаты по заслугам».

Согласно этой системе, оценка трудового вклада работника (и со-

ответственно его оплата) определялась ежедневно комиссией из трех человек: нормировщика, бригадира (или сменного мастера) и руководителя подразделения. Оценка производилась по группе параметров — «заслуг» (до 10 показателей). Среди них в первой пятерке оказались такие позиции, как выполнение нормы, дисциплина труда, степень сотрудничества с администрацией, неучастие в забастовках. Оценка в баллах и соответствующая сумма заработка вывешивалась наутро на доске объявлений. Заработок выплачивался в конце каждой недели. Такая ежедневная поощрительная оценка руководителями корпоративной включенности работника формировала привычную, а то и рефлекторную преданность администрации.

В наше время изобретены не менее виртуозные способы формирования личной зависимости работника. К числу последних следует отнести так называемый «аутсорсинг», или «аутстаффинг». Под этими нейтральными, лишенными эмоциональной окраски терминами скрывается технология аренды рабочей силы, наподобие найма напрокат автомобилей, музыкальных инструментов, свадебных платьев, прогулочных лошадей и т. п.

Официальная, декларируемая цель аутсорсинга (аутстаффинга) — повышение эффективности работы организаций, пока только коммер-

ческих, за счет нового разделения труда. Заинтересованная организация сосредоточивается на своей основной деятельности, а всю кадровую работу передает другой, подрядной организации. Последняя ведет подбор кадров требуемых специальностей, оформляет их прием на работу и увольнение, обеспечивает документационное сопровождение служебного процесса, перечисляет налоги, оформляет квартальные и годовые отчеты по социальному страхованию, представляет сведения о доходах физических лиц в налоговые органы и т. д. Она же берет на себя вопросы и проблемы трудовых споров и взаимоотношений с инспекцией по труду, санитарными службами, судами и прокуратурой. И делает все это она возмездно. Платит заказчик — заинтересованная организация, выделяя средства за счет снижения уровня оплаты труда арендуемых работников, уменьшения или полной отмены социального пакета, снижения доплат и премий, сокращения размеров командировочных расходов и т. п. Кроме того, арендованный работник имеет статус нештатного работника и потому лишается локальных льгот и преимуществ данной организации.

Выгоды работодателя многообразны: резкое сокращение расходов на кадровую работу; экономия на фонде оплаты труда и социального налога; оптимизация (уменьшение)

налогооблагаемой базы; умаление роли профсоюза; появление возможности перехода в статус малого предприятия со всеми причитающимися финансовыми и прочими льготами; реальная возможность освободиться от нежелательного (по любым основаниям) работника в день появления причины недовольства им.

Арендуемый работник тоже имеет выгоду, но совсем другого рода. Это возможность получить более или менее постоянную работу по специальности в другом городе или регионе, поскольку в городе проживания такой работы нет. Это возможность получать оплату труда существенно более высокую, нежели у себя дома. Это, наконец, возможность вообще иметь работу, поскольку других предложений вовсе нет.

Указанные мотивации характерны не только для поселков, малых и средних городов, но и для мегаполисов вроде Санкт-Петербурга. По данным службы трудоустройства¹, заявки на квалифицированные специальности в сфере реального сектора экономики в десятки и даже сотни раз превышают число предлагаемых вакансий. В сфере строительства по специальностям «отделочник» на 17 вакансий 558 претендентов, «электромонтажник» — на 12 вакансий 461 человек, «электро-

сварщик» — 1 место на 113 претендентов. На промышленных предприятиях наблюдается схожая ситуация: 91 человек на 19 вакансий токаря; 39 — на 1 место станочника; 171 — на 15 вакансий сварщика; 429 человек на 59 вакансий слесаря. Это официальные данные на второй квартал 2010 г.²

Аналогичная картина и в отраслях с особо опасными условиями труда. Количество претендентов на 1 шахтерское место доходит по регионам до 10. На трагически известной шахте «Распадская» и после катастрофы на 1 вакантное место претендуют 6 человек³.

Словом, число желающих добровольно стать арендуемой рабочей силой и впасть не только в экономическую, но и в личную зависимость от работодателя и его администрации вполне достаточное для фирм, практикующих аутсорсинг-аутстаффинг. Они безбоязненно привлекают предпринимателей объявлениями в Интернете: «Вам надоело общаться с профсоюзом? Ходить по судам и проигрывать дела вашим работникам? Вы хотите заниматься бизнесом, а не социальными вопросами своего персонала? Вам выгодно, чтобы к вам не предъявляли претензий по охране труда и безопас-

² Баталова Н. Требуется диктатура пролетариата // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 17 июня. С. 5.

³ См.: Спуститься и взорваться // Аргументы и факты. 2010. № 20. С. 9.

¹ См.: сайт Rabota.ru.

ности рабочих мест?.. Тогда спешите к нам!»¹

Таким путем осуществляется разобщение и противопоставление одной части персонала, ущемленной в правах и возможностях, другой его части, обладающей и повышенной зарплатой, и защитой со стороны Трудового кодекса, коллективного договора и профсоюза, и социальным пакетом, и правом на постоянное рабочее место и др. Таким образом совершается дезорганизация трудового коллектива, что дает возможность снять претензии к руководству, ликвидировать на корню оппозицию, сделать критику

руководства минимальной и превратить личную зависимость от руководства в доминирующий фактор управления организацией.

Рассмотренные виды технологий манипулятивного управления имеют, как было показано, объективное содержание, достаточно формализованные алгоритмы применения, конкретно обусловленные формы реализации и отнюдь не сводятся к фантазийному набору виртуозных психологических приемов, варьирующих от случая к случаю. Это означает, что классификация технологий социального манипулирования возможна в принципе и необходима практически для нужд управления и для обучения управленцев.

¹ См.: Пушкин Л. Сотрудники напрокат // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 13 мая.

1. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. М., 2003.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2009.
3. Филиппов Г. Г. О природе манипулятивного управления и его месте в обычной управленческой деятельности // Управленческое консультирование. 2006. № 4.
4. Цуладзе А. М. Большая манипуляционная игра. М., 2000.
5. Щербатых Ю. В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М., 1998.

References

1. Grachev G. V., Mel'nik I. K. Manipulirovanie lichnostyu. M., 2003.
2. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. M., 2009.
3. Philippov G. G. O prirode manipulyativnogo upravleniya i ego meste v obychnoy upravlencheskoy deyatel'nosti // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 4.
4. Tsuladze A. M. Bol'shaya manipulyatsionnaya igra. M., 2000.
5. Scherbatiyh Yu. V. Iskusstvo obmana. Populyarnaya entsiklopediya. M., 1998.

С. В. АКОПОВ

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова:

глобализация, транснационализм, мультикультурная компетентность, политическая дружба, толерантность

Автор статьи излагает три подхода к построению политического сообщества в эпоху глобализации. Первый основывается на философии паритета силы и агонизма, второй — на необходимости транзита в сторону западных либерально-демократических ценностей. Автор пытается доказать, что реальная толерантность и подлинное уважение к чужим правам могут быть достигнуты только на основе третьего подхода, базирующегося на шести важных принципах формирования транснациональных сообществ: «диалектическое понимание глобализации», «мультикультурная компетентность», «культурное многообразие, гармонично сочетаемое с политическим единством», «живое знание, синтезированное в кросскультурные нарративы», «космополитическое образование» и «политическая дружба».

В современном мире можно выделить *три* основных подхода к построению политического сообщества как на уровне отдельно взятого государства, так и на уровне межгосударственных отношений. Своеобразным воплощением первого является реалистическая школа в теории международных отношений (восходящая к трудам Н. Макиавелли и Т. Гоббса). Квинтэссенци-

Key words:

globalization, transnationalism, multicultural competence, political friendship, tolerance

The author of this article describes three approaches towards building a political community in an era of globalization. The first approach is based on a philosophy of power parity and agonism, the second — on the need for transition towards the Western liberal-democratic values. The author tries to argue that the real tolerance and genuine respect for other people's rights can be achieved only through obtaining the third approach. This approach is based on six key principles of formation of transnational communities: dialectical understanding of globalization, multicultural competence, cultural diversity, harmonized with the political unity, the "life knowledge", synthesized in cross-cultural narratives, cosmopolitan education and political friendship.

ей такой политической философии можно считать идеи немецкого мыслителя К. Шмитта, полагавшего, что «покуда народ существует в сфере политического, он должен самостоятельно различать определение друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции» [7, с. 284]. Идеи К. Шмитта нашли свое оригинальное воплощение во взглядах известного англий-

ского политолога Ш. Муфф. Последняя полагает, что эпоха Просвещения окончательно утвердила в Западной культуре идею плюрализма человечества, что в свою очередь может быть интерпретировано двояко: «человечество многообразно» либо «человечество разделено». Муфф полагает, что М. Фуко, Ж. Делез, а также (с либеральных позиций) Д. Роулз, Ю. Хабермас и Х. Арендт поддерживают идею «плюрализма» человечества. Вместе с тем у этих авторов плюрализм не сопровождается идеей антагонизма, ибо все они объединены общим убеждением, что многообразие человечества может быть сведено к гармоничному сосуществованию. Однако, отмечает Муфф, другой род плюрализма можно найти в работах М. Вебера и Ф. Ницше, убежденных, что люди разъединены и находятся в состоянии перманентно возникающего конфликта. «Я, — отмечает Муфф, — разделяю именно последнюю позицию. Плюрализм в таком смысле означает, что окончательное примирение невозможно. Именно эта уверенность и становится фундаментом моего понимания политики» [11, p. 972].

Ш. Муфф, последовательницу Л. Альтюссера и А. Грамши, принято относить к сторонникам социальной философии «агонизма». Агонисты не верят в возможность преодоления глубокого раскола между людьми, независимо от того, идет

ли речь об их культурных, гендерных и классовых различиях. Онтологическая предпосылка Муфф состоит в том, что политика в обществе есть лишь постольку, поскольку существуют конфликты. Соответственно, на ее взгляд, любой вид общественного порядка является продуктом *гегемонии*. Реальность и ее содержание напрямую связаны с артикуляцией воли того или иного гегемона, даже если кому-то его воля представляется обычным «здравым смыслом».

Развивая идею Ф. Ницше о воле к власти через культурное творчество, Муфф полагает что «политика» связана не только с государством или партиями. Политика — это нечто, находящееся в тесной связи с культурой, со СМИ, с искусством и вообще со всем, что обеспечивает поддержание гегемонии одних людей над другими. Более того, любое повествование (*нарратив*) Ш. Муфф рассматривает именно как *идеологию*, строящуюся на свободной артикуляции таких принципов, как «объективность», «нравственность» или «истина». «В идеале я вижу роль средств массовой информации, — отмечает Муфф, — в создании полемического общественного пространства, в рамках которого у каждого человека будет возможность высказывать свое несогласие, обнародовать существующие противоречия и альтернативы» [11, p. 971].

Несмотря на то что ряд положений концепции Муффа выглядят убедительно (особенно в рамках постструктуралистского дискурса), по части агонизма следует высказать несколько замечаний.

Во-первых, философия политики агонизма подпадает под наше понимание социального дарвинизма [2].

Во-вторых, агонизм сопутствует использованию в политических целях образа «врага». Политические лидеры, отмечает психолог Ф. Могхаддам, часто специально фабрикуют образы врага, чтобы переносить вовне существующую внутри общества фрустрацию и агрессию. Фиксация на внешнем враге (или опасности) мобилизует социум изнутри и придает легитимность власти его лидера. Чем выше фрустрация внутри общества, тем сильнее переносится агрессия. Вы можете заставить людей любить друг друга подобно братьям и сестрам, пока есть те, кого они ненавидят. Примечательно, что в качестве целей для перенесенной агрессии лидеры выбирают тех, кто наиболее непохож, т. е. «чужих» [16, р. 167]. Более того, если в настоящий момент «враг» отсутствует, общество должно придумать его и держать на случай забвения социальной иерархии. «Известно, что Афины содержали фармаков, которые умерщвлялись или изгонялись в случае каких-либо бедствий или распрей <...> Очистительная

жертва умиротворяла и объединяла общество, превращаясь в священную» [6, с. 58]. Понятно, что делать это легче в рамках философии агонизма.

В-третьих, агонизм по сути культивирует различия между людьми и таким образом подпитывает разного рода фобии, в том числе ксенофобию. Р. Тарас в книге «Европа старая и новая» разворачивает научную дискуссию вокруг ксенофобии, используя такие термины, как мизоксения (*miso Xenia*) и ксенофилия (*Xenophilia*). Мизоксения — категорическое неприятие, ненависть к иностранцам, крайняя форма ксенофобии. Ксенофилия, наоборот, симпатия к иностранцам [18, р. 93]. Чтобы понять, в кого целят люди, страдающие ксенофобией, Р. Тарас предлагает рассмотреть понятие «далеких местных» (*far-away locals*), введенное З. Бауманом. «Далекие местные» — люди, живущие в других концах мира, о которых мы узнаем из глобальных СМИ. Все, что нам известно о жизни этих людей, — убийства, эпидемии, мародерство, обычные в их странах [18, р. 94].

Тарас полагает, что понятие «далеких местных» может быть применимо и к меньшинствам внутри общества. Собственно, не столько само пересечение границы превращает мигрантов в «чужих» (*strangers*), сколько попираение ими сложившегося у «настоящих» местных чувства защищенности [18, р. 95]. Ав-

тор высказывает мнение о том, что выражение «далекие местные» может подразумевать самых разных людей: и мигрантов, и гостей, и временных переселенцев, и представителей той или иной диаспоры, и даже коренных членов общества, рассматривающихся, однако, большинством в качестве тех, кто к этому обществу не принадлежит. Причем это почти не связано с гражданским статусом таких людей или периодом времени, в течение которого они пребывают на территории страны. Американский исследователь указывает, что это могут быть как «кавказцы», евреи или цыгане в России и Восточной Европе, так и мусульмане в Западной Европе. Более того, близкими к «далеким местным» оказываются и «вненациональные» (non-national) группы, обладающие субнациональной либо сверхнациональной идентичностью, не считающие страну проживания своим настоящим «домом». Подобные группы кристаллизуются уже не по национальному, а по идеологическому признаку. В качестве таких «вненациональных» групп Р. Тарас приводит в пример сторонников возврата к советскому режиму в современной России, хорватов, ностальгирующих по Югославии, и евреев, часто считающихся космополитами в странах той же Восточной Европы. Вместе с тем, подчеркивает исследователь, если враждебность против «далеких местных»

может долго сохраняться на достаточно низком уровне, то «вненациональным» группам при определенных обстоятельствах грозит полное исключение из сообщества [18, р. 96].

Задаваясь вопросом о причинах возникновения особого отношения к иностранцам, Тарас отмечает, что в странах ЕС развитие ксенофобии четко коррелирует с ростом числа мигрантов. На каждый процент дополнительно приезжающих в Европейский союз на 9,9 % возрастает количество людей, говорящих о мигрантах как о проблеме. При этом запускается процесс стигматизации, обвинения мигрантов в обострении криминогенной ситуации, терроризме, безработице и повышении государственных расходов [18, р. 93]. Применительно к постсоветским странам необходимо упомянуть в данном контексте работу З. Баумана под названием «Европа: неоконченное приключение». В этой книге английский социолог польского происхождения связывает развитие ксенофобии в странах Восточной Европы с попыткой спасти¹ представления о былой советской солидарности и проецировать их на общественные отношения, существующие в условиях соревнования и рынка — в эпоху, когда «приез-

¹ З. Бауман использует здесь многозначное слово «salvage», которое переводится не только как «спасение», но и, например, «подъем затонувших судов».

жим» удается встраиваться в социальные структуры, в то время как «местное» население маргинализуется [10, р. 99].

К сожалению, агонизм, определяющий конфликтную природу политического, до сих пор является существенной, если не сказать преобладающей, политической философией. Особенно это ощущается в международной политике, где он выступает в виде «реалистической школы международных отношений». Мы согласны с В. Мартьяновым, который считает, что в современном глобальном мире более сильны будут позиции тех игроков, которые могут предложить человечеству предельно эгалитарные, универсальные, космополитические варианты решения всеобщих проблем, иначе говоря — варианты, исходящие из интересов всего человечества, а не выгоды отдельных классов, наций, регионов мира и блоков союзных государств [4, с. 336]. Вместе с тем сам Мартьянов не без сожаления отмечает, что «мировая элита после периода биполярности (1945–1991), относительно устойчивой в ценностно-нормативном измерении, все чаще предпочитает бокс, а не шахматы», и ситуативный тактический прагматизм вместо долговременных нормативных стратегий. В результате таких «боев без правил», к сожалению, интересы глобальных нормативных акторов не превращаются в глобальную от-

ветственность за свои действия и их последствия [4, с. 288].

Как бы там ни было, *мы не можем разделить неошмиттианскую трактовку природы политики*, т. к. она чаще всего оборачивается социальным дарвинизмом со свойственным ему биологическим детерминизмом, обостренным чувством «свой — чужой» и в конечном итоге — оправданием морального релятивизма и насилия. Мы согласны с замечанием А. Абизадеха, что хотя космополитическая мечта о единой мировой идентичности может столкнуться с множеством практических препятствий, тем не менее ее нельзя считать невозможной метафизически или же просто продуктом концептуальной неразберихи [8, р. 45].

Вместе с тем мы не можем в полной мере поддержать и второй подход к построению политического сообщества, а именно позицию тех, кто считает существующие абстрактные идеалы толерантности, либеральной демократии или концепцию прав человека достаточными основаниями для преодоления агонизма и создания прочной системы планетарной безопасности.

Относительно идеи *толерантности* следует вспомнить вопрос К. Поппера: должно ли толерантное общество толерантно относиться к проявлениям интолерантности? Проявляется ли толерантность как устойчивая и эффективная позиция

только в случае ее признанности всеми сторонами? Однако справедливо будет предположить, что подобная обоюдность может возникнуть лишь при наличии общих ценностей и взаимном признании исторически сложившегося статус-кво. В противном случае толерантность не пойдет дальше декларации о ней.

В книге «Открытое общество и его враги» утверждается, что «эмоционально все мы разделяем людей на близких и неблизких. Разделение человечества на друзей и врагов — это наиболее очевидное из эмоциональных разделений. Даже лучший христианин <...> не может чувствовать равной любви ко всем людям. Мы действительно не способны любить “абстрактно”. Мы можем любить только того, кого знаем. Таким образом, нашей “естественной” реакцией является разделение человечества на друзей и врагов, на тех, кто принадлежит к нашему эмоциональному сообществу и тех, кто находится вне его, на класс товарищей и класс противников, на ведущих и ведомых» [5, с. 272–273]. Очевидно, что в одном Поппер прав — мы действительно не можем любить того, кого не знаем. В противном случае мы порождаем «политкорректность» двойных стандартов.

К сожалению, *концепция либеральной демократии* также не представляется нам панацеей от всех бед. Непонятно, например, насколько

возможно экспортировать западную либеральную демократию в ту среду, которая отказывается принять ее (ведь не все согласятся быть произведенными в демократы насильно)? Как экспортировать демократию в страны, в уклад которых она естественным образом не вписывается? Как при этом избежать проявлений прогрессорства и мессианства? Что делать с теми, кто хочет строить демократию согласно принципам Ж. Ж. Руссо, а не Дж. Локка?

Известный английский политолог А. Ливен пишет, что многие американские граждане имеют склонность воспринимать людей из других стран как потенциальных американцев, чьи национальные и культурные особенности прискорбны, но, к счастью, поправимы [15, р. 46]. Подобный американский универсализм противоречит кросс-культурным исследованиям ценностей в разных странах мира, проведенных институтом Г. Хофстеде. По мнению известного голландского ученого, культурные ценности весьма постоянны и создают почву для существования долговременных различий. Культурные ценности, утверждает Хофстеде, меняются очень медленно, поскольку формируются у людей еще в детском возрасте. Это делает базовые ценности обществ достаточно стабильными, даже несмотря на стремительные перемены в политических

практиках [14, р. 4–5]. Соглашаясь с голландским исследователем, мы полагаем, что в области культуры трудно ожидать внезапных перемен. Революции могут внести быстрые и неожиданные изменения в структуру общества, даже в механизмы распределения экономических ресурсов, но люди еще долго будут воспроизводить те поведенческие паттерны, которые коренятся в их духовных, а значит и политических ценностях.

В этой же связи следует заметить, что вот уже как минимум 20 лет не прекращается спор между сторонниками концепции универсальности человеческих прав и идеологами культурного релятивизма. Первые отстаивают точку зрения, согласно которой «более примитивные культуры» рано или поздно все равно придут к тем же представлениям о правах человека, что и западный мир. Культурные релятивисты с такой же непоколебимостью отстаивают обратную точку зрения, полагая, что традиционные культуры неизменны в своем отличии от культур, получивших господствующее распространение на Западе. Более того, для релятивистов демократизация — это только продолжение западной экспансии или новая форма модернизации 1960-х гг. и культурного империализма. Разницу между противоборствующими лагерями можно выявить и на ценностном уровне.

Так, универсалисты придерживаются индивидуализма, в то время как культурные релятивисты отстаивают коллективизм, в котором свобода индивидуального выбора часто рассматривается как угроза единству социума [17, р. 28, 31]. Мощную экспансию универсалистских северных обществ, пренебрегающих политическими и культурными особенностями южных, отмечает английский антрополог Дж. Гледхилл [13, р. 14]. Исследователи указывают, что это не случайно, т. к. большая часть мировых СМИ находится в США (39) и Западной Европе (28) и эти СМИ склонны объяснять политические конфликты в странах третьего мира их недостаточной цивилизованностью или издержками процесса «модернизации» [3, с. 209]. Очевидно, что подобная статистика играет на руку агонистам и их концепции культурной гегемонии.

Сегодня текущие этнонациональные конфликты, то тлеющие, то разгорающиеся вновь (а их в мире насчитывается более 30), с трудом поддаются разрешению в рамках существующей «демократической» системы международной безопасности. В общем, указанные аргументы не дают основания полагать, что претендующая на универсальность либеральная модель демократии западного образца может снизить уровень взаимных опасений в международных отношениях. Трудно также представить, как по-

добная демократия будет эффективно бороться с периферийным национализмом и «этническими предпринимателями», которые успешно осуществляют массовую мобилизацию и способны создавать экстремистские группировки, раздувая политические фобии.

На первый взгляд, мало кто усомнится в универсальности *доктрины защиты прав человека*, этого достижения школы естественного права, активно развиваемого со времен Г. Гроция и Дж. Локка. Именно доктрина защиты прав человека — один из краеугольных камней современной либеральной демократии. В случае серьезных нарушений прав человека Совет Безопасности обязан докладывать об этом Генеральной Ассамблее ООН. Совет Безопасности ООН совместно с Уголовным Судом могут принимать меры, направленные на предотвращение нарушений прав человека, вплоть до санкционирования использования международной военной силы. Вместе с тем многие проблемы до сих пор ждут своего решения. Помимо уже указанных и до сих пор не разрешенных противоречий между универсалистами и культурными релятивистами существует также серьезное противостояние между сторонниками приоритета прав человека и теоретиками, отстаивающими примат национальной безопасности. Особенно остро это противостояние

обнаружилось в связи с введением в ряде стран после 2001 г. антитеррористического законодательства, предусматривающего в целях общественной безопасности некоторые ограничения прав человека: права на тайну переписки, тайну личной жизни и т. д.

С другой стороны, не до конца понятно, являются ли (и в какой степени) органы ООН легитимными и высшими акторами, участвующими в процессе принятия решений в современной международной политике. События в Косове стали опасным прецедентом, продемонстрировавшим, что помимо ООН существует еще ряд игроков на мировой сцене, иногда открытых (НАТО, ЕС), а иногда завуалированных, но весьма влиятельных. Именно они в силах оспаривать экспертизу ООН по вопросам нарушения прав человека. Помимо этого ООН оказалась неспособна остановить массовые нарушения прав человека во время дарфурского кризиса в Судане, событий в Сребренице и геноцида в Руанде.

Особое место в этой связи приобретает вопрос *геноцида*. В последнее время это понятие все более выходит из сугубо юридического поля, часто становясь инструментом деятельности СМИ. Сегодня декларации о геноциде, которые призваны санкционировать вмешательство миротворческих сил, принимаются не столько в результате взвешенной

и всесторонней оценки ситуации компетентными органами (Институтом изучения геноцида или экспертами организации Amnesty International), сколько под сильнейшим давлением политизированных транснациональных медиа-групп. Нарративы геноцидов, фабрикуемые в удобном для политиков формате, часто представляются как проявление национализма и всевозможных фобий. Датский исследователь Б. Фливбьерг отмечает, что каждый человек — «существо, рассказывающее истории», однако при этом совсем не обязательно, что профессиональные рассказчики историй — это добросовестные исследователи конкретных случаев и ситуаций [12, р. 221, 240].

Вышеприведенные примеры, на наш взгляд, являются свидетельством того, что в обществах за пределами западного мира индустриализация, капитализм, либеральная демократия не были неизбежным результатом культурной эволюции. Для них эти элементы политической культуры (так же как и «неотъемлемые» права человека) — признаки западного империализма, порожденные помимо прочего работоторговлей, колониализмом, консюмеризмом и др. Таким образом, следует подчеркнуть, что невозможно установить универсальную систему прав человека, если эффекты модернизации, породившей такое понимание названных прав, воспринимаются

в мире по-разному и оцениваются неодинаково.

Исходя из вышесказанного, *мы предлагаем третий подход* к проблеме политической мобилизации: *не против конкретного образа «врага», но и не на основе абстрактных идеалов демократии, толерантности и универсальных прав человека.* Каков же третий подход к формированию политического сообщества? На наш взгляд, он должен основываться не на конфликтном или нормативном подходах к природе политики, но на антропологическом и коммуникативном: на понимании разнообразия политических культур и диалоге между их представителями. Речь идет об *общении людей и складывающемся в результате такого общения транснациональном сообществе, основанном на живых дружеских, родственных и творческих связях*, на том, что иногда называют народной, гражданской или общественной дипломатией. Мы предлагаем шесть принципов строительства транснационального сообщества в эпоху глобализации в России.

1. *Принцип «диалектического понимания глобализации».* Диалектическое понимание глобализации связано с двумя подходами к интерпретации ее последствий. С одной стороны, глобализация уничтожает культурное многообразие и нивелирует личностный опыт, сводя гражданина к потребителю (Р. Фальк, А. Турен). С другой стороны, есть

и более широкое понимание глобализации. Безусловно, многим она обеспечивает широкий доступ к потреблению, однако для различных людей это может быть абсолютно разным опытом потребления. Процесс глобализации предоставляет нам возможность испытывать больший спектр культурных влияний и приобщаться к разным традициям, смешиваться и соединяться в процессе собственного самоопределения и повышать свой уровень образования. При этом образованные люди в гораздо большей степени, чем необразованные, будут ставить под сомнение продвигаемые политиками-популистами националистические идеологии, а равно расовые и культурные стереотипы (П. Хоппер).

2. *Принцип «мультикультурной компетентности»* — бикультурной компетентности как способности индивида эффективно функционировать в мультиэтническом плюралистическом окружении, умении жить сразу в двух измерениях (В. Ачкасов). При этом идею бикультурной идентификации можно использовать как применительно к извечному российскому вопросу «славянофил или западник?», так и в межгосударственных отношениях, ибо в большинстве случаев лишь тот, кто любит и знает свою культуру, способен любить иную, и наоборот.

3. *Принцип «культурного многообразия, гармонично сочетаемого*

с политическим единством». Как представляется, дабы вписать существующие идентичности в некую большую, объединяющую их и при этом не противопоставляющую их друг другу идентичность, важно соединять принцип свободы и принцип единства, найти своеобразную форму «единства во множестве». Современная реальность ставит перед ученым сообществом абсолютно новую задачу — *деполитизации этничности* или *деэтнизации политики* (А. Кузнецов). Решение этой задачи предусматривает утверждение *общей демократической политической культуры*, обособленной от национальных культур (Дж. Хьюменс), сохранение единства России через внедрение в общественное сознание россиян либеральной идеи значимости отдельной личности «россиянина», а не отдельно взятых этнических общностей (В. Тишков).

4. *Принцип «живого знания, синтезированного в кросскультурные нарративы»*. Мы видим единственный способ отойти от неосмиттианского подхода, предполагающего деление мира на «друзей» и «врагов», в том, чтобы направить усилия на формирование международного сообщества интеллектуалов, объединенных личностным опытом преодоления негативизма в отношении других культур. Тексты авторов, опирающихся в своих исследованиях на этот принцип, имеют больший потенциал кросс-культур-

ной коммуникации, т. к. они синтезируют разнообразные ценностные ряды. Задача современного гуманитарного знания в целом, в том числе политической и культурной антропологии и политической коммуникативистики состоит в том, чтобы избавляться от нарративов, опирающихся на идентичности, выстраиваемые по типу «свой — чужой», и преодолевать разного рода «центризмы», фобии и образы врага приобщением к принципиально новым, открытым дискурсам, опирающимся на философскую антропологию «мы-чувства» и «живого знания» С. Франка.

5. *Принцип «космополитического патриотизма и образования».* Космополитический патриотизм способен преодолевать преграды между людьми и позволить им быть доброжелательными ко всем без исключения (М. Нуссбаум). Мы разделяем отстаиваемую американской исследовательницей модель «космополитического образования», полагая, что навязывание абстрактного уважения к чужим правам — в том случае, когда люди остаются лишь равнодушными наблюдателями по отношению к «другим», — может породить в обществе политику

двойных стандартов и политкорректность, прикрывающую национализм. Нам хорошо известно, что декларируемое уважение к чужим правам не останавливает начало многих военных действий, а часто, наоборот, служит прикрытием для них.

6. *Принцип «политической дружбы».* Несмотря на то что обычно дружба рассматривается как феномен частной сферы, в классической политической философии и в недавних трудах по политике дружбы (А. Макинтайр, Ж. Деррида) подчеркивается ее фундаментальное значение для публичной политической жизни. Проблема построения гражданского общества в России во многом сегодня сводится к необходимости мирной трансформации обширной сферы военных, негражданских отношений, т. е. к их преобразению с помощью принципов ненасильственной интеграции, столь свойственных, например, для дружеских сетей. Поэтому принципы дружбы должны использоваться для трансформации негражданского общества в гражданское (О. Хархордин)¹.

¹ Подробный разбор принципов построения транснационального сообщества см. в [1; 8].

1. Акопов С. В. Принципы формирования транснационального сообщества в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2010. Вып. 4. С. 277–282.
2. Акопов С. Теория «мимов», социальный дарвинизм и проблема гуманизма в общественных науках // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 122–132.
3. Малахов В. Государство в условиях глобализации. М., 2007.

4. *Мартьянов В.* Метаморфозы российского модерна. Екатеринбург, 2007.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. 2.
6. *Савельев А. И.* Образ врага. Расология и политическая антропология. М., 2007.
7. *Шмитт К.* Понятие политического // Политология. СПб., 2001.
8. *Abizadeh A.* Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. № 1. P. 45–60.
9. *Akopov S.* Fertilizacion cruzada y translocacion intergrupal' frente a la representacion del 'enemigo' // *Nacionalismo y democracia. Dicotomias. Complementariedades. Oposiciones*. Madrid, 2009. P. 129–151.
10. *Bauman Z.* Europe: An Unfinished Adventure. N. Y., 2004.
11. *Carpentier N. & Cammaerts B.* Hegemony, democracy, agonism and journalism: an interview with Chantal Mouffe // *Journalism studies*. Routledge. 2006. № 7. P. 964–975.
12. *Flyvbjerg B.* Five Misunderstandings about Case-Study // *Qualitative Inquiry (Aalborg)*. 2006. Vol. 12. № 2. P. 219–245.
13. *Gledhill J.* Power and Its Disguises. L., 2000.
14. *Hofstede G.* Cultures and Organizations. The Software of Human Mind. N. Y., 2005.
15. *Lieven A.* America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. N. Y., 2004.
16. *Moghaddam F. M.* The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60. № 2. P. 161–169.
17. *Reichert E.* Human Rights: An Examination of Universalism and Cultural Relativism // *Journal of Comparative Social Welfare*. 2006. Vol. 22. № 1. P. 23–36.
18. *Taras R.* Europe Old and New: Transnationalism, Belonging, Xenophobia. Lanham, 2009.

References

1. *Akopov S.V.* Printsipy formirovaniya transnatsional'nogo soobshchestva v epohy globalizatsii // *Lichnost'*. Kultura. Obschestvo. 2010. Vyp. 4. S. 277–282.
2. *Akopov S.* Teoriya «mimov», sotsial'ny darvinizm i problema gumanizma v obschestvennyh naukah // *Upravlencheskoe konsultirovanie* 2007. № 4. S. 122–132.
3. *Malakhov V.* Gosudarstvo v usloviyah globalizatsii. M., 2007.
4. *Martyanov V.* Metamorphozy rossiyskogo moderna. Ekaterinburg, 2007.
5. *Popper K.* Otkrytoye obschestvo i ego vragi: v 2 t. M., 1992. T. 2.
6. *Savel'ev A. I.* Obraz vraga. Rasologiya i politicheskaya antropologiya. M., 2007.
7. *Shmitt K.* Ponyatiye politicheskogo // *Politologiya*. SPb., 2001.
8. *Abizadeh A.* Does Collective Identity Presuppose an Other? On the Alleged Incoherence of Global Solidarity // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. № 1. S. 45–60.
9. *Akopov S.* Fertilizacion cruzada y translocacion intergrupal' frente a la representacion del 'enemigo' // *Nacionalismo y democracia. Dicotomias. Complementariedades. Oposiciones*. Madrid, 2009. P. 129–151.
10. *Bauman Z.* Europe: An Unfinished Adventure. N.Y., 2004.
11. *Carpentier N. & Cammaerts B.* Hegemony, democracy, agonism and journalism: an interview with Chantal Mouffe // *Journalism studies*. Routledge. 2006. № 7. P. 964–975.
12. *Flyvbjerg B.* Five Misunderstandings about Case-Study // *Qualitative Inquiry (Aalborg)*. 2006. Vol. 12. № 2. S. 219–245.
13. *Gledhill J.* Power and Its Disguises. L., 2000.
14. *Hofstede G.* Cultures and Organizations. The Software of Human Mind. N. Y., 2005.
15. *Lieven A.* America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism. N. Y., 2004.
16. *Moghaddam F. M.* The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. 2005. Vol. 60. № 2. S. 161–169.
17. *Reichert E.* Human Rights: An Examination of Universalism and Cultural Relativism // *Journal of Comparative Social Welfare*. 2006. Vol. 22. № 1. S. 23–36.
18. *Taras R.* Europe Old and New: Transnationalism, Belonging, Xenophobia. Lanham, 2009.

И. Д. ПЕСКОВЕЦ

РЕГУЛИРУЕМАЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ ПЕРСПЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Ключевые слова:

стратегическая стабильность, гонка вооружений, взаимное гарантированное уничтожение, ядерное сдерживание, глобальная безопасность

Key words:

strategic stability, armaments race, mutual assured destruction, nuclear containment, global security.

Статья посвящена одному из важнейших аспектов международной безопасности — формированию глобальной системы стратегической стабильности адекватной реалиям современного мира. В качестве модели перспективной глобальной системы стратегической стабильности, наиболее полно отвечающей вызовам современности и одновременно учитывающей национальные интересы России, предлагается «регулируемая многополярность».

The article is devoted to one of the most important aspects of international security, namely the formation of global strategic stability that corresponds to realities of modern world. The author offers to consider regulated multipolarity' as a model for prospective global system of strategic stability that responds to the challenges of modernity, and simultaneously takes into account the national interests of Russia.

Политические перемены, произошедшие в конце XX в., не только привели к новой расстановке сил на планете, но и стимулировали рост угроз и вызовов международной безопасности в новом столетии. Это обострило существующие между государствами противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. При этом модели развития государства стали предметом глобальной конкуренции, возросла уязвимость всех членов междуна-

родного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз¹.

Сегодня серьезную угрозу международной безопасности представляют ослабление режима ядерного нераспространения, региональные гонки вооружений, распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, наркобизнес и т. д. Опасным вызовом международной и региональной стабиль-

¹ См.: О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Независимое военное обозрение. 2009. 15 мая.

ности является рост национального и религиозного экстремизма, особенно в ряде регионов исламского мира. Борьба за обладание источниками энергоресурсов (например, в Арктике или на Ближнем Востоке) стимулирует гонку вооружений, что позволяет говорить о мировых процессах милитаризации, в особенности в спорных и конфликтных зонах. Сегодня неурегулированными остаются многие региональные конфликты, сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией. Существующая архитектура (система) международной безопасности, включая ее международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств¹.

Таким образом, в борьбе с переизбыточными угрозами и вызовами у России, как и у многих других государств, есть две основные альтернативы: обеспечить обороноспособность страны собственными силами или же добиться безопасности для страны путем совместных действий с другими государствами через формирование новой или модернизацию существующей системы стратегической стабильности².

¹ См.: О военной доктрине Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета. 2010. 10 февраля.

² Стратегическая стабильность — военно-политический аспект безопасности, свя-

Ныне только США могут себе позволить обеспечивать свою безопасность собственными силами: создание глобальной системы противоракетной обороны, разработка и использование новых систем вооружений, инициативы по военному использованию космоса. Экономическая и технологическая ограниченность России исключает возможность следовать по пути США, не говоря уже о «гонке за лидером», поскольку военный бюджет США составляет примерно половину от общемировых расходов на оборону. Так, в 2009 г. общие военные расходы США составили 602 млрд долларов (России — около 45 млрд долларов)³. При этом американские военные расходы носят ярко выраженный инновационный характер. Однако в условиях нынешнего состояния мировой экономики даже США не в состоянии в полной мере осуществить весь комплекс запланированных оборонных инициатив.

Одним из перспективных военно-дипломатических направлений укрепления национальной безопасности Российской Федерации является кооперация совместных усилий мирового сообщества по фор-

занный с балансом военных сил в рамках определенной системы безопасности (международной, региональной).

³ См.: Военный бюджет США на 2009 год составит 602 млрд долларов. [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. 2008. 23 мая. URL: <http://korrespondent.net/world/470614> (дата обращения: 15.06.2010).

мированию системы стратегической стабильности, адекватной реалиям и вызовам современного мира. Тем не менее это не должно означать отказа от восстановления вооруженных сил на новой основе или модернизации имеющихся систем вооружений.

С середины прошлого столетия, после появления военно-политической доктрины стратегической стабильности, международную безопасность стали рассматривать в контексте данной системы. Сегодня большинство аналитиков допускают с небольшой долей погрешности отождествление понятий «стратегической стабильности» с «международной безопасностью».

В российской и мировой политической мысли выработаны различные подходы и модели, характеризующие и описывающие различные варианты системы обеспечения глобальной стратегической стабильности и нового мироустройства. До мирового экономического кризиса некоторые аналитики говорили о современном мире как об однополярном — во главе с США. Они отмечали доминирование США во всех сферах: геополитической, экономической, технологической и прежде всего — военной. Возможно, гегемония США в международной среде имела место быть в конце XX — начале XXI в., однако длилась сравнительно недолго. Об этом свидетельствуют неудачи

«военной машины» США в Ираке и Афганистане, а также начавшийся в США мировой экономический кризис. Другая часть исследователей видит в Китае центр антизападной силы, способный вернуть мир к биполярности и, тем самым, к классическим принципам стратегической стабильности, выработанным еще в середине XX в.

Определенная часть аналитиков считает, что «биполярный» мир стал «полуторополярным», отмечая, что хотя в нынешних условиях Россия не может считаться полноценным «полюсом» системы (сопоставимым с США), но сохраняется существенный отрыв России и США от остальных членов международного сообщества по совокупности военных возможностей.

Существуют и более сложные модели современной структуры мира. Так, японский теоретик А. Танака считает, что в военном отношении мир стал однополярным (единственный полюс — США); в экономическом — трехполярным (США, Германия, Япония); в организационно-политическом — пятиполярным (США, Британия, Франция, Россия, Китай). Структура мира, по А. Танака, предстает в виде сложной формулы 1–3–5 [1, с. 33].

Однако большинство политологов и политических деятелей склонны считать, что человечество движется к многополярности, в условиях которой существует несколько

ведущих мировых держав. Эти державы сопоставимы по совокупности своих силовых, экономических, политических возможностей и потенциалу идейно-политического влияния. Именно многополярная система международных отношений отвечает национальным интересам России, о чем неоднократно заявляют первые лица нашего государства, а также говорится в «Концепции внешней политики Российской Федерации»: «Российская Федерация считает, что фундаментальные тенденции современного развития, включая нарождающуюся многополярность, и диверсификация рисков и угроз подводят к выводу о том, что решение проблем стратегической стабильности не может более оставаться только сферой взаимоотношений между Российской Федерацией и США»¹.

Итак, обеспечение стратегической стабильности в многополярном мире является задачей наиболее могущественных в геополитическом отношении государств, региональных центров силы. Отметим, что ранее могущество государства определялось прежде всего военной составляющей, однако в современных условиях борьба за сферы

влияния в основном ведется экономическими средствами. Таким образом, экономическая мощь становится одним из важнейших, но отнюдь не единственным показателем геополитического влияния государства. Существует ряд критериев, согласно которым центрами силы современного мира сегодня без сомнений можно назвать США, Россию и Китай.

США — мощнейшая морская держава, военный бюджет которой составляет половину общемировых расходов на оборону. Россия — крупнейшая континентальная держава, обладающая в силу своего расположения большим геополитическим потенциалом, а также рядом экономических рычагов влияния, прежде всего как «энергетическая сверхдержава». Кроме того, Россия является единственным государством, чей ядерный потенциал сегодня сопоставим с американским. Китай является региональной державой, стремительно набирающей мировой политический вес, обладающей наибольшим в мире экономическим потенциалом. Это государство сегодня имеет самую многочисленную в мире армию и год за годом наращивает военный бюджет.

В обозримой перспективе другими центрами силы можно будет назвать Индию и Европейский союз. Индия является крупной региональной державой, обладающей высоким демографическим и эконо-

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (с изм. от 12.07.2008). [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml> (дата обращения: 15.06.2010).

мическим потенциалом. Индия также входит в число ядерных держав и располагает третьей по величине армией в мире.

Если в XX столетии различные части Европы входили в разные геополитические и геостратегические регионы более широкого мирового и глобального масштаба, то в начале XXI в. прослеживается тенденция превращения Европы в единый геостратегический регион [2, с. 96]. Несмотря на то что сегодня Европейский союз как наднациональное образование ведущих государств Европы называют крупнейшей в мире «торговой державой», экономическая мощь ЕС с учетом современных условий борьбы за сферы влияния не в состоянии обеспечить достаточный политический вес на международной арене.

Таким образом, в качестве полюсов (звеньев) в будущей системе глобальной стратегической стабильности следует рассматривать США, Россию, Китай, Индию, ЕС. Данный перечень не только включает наиболее мощные в геополитическом аспекте государства мира, но и учитывает интересы большей части населения планеты. Однако при таком силовом раскладе за рамками системы остаются государства исламского мира, без учета интересов которых невозможно добиться всеобщей безопасности, поскольку именно в исламском экстремизме и радикализме заключается одна из

основных угроз в условиях современного мироустройства. Исходя из этого, приведенный список целесообразно дополнить либо наиболее сильной и влиятельной исламской державой (Иран, Пакистан), либо конгломератом исламских государств, который мог бы быть создан в будущем на базе Всемирной исламской лиги или Лиги арабских государств.

Теперь попытаемся определить с механизмами и принципами, по которым будет функционировать предлагаемая система стратегической стабильности. Так, в основе системы стратегической стабильности биполярного мира эпохи холодной войны лежал принцип «взаимного гарантированного уничтожения» (или концепция ВГУ-стабильности). Его суть состояла в признании достигнутого потенциала ядерных арсеналов США и СССР достаточным для уничтожения друг друга независимо от того, с чьей стороны будет исходить первый удар. В таком случае складывается ситуация взаимного гарантированного уничтожения, при которой отсутствуют стимулы для крупномасштабной агрессии.

Согласно позиции ведущих аналитиков, концепция ВГУ-стабильности до сих пор не утратила своей актуальности. При этом устойчивость стратегического равновесия и обеспечение международной безопасности все еще определяется

действующей системой договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и военной деятельностью, разработанными в рамках данной концепции. Но в условиях новой международной обстановки и с учетом выросшего спектра угроз международной безопасности задача обеспечения безопасности становится с каждым годом все более сложной. Необходимо выработать новые принципы, способные одновременно регулировать стратегические отношения нескольких мировых держав в многополярном мире.

Одним из таких регуляторов военно-стратегического равновесия в полной мере может стать принцип «силового равновесия» («баланса сил»). Исторически наиболее полно идея «силового равновесия» воплотилась в Венской системе международных отношений, сложившейся в результате проведения Венского конгресса 1815 г. Основной целью принципа «силового равновесия» было предотвращение доминирования в международной системе какой-либо одной державы. Соблюдение принципа «силового равновесия» предполагало, что каждая ведущая европейская держава должна оставаться приблизительно равной по силе любой другой, взятой в отдельности, только при таком условии коалиция становилась сильнее любой державы в отдельности. В данной международной

среде, сформировавшейся после окончания эпохи наполеоновских войн, преобладал «дисперсный» тип отношений между великими державами, при котором между всеми государствами сохранялась приблизительно равная дистанция, а постоянных предпочтений не было [1, с. 63]. До тех пор пока индивидуальное силовое равновесие удавалось сохранять, коалиции успешно выполняли роль регуляторов международной системы, вплоть до последней четверти XIX в., когда началось формирование союзов на долгосрочной основе, что в итоге привело к Первой мировой войне.

Основная цель «силового равновесия» в системе международной безопасности XXI в., как и два столетия назад, должна заключаться в том, чтобы не позволить ни одной из мировых держав получить существенные военно-стратегические преимущества перед своими геополитическими конкурентами. Согласно положениям классического определения данного принципа военно-стратегическому возвышению какой-либо державы должна быть противопоставлена консолидированная группа, состоящая из всех остальных государств, заведомо обладающая большим потенциалом. Именно в этом и должен заключаться стабилизирующий эффект предлагаемой нами системы безопасности. Кроме того, такой регулятор, как «силовое равновесие», должен

ограничивать только военно-политическую сферу деятельности государств. Конкуренция государств в других областях жизнедеятельности (например, экономической) должна строиться с учетом соблюдения баланса интересов.

Помимо модернизации принципа «силового равновесия» и приведения его в соответствие с реалиями XXI в. в процессе построения основ будущей системы глобальной стратегической стабильности целесообразен частичный возврат и к принципу «разрешительности» или «невмешательства». Данный принцип, характерный для международных отношений XIX в., предполагал отказ одного государства от постоянных внешнеполитических обязательств и одновременно от попыток помешать другому государству в осуществлении его задач во всех случаях, когда это не касалось жизненных интересов первого [1, с. 65]. Целесообразность этого возврата вытекает из нестабильной международной обстановки, а также конфликтов, вызванных в последние годы «интервенционистской» политикой США и НАТО. Так, внешняя интервенция в рамках новой системы безопасности должна иметь место только в случае военной угрозы со стороны одного государства другому государству (мировому сообществу) или грубого нарушения прав человека в этом государстве. При этом интервенция должна рас-

сматриваться только как крайняя форма разрешения конфликтной ситуации и санкционироваться одновременно всеми ведущими мировыми державами, гарантами безопасности.

На практике эти принципы вполне могут заложить основу будущей международной нормативно-договорной базы, которая будет способна регламентировать внешнеполитическую и военную деятельность государств в рамках новой системы стратегической стабильности, устанавливать конкретные санкции за нарушение принятого регламента, а также определять состав уполномоченных государств или институтов правомочных осуществлять данные санкции.

Следующим важным направлением построения новой системы стратегической стабильности является выбор формы сотрудничества между перечисленными выше государствами. Здесь заслуживают внимания следующие альтернативные варианты развития событий. Первый — осуществить данное сотрудничество в рамках Совета Безопасности (СБ) ООН путем проведения в нем соответствующих преобразований. В настоящее время существует ряд проектов реформы СБ ООН, в том числе много говорится о необходимости делегирования в Совет государств, выражающих интересы Африки и арабского мира, а также о полномочиях его нового

состава (и прежде всего права вето). Построение системы стратегической стабильности в этом варианте требует проведения страновых изменений в составе участников СБ ООН, а также замены нынешних резолюционных полномочий Совета реальными. Соответственно нормативно-договорная основа будущей системы стратегической стабильности будет оформлена под эгидой ООН.

Второй вариант — это создание соответствующих основ системы «с нуля» (или на базе неформальных форумов, таких как «Группа восьми» и «Группа двадцати») путем заключения многосторонних договоренностей и соглашений между указанными государствами с целью формирования юридической базы и координационно-исполнительного органа будущей системы безопасности.

Нормальное функционирование новой системы стратегической стабильности тесно связано с решением другого дискуссионного вопроса мировой политики: наличия в современном мире военно-политических альянсов и блоков, в частности НАТО. Подобные организации уже морально устарели, их существование не соответствует принципам стратегической безопасности XXI в. (например, принципу «силового равновесия»), а также подрывает режим стратегической стабильности. В междуна-

родном праве следует юридически закрепить норму, которая бы категорически запрещала формирование каких-либо военно-политических альянсов или коалиций в будущем. Конечно, сделать это будет непросто, для этого требуется добиться высокого уровня доверия и предсказуемости между ведущими государствами в военно-стратегической деятельности, в том числе путем установления постоянного диалога в военной области.

Итак, предлагаемый нами вариант построения новой системы глобальной стратегической стабильности можно охарактеризовать как систему «регулируемой многополярности», которая предполагает: наличие нескольких центров силы на планете, способных полностью обеспечивать безопасность в мире через ограничение конкуренции между собой в военно-политической сфере. Кроме того, в условиях глобализации устойчивость международных отношений и, как следствие, обеспечение международной безопасности в течение длительного отрезка времени будет зависеть не только от конфигурации системы стратегической стабильности, но и от ее адаптации к условиям меняющегося мира. Способность системы адаптироваться к происходящим изменениям зависит от формы такой системы, в связи с этим выделяют статическую и динамическую формы стабильности.

Так, статический характер был характерен для конфронтационной модели стратегической стабильности времен холодной войны. Он предполагал строгую иерархичность международной системы, где подвижность и колебания безоговорочно приносились в жертву постоянству и неизменности. Формирование же динамической модели стабильности связывают с развитием двусторонних и многосторонних отношений государств (прежде всего, следует выделить американо-японские отношения) в период нефтяных кризисов и структурно-экономических катаклизмов 1970 — начала 1980-х гг., когда тенденция к взаимозависимости складывается как общемировое явление.

Различие между статической и динамической стабильностью заключается в самом принципе отношения к межгосударственным противоречиям. При осуществлении статической модели все определял принцип изоляции потенциально конфликтных устремлений, при динамической — логика умножения совпадающих. Противоречия не обязательно нужно было изолировать друг от друга, они могли соприкасаться и взаимодействовать, будучи уравновешенными общими интересами, привязывающими державы друг к другу. Соответственно задача стабилизирующих усилий оказывалась связанной с формированием

и расширением этой сферы совпадающих устремлений [1, с. 79].

Таким образом, «кооперационный» вариант партнерства ведущих мировых держав в области безопасности, осознание всеми сторонами неприемлемости конфликта между ними взамен консервации конфликтных противоречий и военно-политического соперничества способны обеспечить надежность системы стратегической стабильности в современном изменяющемся мире в течение длительного времени.

Динамический тип стабильности позволяет сохранить целостность системы и устойчивость ее основных принципов, несмотря на возможные геополитические изменения в мире. Так, нельзя исключать формирования новых акторов на международной арене под воздействием глобализации и региональной интеграции (например, Североамериканский Союз или наднациональное государство в рамках СНГ). При таком развитии событий система стратегической стабильности должна обладать способностью модернизироваться и адаптироваться к подобного рода изменениям в неких пределах. Военно-стратегический баланс сил системы должен оставаться неизменным, т. е. военный потенциал любого нового актора должен быть сопоставимым с остальными ведущими державами, согласно описанному выше принципу «силового равновесия».

Таким образом, «жизнеспособность» будущей системы стратегической стабильности в условиях глобализации во многом определяется наличием динамической составляющей в рамках данной системы.

1. *Богатуров А. Д.* Современная мировая политика: прикладной анализ. М., 2010.
2. *Косов Ю. В.* Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 91–97.

References

1. *Bogaturov A. D.* *Sovremennaya mirovaya politika: prikladnoy analiz.* M., 2010.
2. *Kosov Yu. V.* *Osobennosti geopoliticheskikh protsessov v Tsentral'noy Evrope* // *Upravlencheskoe konsultirovanie.* 2009. № 3. S. 91–97.

Л. Г. КАРНАТОВА

ИНОСТРАННЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЗАКАЗАМИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ключевые слова:

государственный заказ, государственный заказчик, свободный рынок, государственные закупки, государственный сектор, протекционизм

Статья посвящена анализу иностранных моделей влияния государства на экономические процессы, а также опыта размещения публичных заказов ведущих международных организаций. Эта информация является особенно ценной для научных работников, преподавателей вузов, специалистов, связанных с организацией и исполнением государственных заказов на федеральном и региональном уровне.

Иностранные модели влияния государства на экономические процессы

Свободный рынок — это рынок, свободный от любого постороннего вмешательства (включая правительственное регулирование). При этом функция государства на свободном рынке сводится к защите прав собственности. Данный рынок характеризуется также отсутствием мошенничества. Кроме того свободный рынок определяют как рынок, цены на котором устанавливаются свободно, без постороннего вмешательства и влияния прочих внешних

Key words:

state order, state customer, free market, state purchases, state sector, protectionism

Foreign models of state influence on economical processes as well as experience of leading international organizations in public order management are analyzed in the article. This information is of major importance for scientists, lecturers, specialists involved in organization and implementation of state orders at federal and regional levels.

факторов, исключительно на основании спроса и предложения.

Основой свободного рынка является право любого производителя создавать любой товар или услугу и предлагать ее потребителям, а также право потребителя приобретать любой предлагаемый товар или услугу у любого производителя. Цена при этом определяется в результате договоренности между ними [7, с. 505].

Наиболее полно сущность рыночной экономики проявляется в модели так называемого «свободного» рынка, или рынка совершенной конкуренции. Обычно в экономиче-

ской литературе выделяются следующие признаки свободного рынка:

1. Наличие неограниченного числа конкурентов, свободный доступ и выход с рынка.

2. Высокая мобильность, подвижность всех видов ресурсов: трудовых, материальных и финансовых. Никто и ничто не должны сдерживать свободное перемещение ресурсов из сфер менее эффективных в более эффективные. Это свойство свободного рынка обеспечивает постоянное обновление структуры экономики, ее саморегулирование.

3. Наличие у каждого участника рынка полной информации (о ценах, спросе, предложении и т. д.). Это свойство позволяет каждому участнику рынка выбрать оптимальное экономическое поведение.

4. Ни один из участников рынка не может оказать влияние на решения, принимаемые другими участниками. Особенно важно, что никто не может повлиять на рыночную цену. Цена устанавливается в результате согласования спроса и предложения. Невозможность влияния отдельного участника рынка на цену означает отсутствие монополиста [3, с. 55].

Понятно, что все признаки свободного рынка не могут проявиться в реальной жизни в полном объеме. То есть это модель «идеального» рынка, который никогда не существовал. Однако данная модель по-

зволяет понять сущность рынка в его современном виде.

США предлагают систему свободного предпринимательства и рыночных отношений в качестве образца для подражания другим странам. Экономический успех этой страны, кажется, подтверждает идею о свободном рынке и невмешательстве государства в рыночные отношения. Однако насколько свободен бизнес в американской системе свободного предпринимательства? Совокупность устанавливаемых государством регулирующих правил определяет многие аспекты деловой активности. Ежегодно государство издает новые регулирующие правила, насчитывающие тысячи страниц и часто содержащие подробнейшие указания относительно того, что предприниматели могут делать, а что — нет¹. Правительство США не осуществляет экономическое планирование на государственном уровне, но тщательно контролирует экономическую деятельность субъектов и регулирует рыночные отношения путем издания законов.

Во Франции система госзаказа именуется системой государственных рынков. Воздействие государ-

¹ Текаев Р. Какую экономику выбрать? [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «ЕВРАЗИЯ.org». Геополитика. 2009. 25 августа. URL: <http://evrazia.org/article/1064> (дата обращения: 15.02.2010).

ства на производство осуществляется через систему госзаказа не только в государственном, но и в рыночном секторе.

Протекция национальному производителю, участвующему в тендере на закупку государством товаров и услуг за бюджетные деньги, — практика, получившая широкое распространение во всем мире. Для любой страны предпочтительней создавать рабочие места на своей территории, а не инвестировать государственные средства в экономику соседей. Однако в условиях свободного рынка должен соблюдаться паритет, т. к. расширяя и углубляя государственный протекционизм, всегда можно ожидать ответных действий со стороны торговых партнеров. Но даже не это главное. Основная проблема — это искусственное сужение конкурентного поля, что автоматически ведет к снижению качества продукции с одновременным увеличением ее стоимости¹.

В большинстве стран Запада используется понятие двухсекторной экономики. С точки зрения участия государства в деятельности хозяйственных структур, национальная экономика, как правило, делится на

государственный, или общественный (public) и негосударственный, или частный (privat) секторы. При этом для обозначения границ государственного сектора используются главным образом достаточно конкретные критерии. В ряде случаев к нему относят предприятия, участие государства в капитале которых составляет более 50%, но нередко применяются и менее жесткие нормы [2, с. 60].

Так, во Франции данный показатель составляет 30%. Управление государственными предприятиями в этой стране осуществляется на принципах контрактации. Предприятие перед заключением контракта обязано представить свой план развития. Контракт представляет собой инструмент согласования интересов, выраженных государством, и интересов предприятия, включая взаимные согласованные обязательства сторон. Таким образом, плановый контракт, заключенный государством со своими предприятиями, выступает как форма управления государственным сектором.

Отношение к государственному предприятию как к оптимальной форме организации сохраняется во Франции, Швеции и Финляндии. В то же время и там национальные сети (такие как авиационный транспорт), отличающиеся менее тесными внутриотраслевыми связями, подвергались дерегулированию, в них создавалась конкуренция.

¹ Лосев А. Госзакупки: защита отечественного производителя за счет украинского потребителя. [Электронный ресурс] // УНИАН. Информационное агентство. Промышленность. Публикации. 2009. 15 апреля. URL: <http://economics.unian.net/rus/detail/9501> (дата обращения: 15.02.2010).

Сетевые инфраструктурные отрасли имеют богатый многолетний опыт аккумуляции новых технологий и ноу-хау, что позволяет достаточно гибко приспосабливаться к современной волне интернационализации. Это характерно, например, для электроэнергетических сетей Канады, которые в течение столетия осуществляли экспорт своих услуг. Успешный опыт интернационализации, насчитывающий не одно десятилетие, имеется у бельгийской сети железных дорог. Это оказалось очень важным для экономического развития страны и позволило создать транснациональную инфраструктурную сеть, необходимую для экспорта продукции добывающей промышленности, сельскохозяйственных и промышленных товаров, а также обеспечившую перевозки между Великобританией, Францией и Рурской областью Германии [4, с. 116].

В Турции все предприятия государственного экономического предприятия (ГЭП) и государственные экономические организации (ГЭО). ГЭП определяются как юридические лица с принадлежащим правительству капиталом, действующие в соответствии с принципами рыночной экономики, а ГЭО — как юридические лица с принадлежащим правительству капиталом, занимающиеся производством и распределением конкретной продук-

ции, объем, ассортимент и цены которой устанавливаются государством (такие организации, как правило, относятся к монополиям). И те, и другие имеют «трехзвенную» структуру, т. е. состоят из хозяйственных единиц, весь капитал которых принадлежит государству (establishments), дочерних организаций, где государство владеет более 50% капитала (subsidiaries), и образований с долей участия государства 15–50% (participations) [2, с. 61].

В целом мировой опыт показывает, что масштабы и структура государственного сектора в отдельных странах зависят от состояния национального хозяйства, исторических и социальных условий и традиций. Вопрос о том, в каких отраслях участие государства наиболее целесообразно, решается в рамках конкретной модели, предполагающей определенные отраслевые приоритеты и «национальный» взгляд на роль государственного сектора [2, с. 62].

Различия в законодательстве отдельных стран определяются приоритетами экономической политики того или иного государства. Существенное влияние оказывает степень централизации экономики в стране.

Наряду с этим, все развитые страны стремятся к сокращению расходной части бюджета. Государства отказываются от непосредственного управления финансовы-

ми потоками и передают часть своих функций на выгодных условиях организациям частного сектора. Интеграция мировой экономики раскрывает национальные рынки закупок государственных структур для поставщиков из других стран, что ведет к становлению международ-

ного законодательства в области конкурсной системы.

На уровне национального законодательства происходит уточнение, конкретизация международных положений с учетом особенностей экономической политики государства. В ряде государств вы-

Рис. 1. Общая структура законодательства по вопросам конкурсного размещения заказов

пускаются и отраслевые нормативные акты, позволяющие на базе общего национального законодательства сформулировать конкретные положения, отражающие специфику той или иной отрасли. Общая структура законодательства по вопросам конкурсного размещения заказов представлена на рис. 1.

Признание «законности» использования механизма государственных закупок для целей развития национальной экономики нашло отражение в международных правовых документах. Соглашение ВТО о государственных закупках (ст. V) содержит положения об особом и дифференцированном режиме для развивающихся стран. Так, стороны при реализации соглашения обязаны должным образом учитывать финансовые и торговые потребности указанных стран, в том числе:

- в поддержании национального платежного баланса и уровня резервов, адекватного для реализации программ экономического развития;
- в содействии формированию или развитию отечественных отраслей, включая малый бизнес в сельской местности и в экономически отсталых регионах, а также экономическому развитию других секторов экономики;
- в поддержке предприятий, которые полностью или в значительной степени зависят от государственных закупок, и т. д.

Как правило, вышеуказанные социально-экономические задачи решаются через механизм присуждения контракта, но могут также относиться и к выполнению контрактов.

Государство использует государственные закупки и для достижения социальных задач, из которых важнейшей является обеспечение национальной безопасности.

Преференции отечественным поставщикам и продукции широко используются для стратегических целей, в частности при закупках оборонной продукции. По этим соображениям, например, министерство обороны США утвердило перечень продукции и ее объемов, которые классифицируются как исключительно важные для поддержания оборонной мобилизационной базы в период чрезвычайной ситуации, когда поставки из зарубежных источников невозможны. Указанные виды продукции не могут закупаться у зарубежных источников, несмотря ни на какие международные соглашения или меморандумы о взаимопонимании между США и их союзниками.

Особенности размещения публичных заказов ведущих международных организаций

Следует отметить, что международные финансовые институты (МФИ) являются крупными меж-

дународными некоммерческими организациями, цель деятельности которых состоит в развитии определенных отраслей экономики разных стран или регионов мира. МФИ аккумулируют значительные объемы денежных средств (полученных за счет взносов участников, а также за счет коммерческой деятельности — как правило, предоставление ресурсов осуществляется на принципах кредитования, т. е. на возвратной платной основе) и реализуют крупные международные коммерческие и некоммерческие проекты.

Поскольку проекты финансируются из средств международных финансовых институтов, правила расходования этих средств, в том числе и правила проведения закупок, устанавливаются МФИ. В соглашениях с МФИ о предоставлении кредитных ресурсов принято ставить ссылку на эти правила. Поскольку такие соглашения имеют статус международных, применяются правила закупок МФИ, а не национальные правила и процедуры закупок продукции для государственных нужд [10, с. 15].

Среди наиболее известных МФИ можно назвать:

- Всемирный банк (World Bank Group), который включает в себя Международный банк реконструкции и развития (International Bank for Reconstruction and Development), Международную ассоциацию развития (Inter-

national Development Association) и ряд других структур [7, с. 284];

- Европейский банк реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development);
- Азиатский банк реконструкции и развития (Asian Bank for Reconstruction and Development) — для поставщиков, зарегистрированных в Азии;
- различного рода фонды (Soros Foundation, Know-How Foundation, USAID и т. п.) и ряд других организаций.

Из всех существующих в настоящее время МФИ в России наиболее известны Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития. Ежегодно только Всемирный банк выделяет порядка 20–25 млрд долларов на различные проекты по всему миру. Большая часть этих средств расходуется на закупку товаров, консультационных услуг и строительных работ. Для исполнения целей проектов в год заключается порядка 40 тыс. контрактов с коммерческими структурами. Причем суммы контрактов варьируются от нескольких тысяч до нескольких десятков миллионов долларов [5, с. 295].

Правила закупок товаров и работ в проектах, финансируемых Всемирным банком, прописаны в «Руководстве по закупкам по займам МБРР и кредитам МАР»

и предусматривают следующие способы закупки:

- международные конкурсные торги (International Competitive Bidding);
- национальные конкурсные торги (National Competitive Bidding);
- международные закрытые торги (Limited International Bidding);
- запрос котировок (Shopping);
- закупки у единственного источника (Direct Contracting).

В Руководстве четко определены сроки проведения отдельных процедур, последовательность действий при наступлении тех или иных обстоятельств, права и обязанности сторон в любой возможной ситуации, причем наиболее детально описана процедура проведения международных конкурсных торгов как наиболее сложного способа закупки.

С сокращением объема государственных заимствований в России все большую роль начинает играть Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), который предоставляет средства не только правительству, но и негосударственному сектору экономики. В этой связи особое значение имеет программа микрокредитов ЕБРР для субъектов частного бизнеса, в том числе без предоставления государственных гарантий. Россия является наиболее крупным клиентом ЕБРР (объем финансовых обя-

зательств банка в нашей стране составляет порядка 38% от всех его финансовых обязательств). Правила закупок по проектам ЕБРР сформулированы в отдельном документе — «Правилах закупок в проектах, финансируемых Европейским банком реконструкции и развития».

Можно сказать, что используемые международными финансовыми институтами способы закупок, а также правила их выбора и процедуры в рамках проводимых ими проектов во многом схожи с правилами и процедурами, описанными Типовым законом ЮНСИТРАЛ «О закупках товаров (работ) и услуг».

Следует отметить, что данный документ аккумулировал весь имеющийся международный опыт и практические наработки в области как государственных, так и общественных закупок в условиях рыночной экономики. Он принят в 1994 г. на 27 сессии Комиссии ООН по праву международной торговли. Данный закон разработан Организацией Объединенных Наций в качестве модельного по построению современной эффективной рыночной модели размещения государственного заказа и предназначался в первую очередь для стран Восточной Европы с переходным типом экономики, а также для развивающихся государств.

Основными целями Типового закона ЮНСИТРАЛ являются:

максимальное развитие конкуренции, обеспечение справедливого отношения к поставщикам и повышение уровня открытости и объективности при проведении госзакупок. Закон рекомендуется применять во всех случаях проведения государственных закупок, за исключением закупок, связанных с обеспечением национальной обороны и безопасности [10, с. 13].

В настоящее время можно утверждать, что Типовой закон ЮНСИТРАЛ сыграл свою роль модельного закона. В основе действующего законодательства Российской Федерации, Казахстана, Киргизии и других стран СНГ и Восточной Европы лежат положения и подходы данного документа.

Всемирная торговая организация (ВТО) также выработала комплекс рекомендаций по организации системы государственных закупок. По ряду моментов они отличаются от положений по закупкам Типового закона ЮНСИТРАЛ, однако также имеют высокий уровень проработанности, открытости и формализованности правил [5, с. 295].

Можно сказать, что вторым по значимости международным документом является многостороннее Соглашение по правительственным закупкам (Agreement on Government Procurement) [10, с. 14]. Данное соглашение принято по результатам Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в 1994 г.

Оно является одним из элементов Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ) и заключается странами в рамках участия в ВТО [6, с. 450].

Подписание Соглашения по правительственным закупкам не является обязательным условием для вступления страны в ВТО, но в последнее десятилетие появилась устойчивая тенденция: ведущие страны — участницы ВТО (США, страны Евросоюза, Канада, Израиль, Япония, Швейцария) считают подписание данного документа в ходе двусторонних переговоров со странами-претендентами непременным условием. Однако к маю 2008 г. только 39 из 152 стран — участниц ВТО подписали Соглашение по правительственным закупкам.

Соглашение должно способствовать открытию национальных рынков госзакупок и предоставлению поставщикам из стран, подписавших данный документ, равных с национальными поставщиками условий участия, развитию международной торговли, соблюдению запрета на дискриминацию иностранных поставщиков, обеспечению прозрачности законодательства и применяемых процедур закупок.

Таким образом, государственные заказчики не должны предоставлять каким-либо отдельным поставщикам или группам поставщиков (сформированным по национальному или иному признаку) льготных условий

получения госзаказов. Запрещается установление к закупаемой продукции технических требований, ограничивающих международную торговлю; технические требования к закупаемым товарам, работам или услугам должны базироваться на международных стандартах.

Соглашением по правительственным закупкам определены три вида процедур размещения госзаказа: открытые, селективные и ограниченные. Открытыми являются процедуры, при которых заявку могут представить любые заинтересованные поставщики товаров или услуг. Селективными считаются процедуры, при которых заявку вправе подать только поставщики, получившие от закупающего ведомства соответствующее предложение. Ограниченные процедуры — действия, при которых закупающее ведомство вступает в контакт с поставщиками товаров или услуг индивидуально, строго на установленных соглашением условиях.

В целом правила ВТО являются правовой и политической основой развития международной торговли. Регламентируя поведение членов Организации, они создают условия, при которых максимальное количество стран получает возможность увеличить объем внешней торговли. Соблюдение этих правил имеет определяющее значение для либерализации международной торговли [8, с. 53].

Значительность доли, приходящейся на госзакупки, и различный уровень развития и емкости государственного сектора значительного числа стран — участниц ЕС потребовали специфического законодательного подхода к регулированию размещения госзаказа в рамках Европейского союза. Сегодня размещение государственных заказов в ЕС регламентируется, в зависимости от объемов и других условий, тремя уровнями законодательного регулирования: международным, законодательством Евросоюза и национальным.

К международному регулированию закупок в странах, входящих в ЕС, в первую очередь, относятся требования ранее упомянутого Соглашения о правительственных закупках Всемирной торговой организации. При регламентации данного вопроса на уровне Евросоюза действует ряд правовых актов, обеспечивающих единые условия проведения закупок для государственных нужд. Необходимо отметить, что период с 2004 по 2006 г. являлся переходным, когда параллельно действовало два вида документов — «старые» директивы и заменяющие их «новые».

Принципиальные изменения в регламентации государственных закупок Евросоюза направлены на совершенствование нормативно-правовой базы и предполагают:

— исключение из сферы действия общего законодательства по

государственным закупкам отдельных секторов экономики, традиционно являющихся естественными монополиями (водоснабжение, энергетика, транспорт и сфера почтовых услуг);

- введение в практику закупок более гибких процедур, в частности процедуры конкурентных переговоров, а также заключенные рамочных соглашений;
- учет новых форм организации и ведения бизнеса: концессии и другие формы партнерства между частным и общественным сектором;
- внедрение электронных закупок.

ЕС рассматривает государственные закупки не только как инструмент обеспечения текущей деятельности органов государственного управления, но и как важнейшую составляющую реализации социальной политики. В частности, в коммюнике «О законодательстве Европейского сообщества в области государственных закупок и использовании государственных закупок для проведения социальной политики» указывается, что при заключении контрактов на поставки продукции для государственных и общественных нужд необходимо учитывать социальные цели. Особо отмечается, что реализация социальных программ возможна в рамках существующего законодательства и практики его применения. Указываются и основные методы

осуществления социального подхода при закупках, в числе которых:

- разработка соответствующих технических спецификаций и условий контракта, включая требования к условиям работы;
- исключение из числа поставщиков компаний, деятельность которых не соответствует законодательству в области социальной сферы;
- использование дополнительных социальных критериев при выборе поставщиков.

Этот же документ предусматривает реализацию экологической политики при размещении госзаказов:

- разработку соответствующих технических спецификаций;
- использование определенного сырья и материалов;
- применение специфических технологических процессов;
- выбор соответствующих поставщиков;
- рекомендации по оценке предложений и выбору наилучшего предложения с учетом экологических требований.

Закупки стран, входящих в Евросоюз, по-прежнему осуществляются органами государственного управления согласно национальному законодательству. Однако при этом во внимание принимаются не только национальные правила закупок, но и законодательство и рекомендации Европейского сообще-

Достоинства и недостатки использования доминирующих в странах ЕС моделей организации закупочной деятельности

Модель	Достоинства	Недостатки
Централизованная	Обеспечивает низкие цены за счет крупных оптовых закупок	Менее мобильна; не всегда учитывает все нюансы в заявках на приобретение необходимых товаров, работ и услуг
Децентрализованная	Достаточно гибкая модель	Является весьма затратной из-за необходимости создания в каждой крупной компании своего специализированного отдела

ства, установленные в ранее упомянутых директивах.

В странах ЕС есть две доминирующие модели организации закупочной деятельности: распределенная (децентрализованная) и централизованная.

При распределенной модели каждое подразделение компании (департамент, министерство и т. д.) проводит необходимые для удовлетворения своих нужд закупки самостоятельно. С этой целью в его структуре создаются специализированные закупочные отделы или иные аналогичные по функциям единицы.

Централизованная модель предусматривает создание своеобразного закупочного центра, куда стекаются заявки от подразделений. В случае максимального уровня централизации формируется специальное ведомство, отвечающее за все госзакупки или соответствующий закупочный департамент для крупной компании [1, с. 20].

Для децентрализованной модели требуется:

1. В каждой компании (министерстве, департаменте) создавать специальные отделы и обеспечивать их специалистами соответствующей квалификации.

2. Финансирование, связанное с обеспечением создаваемых отделов оргтехникой, международной связью и системой сохранности конфиденциальности документов.

3. Создание в каждой компании межведомственной тендерной комиссии, в работе которой примут участие опытные специалисты самой компании, а также привлеченные специалисты¹.

Если проанализировать ситуацию, то можно заметить следующие плюсы и минусы обеих моделей закупок (см. табл. 1).

¹ *Мирахмедов М. М., Иргашев Ш. А.* Взгляд на тендеры в системе Государственных закупок товаров, работ и услуг в Республике Узбекистан. [Электронный ресурс] // Сайт Узбекской Ассоциации инженеров-консультантов и строителей. URL: <http://www.uzace.org/#content/publications> (дата обращения: 15.02.2009).

Обе описанные модели давно используются во всем цивилизованном мире. Так, в Великобритании они являются прерогативой Государственного казначейства (Her Majesty's Treasury) [9, с. 68].

В странах — участницах ЕС наиболее эффективным оказывается комбинирование моделей, например, когда общее руководство закупочной деятельностью (разработка нормативно-правовой базы, планирование, контроль и координация) осуществляет министерство финансов или экономики, в частности путем формирования бюджета, а конкретные закупки проводятся специализированными закупочными подразделениями (отделами). Именно такую структуру имеет система государственных закупок в Великобритании, где помимо главного координирующего ведомства — казначейства — действуют специализированные отраслевые закупочные службы, такие как National Health Service Supplies (служба закупок для системы национального здравоохранения) [1, с. 21].

В европейских странах предметы госзакупок принято подразделять на товары, работы и услуги. По классификации, предложенной ЮНСИТРАЛ, к товарам обычно относят: сырье, изделия, оборудование и предметы в твердом, жидком или газообразном состоянии, электрическую энергию, а также услуги, сопутствующие поставкам товаров,

если стоимость таких услуг не превышает цены самих товаров.

Под работами подразумевают любую деятельность, связанную со строительством, реконструкцией, сносом или ремонтом зданий, сооружений или объектов, в том числе подготовку строительной площадки, выемку грунта, возведение, сооружение, монтаж и отделку, а также сопутствующие строительные услуги (такие как бурение, геодезические работы, аэро- и спутниковая съемка, сейсмические исследования и аналогичные услуги, если их стоимость не превышает стоимости работ).

Наконец, к услугам методом включения относят любой предмет закупок помимо товаров и работ.

Законодательное регулирование различных категорий закупок обычно различается, причем в первую очередь это касается тендерных процедур и способов определения победителей.

Анализ европейского опыта применения различных закупочных процедур показывает, что одной из наиболее эффективных форм организации крупных закупок товаров, работ и услуг является проведение открытых конкурсов. Помимо проведения открытых и закрытых одно- и двухэтапных конкурсов, применения методов запроса котировок и закупки у единственного поставщика, хорошо знакомых по отечественной практике госзакупок, в не-

которых странах используют также методы запроса предложений и конкурентных переговоров.

Запросы предложений направляются не менее чем трем поставщикам. Заказчик (закупающая организация) устанавливает критерии для оценки предложений, определяет их относительное значение и порядок применения при оценке. Данные критерии касаются управленческой и технической компетентности поставщика, эффективности представленного им предложения, с точки зрения решения поставленной задачи, а также адекватности цены, включая расходы на эксплуатацию, обслуживание и ремонт.

В данной ситуации допустимо проведение переговоров, запрос или разрешение заказчиком пересмотра предложений. Переговоры носят конфиденциальный характер, и возможность участвовать в них предоставляется всем претендентам, которые внесли предложения, и предложения которых не были отклонены. Затем заказчик предлагает поставщикам представить к определенной дате свои окончательные варианты предложений, из которых и выбирается оптимальный.

В ряде стран ЕС местным поставщикам и подрядчикам при госзакупках предоставляются различного рода преференции, обычно в пределах 5–10%. Однако встречаются и исключения: например, в Венгрии уровень преференций

в течение определенного периода составлял 20%.

В некоторых странах часть государственного заказа резервируется для определенных категорий поставщиков, в частности, для малого бизнеса. Иногда с этой же целью крупные лоты умышленно делят на более мелкие.

Помимо специальных ограничений доступа иностранных поставщиков к госзаказам все чаще используются менее явные способы, такие как таможенные пошлины и нетарифные ограничения (стандарты, сертификаты, лицензии и т. п.), а то и прямой запрет. Сейчас эта практика — во многом благодаря деятельности международных организаций, в первую очередь ВТО, — постепенно сокращается, но полностью отойти от нее, по всей видимости, удастся еще не скоро.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы:

— В реальной жизни признаки свободного рынка (свобода от любого вмешательства, включая государственное регулирование) не могут проявиться в полном объеме. В настоящее время модели идеального свободного рынка реализуются на практике лишь в той или иной степени (что определяет, в том числе, и уровень влияния государства на экономические процессы страны).

- В ряде стран масштабы государственного сектора экономики значительны. Тем не менее в наиболее развитых странах, даже при отношении к государственному предприятию как к оптимальной форме организации, многие государственные монополии подверглись дерегулированию, в них создавалась конкуренция.
- В целом мировой опыт показывает, что масштабы и структура государственного сектора в конкретной стране обусловлены состоянием ее национального хозяйства, историческими и социальными условиями и традициями.
- Еще одной формой влияния государства на экономические процессы является государственный заказ. В настоящее время в области государственных заказов наблюдаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, интеграция мировой экономики раскрывает национальные рынки закупок государственного сектора для поставщиков из других стран, что ведет к становлению международного законодательства, в том числе в области государственных закупок. Наряду с этим протекция национальному производителю при осуществлении государственных закупок — практика, получившая широкое распространение во всем мире. Зачастую это искусственное сужение конкурентного поля, что автоматически ведет к снижению качества продукции с одновременным увеличением ее стоимости. Тем не менее в ряде случаев протекция национальному производителю оправдана, например при решении социальных задач, из которых важнейшей является обеспечение национальной безопасности.
- Международное сообщество активно использует конкурсные технологии заключения контрактов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг при расходовании общественных и государственных средств. При этом наиболее распространенной формой размещения государственного заказа (заказа международных финансовых организаций) является открытый конкурс.
- Конкурентные закупки способствуют снижению затрат на приобретение товаров, работ и услуг и снижают уровень коррупции при размещении заказов за счет государственных или общественных средств.
- Международные организации, такие как ВТО, Всемирный Банк и ЕБРР, а также объединения стран (ЕС) для размещения заказов используют собственные

нормативно-правовые акты, правила и соглашения. К ним относятся: Соглашение по правилам торгов по закупкам ВТО, Руководство МБРР «Закупки по займам МБРР и кредитам МАР», в том числе на уровне Ев-

росоюза действует ряд правовых актов, обеспечивающих единые условия проведения закупок для государственных нужд. Но в то же время в ЕС учитываются особенности законодательства стран-участниц.

1. *Андреева А.* Мировой опыт госзакупок // Бюджет. 2008. № 10. С. 20–25.
2. *Балацкий Е.* Государственный сектор в системе макроэкономического регулирования // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 60–65.
3. *Журавлева Г. П.* Вводный курс по экономической теории. М.: Инфра-М, 1999.
4. *Кондратьев В. Б.* Новый взгляд на государственные предприятия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 10. С. 116–120.
5. *Кузнецов К. В.* Настольная книга поставщика и закупщика: торги, конкурсы, тендеры. М.: Альпина Паблишер, 2003.
6. Международные экономические отношения / под ред. Е. Ф. Жукова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
7. Словарь по экономике / К. Пасс, Б. Лоуз, Л. Дэвис; пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. СПб.: Экономическая школа, 1998.
8. *Стюарт Т., Дуайер Э., Макдонав П.* Правила ВТО и Россия / пер. с англ. М.: Международные отношения, 2005.
9. Финансы / под ред. Л. А. Дробозиной. М.: ЮНИТИ, 2002.
10. *Храмкин А.* Международный опыт построения системы госзакупок // Бюджет. 2008. № 9. С. 13–18.

References

1. *Andreeva A.* Mirovoy opyt goszakupok // Budget. 2008. № 10. S. 20–25.
2. *Balatsky E.* Gosudarstvennyy sektor v sisteme makroekonomicheskogo regulirovaniya // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2001. № 1. S. 60–65.
3. *Zhuravliova G. P.* Vvodny kurs po ekonomicheskoy teorii. M.: Infra-M, 1999.
4. *Kondratyev V. B.* Novyy vzglyad na gosudarstvennyye predpriyatiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. 2008. № 10. S. 116–120.
5. *Kuznetsov K. V.* Nastol'naya kniga postavschika i zakupschika: torgi, konkursy, tendery. M.: Al'pina Pablisher, 2003.
6. Mezhdunarodnyye ekonomicheskie otnosheniya / pod red. E. F. Zhukova. M.: YUNITI-DANA, 1999.
7. Slovar' po ekonomike / K. Pass, B. Louz, L. Davis; per. s angl. pod red. P. A. Vatnika. SPb.: Economicheskaya shkola, 1998.
8. *Stuart T., Duayer E., Makdonav P.* Pravila VTO i Rossiya / per. s angl. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2005.
9. Finansy / pod red. L. A. Drobozinoi. M.: UNITI, 2002.
10. *Chramkin A.* Mezhdunarodny opyt postroyeniya systemi goszakupok // Budget. 2008. № 9. S. 13–18.

И. К. САНДОМИРСКАЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова:

устойчивое развитие, интегральный показатель устойчивого развития региона, «устойчиво-ориентированная» модель хозяйствования

В статье исследуется проблема формирования системы обеспечения устойчивого развития региона и предлагается программно-целевой подход для определения интегральных показателей такого развития.

Под понятием «устойчивое развитие», широко распространенном в современной мировой науке и политике, принято понимать развитие, соответствующее потребностям настоящего времени, но не подвергающее угрозе способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [11, с. 35].

ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) еще с середины 1970-х гг. широко использовала понятие «развитие без разрушения» (development without destruction), далее получило распространение понятие «экоразвитие» (ecodevelopment), означающее экологически приемлемое развитие, т. е. развитие, наименее негативно воздействующее на окружающую среду.

Можно считать, что уже в Декларации Первой конференции

Key words:

sustainable development, integral indicator of region sustainable development, “sustainable-oriented” management model

The problem of formation of the system providing stable regional development is investigated in the article. Program and purposive approach is proposed as well for revealing integral indicators of such development.

ООН об окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.) также была отмечена связь экономического и социального развития стран с проблемами окружающей среды. В такое понимание категории «развитие» важный вклад внесли научные доклады Римского клуба и особенно доклад «Пределы роста» (1972 г.), в которых формулировались идеи перехода цивилизации от экспоненциального экономического роста к состоянию «глобального динамического равновесия», от количественного роста — к «органическому» (качественному) и «новому мировому экономическому порядку»¹.

¹ Глобальные модели Медоуза-Форрестера, а также проект Мессаревича-Пестеля заложили основу идеи ограничения потребления ресурсов за счет так называемых промышленно слаборазвитых стран. Предложенная методика была востребована правительством США для прогнозирования

В 1980-е гг. проблемы связи экологии и развития особенно активно обсуждались в трудах ученых из исследовательского института «Worldwatch» («Всемирная вахта») в США и, в частности, его директора Л. Р. Брауна.

Еще в докладе «Всемирная стратегия охраны природы» (1980 г.), представленном Международным союзом охраны природы и природных ресурсов, подчеркивалось: для того чтобы развитие было устойчивым, следует учитывать не только его экономические аспекты, но также социальные и экологические.

Термин «устойчивое развитие» начал активно использоваться после публикации доклада, подготовленного для ООН в 1987 г. Международной комиссией по окружающей среде и развитию. В русском издании этого доклада английский термин «sustainable development» переведен как «устойчивое развитие», хотя слово «sustainable» имеет и другие значения: «поддерживаемое, самоподдерживаемое», «длительное, непрерывное», «подкрепляемое», «защищаемое».

Появление концепции устойчивого развития подорвало фундаментальную основу традиционной экономики — неограниченный экономический рост. В одном из основных

и активного воздействия на процессы, происходящие в мире (см.: [9, с. 5–9]).

документов Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) «Повестке дня на XXI век», в главе 4, посвященной изменениям в характере производства и потребления, прослеживается мысль, что надо идти дальше концепции устойчивого развития, что некоторые экономисты «ставят под сомнение традиционные понятия экономического роста» и в связи с этим предлагаются поиски «схем потребления и производства, которые отвечают существенным потребностям человечества».

Идеи Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию были подтверждены в Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002 г.

Идея устойчивого развития предполагает достижение сбалансированности социально-экономического развития и сохранение окружающей среды [10]. Таким образом, речь идет о «триединой» системе: «экономика — социальная сфера — экология». Причем обеспечение баланса этих трех составляющих необходимо не только в масштабе глобальной мировой экономики или отдельного национального хозяйства, но и в масштабе территорий, регионов в составе той или иной страны. То есть следует говорить о необходимости обеспечения устойчивого развития регионов.

Как можно определить содержание понятия «устойчивое развитие региона»?

Некоторые авторы (В. Н. Лексин, А. Н. Швецов) трактуют устойчивость регионального развития как «длительность сохранения условий для воспроизводства потенциала территории (его социальной, природно-ресурсной, экологической, хозяйственной и т. п. составляющих) в режиме сбалансированности (поддержания особой пропорции всех составляющих регионального потенциала) и социальной ориентации (оценки влияния вектора и количественных параметров региональных ситуаций, прежде всего по тому, как они влияют на уровень и качество жизни населения)» [7, с. 368].

В. П. Заболотский, Р. М. Юсупов под устойчивостью регионального развития понимают такое свойство происходящих социально-экономических процессов, которое характеризует их способность обеспечивать сколь угодно длительное функционирование и развитие без ухудшения (а может, и с улучшением) условий жизни населения и при сохранении качества окружающей природной среды [3, с. 16–25].

Условия формирования устойчивой экономики характеризует уровень социально-экономического развития региона (уровень валового регионального продукта (ВРП); численность экономически актив-

ного населения и др.) — в частности, с учетом экологического и инновационного факторов (ресурсоемкость и наукоемкость ВРП; продолжительность жизни, показатели заболеваемости и смертности; наличие и степень износа основных фондов и др.) [4, с. 177].

Для реализации Концепции перехода России к устойчивому развитию необходимо изучать проблемы, которые выступают серьезным препятствием для регионов на пути к этой цели.

Например, В. М. Ходачек рассматривает влияние на развитие регионов существующих сегодня проблем территориальной организации хозяйства, которые приводят к резким различиям в уровнях социально-экономического развития территорий, ухудшению социально-демографической обстановки, росту неуправляемой и социально неприемлемой миграции и т. д. [12, с. 142].

Н. В. Зубаревич считает, что для смягчения социального неравенства регионов необходимо соблюдение двух условий: достаточно высокий уровень экономического развития страны и эффективная социальная политика государства [5, с. 154].

С учетом вышеизложенного представляется необходимым создание такой модели регионального развития, в которой достигается баланс экономических, социальных и экологических критериев.

Устойчивое развитие региона, на наш взгляд, должно предусматривать соблюдение следующих условий:

1) сбалансированность экономики и экологии региона, т. е. достижение такой степени развития региона, когда люди в результате своей хозяйственной деятельности перестают разрушать среду своего обитания;

2) сбалансированность экономической и социальной сфер, включающую обеспечение максимального использования в интересах населения тех ресурсов, которые дает экономическое развитие, удовлетворение материальных и духовных потребностей населения региона;

3) решение задач, актуальных не только для ныне живущих граждан, но и ориентированных на будущие поколения.

Идеи устойчивого развития наиболее эффективно можно использовать именно в управлении регионами. В соответствии с этим регион должен выступать в качестве самостоятельного субъекта устойчивого развития, вносящего в хозяйственные процессы системную связь и экологический порядок.

На наш взгляд, устойчивое развитие региона можно определить как комплексный процесс, который ведет к решению региональных проблем, к улучшению условий жизни населения региона путем достижения сбалансированности социаль-

но-экономического и экологического развития, осуществляемого на основе рационального использования всего ресурсного потенциала региона (включая географические, инфраструктурные особенности территории региона, потенциальные возможности населения, экономики, промышленности), не допускающего при этом превышения предельно допустимых нагрузок на региональные экосистемы.

Система управления регионом, основанная на принципах устойчивого развития, должна быть постоянно нацелена на процесс поиска баланса, который должен соблюдаться на всех уровнях принятия решений. Необходимо постоянно учитывать, какая управленческая и хозяйственная деятельность ведет к сбалансированному состоянию региональной экосистемы, инфраструктуры и развитию человеческих ресурсов, а какая — выводит ее из сбалансированного состояния. Создавая систему управления регионом, следует рассматривать данную территориальную единицу как единую систему, при этом последствия всех значительных хозяйственных решений должны быть ясны и очевидны. В этой модели регион выступает как активный субъект хозяйственной жизни.

Для эффективного достижения целей устойчивого развития региона необходимо объективно оценить ситуацию в региональной экономи-

ке, социальной сфере и экологии, учитывать наличные ресурсы, выявлять сильные и слабые стороны территории и в итоге принимать обоснованные управленческие решения. Помощь в этом может оказать соответствующая модель устойчивого развития региона.

Для разработки модели устойчивого развития региона необходимо создать систему показателей устойчивого развития региона, которая должна быть нацелена на статистическое сопровождение и обеспечение процессов регионального развития, быть относительно несложной в использовании и вместе с тем решать необходимые задачи. В качестве таких показателей следует выбрать индикаторы устойчивого развития региона. Индикаторы устойчивого развития — это показатели, которые характеризуют изменение состояния экономики, социальной сферы и окружающей среды во времени.

На основе изучения многочисленных источников, рассматривающих устойчивое развитие территории (см. напр.: [1; 6; 8]), можно определить следующие четыре базовые компоненты (подсистемы), образующие систему обеспечения устойчивого развития региона:

1. Социальная сфера. Отражает уровень жизни населения, образования и здравоохранения, социальной защиты, криминогенности, демографическую ситуацию.

2. Экономическое развитие. Интегрирует в себе основные показатели производственного сектора, занятости населения, инвестиционной деятельности, финансовой сферы и торговли.

3. Инфраструктура. Характеризует обеспеченность населения жильем и мощностями инфраструктуры.

4. Природная среда. Аккумулирует данные о загрязнении воздушного пространства и воды.

Для формирования системы обеспечения устойчивого развития региона представляется возможным использование программно-целевого подхода (ПЦП) на основе анализа иерархий [2].

Очевидны несомненные плюсы применения программно-целевого подхода: механизмы ПЦП способствуют интеграции и координации всех уровней, ветвей и органов управления, коммерческих и некоммерческих организаций, их ресурсов, создают условия для получения количественно измеримых результатов управления, т. е. способствуют повышению эффективности управления региональной экономикой с позиций устойчивого развития.

Структуризация проблемы «Обеспечение устойчивого развития региона» представлена на рис. 1.

Таким образом, для решения основной проблемы — обеспечения

Интегральная характеристика 1 уровня

Интегральные характеристики 2 уровня

Расчетно-аналитические статистические показатели 3 уровня

Частные показатели 4 уровня

Рис. 1. Иерархическое представление формирования интегрального показателя устойчивости развития региона

развития региона на основе принципов устойчивого развития — необходимо достичь запланированных значений показателей 2, 3 и 4 уровней.

Математически подход к определению интегрального показателя устойчивого развития региона как функции четырех компонентов может выглядеть следующим образом:

$$УСр = f(\{Исi, i = 1, \dots, N\}, \{Иэi, i = 1, \dots, N\}, \{Ии, i = 1, \dots, N\}, \{Ипi, i = 1, \dots, N\}),$$

где УСр — интегральный показатель устойчивого развития региона; Ис — интегральный показатель состояния социальной сферы региона; Иэ — интегральный показатель состояния экономики региона; Ии — интегральный показатель состояния инфраструктуры региона; Ип — интегральный показатель состояния природной среды региона; $i = 1, \dots, N$ — отдельные статистические, аналитические и экспертные абсолютные и относительные показатели.

Предлагаемая методика формирования показателя устойчивого развития региона удобна для анализа преимуществ и недостатков отдельных регионов при сопоставлении их друг с другом. Использование данной методики дает возможность получить количественную оценку как отдельных компонентов устойчивого развития (оценить состояние социальной

сферы, экономики, инфраструктуры, природной среды в регионе), так и состояния региона в целом. Анализ позволяет выявить критерии, определяющие положение того или иного региона в рейтинге, выявить, насколько и по каким параметрам он опережает своих конкурентов, обозначить, что отстающие регионы должны сделать (каким факторам устойчивого развития уделить приоритетное внимание), чтобы улучшить свои позиции. Результаты расчетов и анализа данных смогут способствовать выработке рекомендаций по улучшению состояния устойчивого развития региона.

Представляется, что разработанная модель позволит регионам стать активными субъектами формирования устойчивой экономики, поскольку, ориентируясь на основные показатели-индикаторы, регионы будут в состоянии проводить оперативный мониторинг своего состояния и оценивать его с позиций соответствия критериям устойчивого развития.

Именно регионы должны выступать в качестве активных участников новой «устойчиво-ориентированной» модели хозяйствования исходя из следующих предпосылок: — регионы — это устойчивые территориальные образования, со своими относительно обособленными хозяйственными комплексами, с определенной отраслевой специализацией;

- регионы (особенно в федеративном государстве) являются более управляемыми структурами, особенно в области реализации властных полномочий в части охраны окружающей среды и рационального природопользования;
- на региональном уровне потенциально существуют большие возможности для достижения более тесного взаимодействия между образованием, наукой, промышленностью. Эти возмож-

ности могут быть использованы для активизации процесса экологизации и инноватизации экономики региона [4, с. 165–168].

Итак, именно регионы способны стать «проводниками» процесса перехода страны к устойчивой экономике, проявляя самостоятельность, активность, экономическую самоорганизованность в обеспечении достижения целей региональной политики, в повышении экономического и научно-технического потенциала.

1. Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. № 2.
2. Андрейчиков А. В., Андрейчикова О. Н. Анализ, синтез, планирование решений в экономике. М., 2000.
3. Заболотский В. П., Юсупов Р. М. Об устойчивости «новой экономики» // Проблемы информатизации. 2001. Вып. 3.
4. Золотухина А. В. Проблемы инновационного и устойчивого развития регионов. М., 2010.
5. Зубаревич Н. В. Проблемы социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // Управленческое консультирование. 2009. № 3.
6. Иванов П. М. Устойчивое региональное развитие: концепция и модель управления // Экономика и математические методы. 2006. № 2.
7. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2007.
8. Менова Н. Ф. Социальные аспекты устойчивого социально-экономического развития муниципального образования // Вопросы статистики. 2006. № 5.
9. Платонов В. М. Актуальные проблемы устойчивого развития России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». 2001. № 3.
10. Ткачев С. П. «Устойчивое развитие»: спасение человечества или «тройной конь»? // Наш современник. 2003. № 6.
11. Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. Ноосферная стратегия. М., 1998.
12. Ходачек В. М. Трансформация территориальной организации народного хозяйства // Управленческое консультирование. 2009. № 3.

References

1. Aivazyan S. A. K metodologii izmereniya sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya // Ekonomika i matematicheskie metody. 2003. № 2.
2. Andreychikov A. V., Andreychikova O. N. Analiz, sintez, planirovanie resheny v ekonomike. M., 2000.
3. Zabolotsky V.P., Yusupov R.M. Ob ustoychivosti «novoy ekonomiki» // Problemy informatizatsii. 2001. Vyp. 3.
4. Zolotukhina A. V. Problemy innovatsionnogo i ustoychivogo razvitiya regionov. M., 2010.
5. Zubarevich N. V. Problemy sotsialnogo neravenstva regionov: vozmozhno li realnoe smyagchenie? // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 3.

6. *Ivanov P. M.* Ustoychivoe regionalnoe razvitie: contseptsiya i model upravleniya // *Economika i matematicheskie metody*. 2006. № 2.
7. *Leksin V. N., Shvetsov A. N.* Gosudarstvo i regiony: teoriya i practica gosudarstvennogo regulirovaniya territorial'nogo razvitiya. M., 2007.
8. *Menova N. F.* Sotsialnye aspekty ustoychivogo sotsial'no-economiceskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya // *Voprosy statistiki*. 2006. № 5.
9. *Platonov V. M.* Aktual'nye problemy ustoychivogo razvitiya Rossii // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Politologiya»*. 2001. № 3.
10. *Tkachev S. P.* «Ustoychivoe razvitie»: spaseniye chelovechestva ili «troyansky kon'»? // *Nash sovremennik*. 2003. № 6.
11. *Ursul A.D.* Perehod Rossii k ustoychivomu razvitiyu. Noosfernaya strategiya. M., 1998.
12. *Khodachek V. M.* Transformatsiya territorialnoy organizatsii narodnogo khozyaistva // *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2009. № 3.

А. В. ВСЕЕВА

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова:

агропромышленный комплекс, государственное регулирование, рынок сельскохозяйственной продукции

Статья посвящена анализу современного состояния агропромышленного комплекса. Автор рассматривает результаты аграрно-земельной реформы в России, приводит обоснование необходимости государственного правового регулирования рынка сельскохозяйственной продукции как эффективного инструмента его развития.

В советский период понятие «агропромышленный комплекс» определяло чрезвычайно важный сектор экономики страны, включающий в себя множество отраслей материального производства и видов деятельности, объединенных в организационную систему с единым органом управления, которая финансировалась, планировалась и обеспечивалась материально-техническими ресурсами [5, с. 171–172]. Главной производительной силой в сельском хозяйстве советского периода являлись совхозы и колхозы.

В процессе осуществления аграрно-земельной реформы в Рос-

Key words:

agriculture, state regulation, market of agricultural production

Article is devoted the analysis of a current state of agriculture. Results agrarian-land reform in Russia are analyzed. The substantiation of necessity of the state legal regulation of the market of agricultural production as effective tool of its development is spent.

сийской Федерации, предусматривающей приватизацию земли, средств сельскохозяйственного производства и другого государственного и кооперативного имущества, большинство совхозов и колхозы были реорганизованы и переведены в частную собственность, как и перерабатывающие предприятия, организации агропромышленного комплекса. Структура сельскохозяйственных организаций (без учета хозяйственных товариществ и обществ, функционирующих в отраслях и видах деятельности, обслуживающих сельскохозяйственное производство, а также в отраслях, перерабатывающих про-

дукцию сельского хозяйства) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура сельскохозяйственных организаций по состоянию на 1 января 2009 г.

Открытые акционерные общества	6,5%
Закрытые акционерные общества	7,9%
Общества с ограниченной ответственностью	41,9%
Государственные унитарные предприятия	3,7%
Сельскохозяйственные производственные кооперативы	32,3%
Коллективные организации	1,9%

Сельские жители, которым была выделена земельная доля из реорганизуемых колхозов и совхозов, в процессе реформирования лишились земельной доли по различным причинам и основаниям. Вследствие этого огромное количество земель было переведено из категории сельскохозяйственного назначения в иные категории, в результате чего размер основного средства производства сельскохозяйственной продукции значительно сократился.

В настоящее время государство не ставит перед сельскохозяйственными производителями задач по производству продукции и обеспечению потребностей населения. На место директивного планирования

приходят рыночные отношения, которые проникают в сферу сельского хозяйства с учетом спроса и предложения, а также конкуренции.

При этом продукция может свободно продаваться как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Иностранные фермеры также могут свободно реализовывать свою продукцию на российском рынке. На первом этапе аграрных реформ государство сняло с себя обязанности по материально-техническому, финансовому обеспечению сельского хозяйства и социальному развитию деревни, эти функции также переданы самим крестьянам [1, с. 369–377].

В результате реформ, проведенных в 1990-е гг., изменился и собственник основного средства производства — земли, теперь это частный собственник. Исчезло государственное регулирование рынка. Проведенные структурные изменения в аграрном секторе экономики завершились формированием схемы рыночных отношений.

Процесс реформирования, однако, привел к сокращению основных элементов структуры — средств производства и производительных сил, вследствие чего сократился и объем производства сельскохозяйственной продукции. Следует отметить, что сегодня назрела острая необходимость формирования системы государственного правового регулирования, направленной на

создание условий для эффективной деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей, способных вовлечь в процесс производства новые земли и новые высокотехнологичные средства ее обработки.

Процесс экономического реформирования должен реализовываться в тесной взаимосвязи и при непосредственной поддержке правового развития. Именно такая взаимосвязь обеспечивает своевременное и качественное совершенствование правотворческого и правореализационного процесса.

Основу системы государственного правового регулирования аграрного сектора экономики должны составить элементы, реализующие эффективные правовые средства воздействия на существующую рыночную структуру сельскохозяйственного производства.

Для определения эффективных способов воздействия на существующую рыночную структуру сельскохозяйственного производства рассмотрим схему товарно-денежных отношений, в которую вступают товаропроизводители в условиях рыночной экономики. Формируя денежные потоки, товарно-денежные отношения не только испытывают на себе влияние определенных способов производства, но и сами активно влияют на систему производственных отношений.

В процессе становления рыночной экономики в современной Рос-

сии товарно-денежные отношения выросли из средства обмена деятельностью тружеников коллективного производства и приобрели характер полнокровных рыночных отношений, определяющих развитие средств производства, а также самих производителей сельскохозяйственной продукции. Как известно, товарно-денежные отношения характеризуются такими категориями, как себестоимость продукции, цена, прибыль, рентабельность, деньги, зарплата, кредит, хозяйственный расчет и др. Все перечисленные категории могут и должны сознательно использоваться в процессе управления производством сельскохозяйственной продукции.

Государство на современном этапе своего развития в целях повышения роста производства аграрной продукции должно регулировать закупочные цены на сельскохозяйственные товары, движение кредитных ресурсов, определяя их объем, направление, а также ставку процента.

Рыночная экономика — экономика, организованная на основе рыночной саморегуляции, при которой координация действий участников осуществляется государством, а именно законодательной и судебной властью непосредственно, а исполнительной только опосредованно, путем введения различных налогов, сборов, льгот и т. п. [4].

Проведенный анализ схемы товарно-денежных отношений показал, что наиболее эффективным инструментом, создающим условия для развития сельскохозяйственного товаропроизводителя, является правовое регулирование рынка сельскохозяйственной продукции.

Кризисная ситуация, сложившаяся в сельском хозяйстве, подтверждает, что без государственной поддержки, выделения бюджетных средств, финансирования федеральных целевых программ развития села и предоставления различных финансовых и материальных ресурсов нельзя ожидать эффективной деятельности частных структур по развитию агропромышленного производства.

В настоящее время существует сложная экономическая проблема, связанная с отсутствием у аграриев гарантий на получение этих бюджетных средств.

Одним из первых шагов по выводу сельского хозяйства из сложившейся ситуации явилось Постановление Правительства РФ «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.» от 14 июля 2007 г. № 446. Целями Программы являются:

— обеспечение устойчивого развития сельских территорий, повы-

шение занятости и уровня жизни сельского населения;

- повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на основе финансовой устойчивости и модернизации сельского хозяйства, а также на основе ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства;
- сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов.

Основными задачами Программы являются:

- создание предпосылок для устойчивого развития сельских территорий;
- улучшение общих условий функционирования сельского хозяйства;
- обеспечение ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства;
- повышение финансовой устойчивости сельского хозяйства;
- совершенствование механизмов регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Для достижения поставленных целей и задач предусмотрены меры по развитию приоритетных подотраслей сельского хозяйства, что предполагает выравнивание возникших диспропорций в агропродовольственном секторе путем под-

держки тех производств, которые имеют потенциальные преимущества на внутреннем или мировом рынке, но без государственной поддержки и регулирования не могут в полной мере реализовать этот потенциал.

Однако весной 2009 г. произошло снижение темпов роста сельскохозяйственной продукции по отношению к тому же периоду времени 2008 г., составившего всего 100,2% против 100,5% месяцем ранее и 101,7% в марте. Всего же за январь–май 2009 г. темпы роста составили 101,2%.

В антикризисной программе Правительства РФ поставлена задача снизить уровень инфляции в экономике страны. Для этого важно развивать внутреннее производство, обеспечивать защиту отечественных товаропроизводителей. Вопрос является крайне актуальным для предприятий, работающих в агропромышленном комплексе.

Министерством сельского хозяйства Российской Федерации были приняты конкретные меры для защиты внутреннего рынка страны:

- с мая 2009 г. Правительством снижена квота на импорт мяса птицы до 962 тыс. т, увеличены внеквотные ставки пошлин на ввоз мяса домашней птицы и свинины;
- с 1 декабря 2008 г. введена сезонная пошлина на импорт саха-

ра-сырца сроком на 5 месяцев и повышена нижняя граница ввозной таможенной пошлины на сахар-сырец со 140 до 165 долларов за тонну;

- увеличена ставка ввозной таможенной пошлины на сухое молоко;
- государство поддерживает спрос на зерно путем осуществления закупочных интервенций;
- проводится постоянный мониторинг рынка в отношении импорта всех видов сельскохозяйственной продукции и продовольствия для принятия оперативных мер по защите интересов отечественных производителей и потребителей [3, с. 16].

В июле 2009 г. на встрече лидеров стран «Большой восьмерки» были всесторонне рассмотрены проблемы формирования цен на продукты питания и обсуждались меры, которые могут быть приняты для минимизации последствий чрезвычайных ситуаций в продовольственной сфере. Представлявшая нашу страну министр сельского хозяйства Российской Федерации Е. Б. Скрынник обратила внимание на следующие моменты:

- Ключом устойчивого сельскохозяйственного развития является повышение качества управления этой сферой деятельности. Необходимо активизировать обмен современными инновационны-

ми знаниями и технологиями в области сельского хозяйства и продовольствия, сделать их открытыми и доступными на международном уровне, в особенности для России и развивающихся государств. При этом не должно быть корыстного использования сравнительных преимуществ одних над другими. Необходимо стимулировать как государственные, так и частные инвестиции в науку, развитие которой позволит обеспечить поступательный рост аграрного сектора, совершенствовать систему управления и деятельность научно-исследовательских учреждений.

- Продовольственную безопасность нельзя рассматривать только с точки зрения обеспечения достаточного количества продуктов питания. Само понятие «продовольственная безопасность» включает в себя предоставление физического и экономического доступа населения к достаточному количеству безопасных и питательных пищевых продуктов. Важно, чтобы право человека на достойное питание и высокий стандарт качества продовольствия стали повсеместной нормой — для всех и каждого. И в этом смысле продовольственная проблема пересекается с другой глобальной проблемой — ликвидации бедности.

- Продовольственный кризис носит структурный характер. Дисбаланс между спросом и предложением не только не сокращается, но и имеет тенденцию к увеличению. Главные причины этого — отсутствие справедливых правил игры на продовольственных рынках, негативное воздействие спекулятивных финансовых потоков в сфере торговли сельхозпродукцией¹.

В настоящее время необходимо изменение экономической политики государства в отношении аграрных территорий и сельского хозяйства. Вместо роста числа безработных и увеличения бюджетного бремени на выплату пособий по безработице необходимо создание новых рабочих мест и стимулирование спроса на продукцию отечественного товаропроизводителя, формирование полноценного внутреннего рынка, в котором первичным звеном будет являться сельское хозяйство, обуславливающее спрос на продукцию сельскохозяйственного машиностроения. Это даст новый стимул развитию пищевой и легкой промышленности.

¹ См.: Выступления министра сельского хозяйства РФ Е. Б. Скрынник на пленарных заседаниях встречи министров сельского хозяйства стран «Группы восьми» в Италии. 2009. 18 апреля. [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал Министерства сельского хозяйства РФ // URL: <http://www.mcx.ru/news/news/show/3316.htm> (дата обращения: 06.12.2010).

Поскольку село разорено, то инвестиционные ресурсы должны направляться преимущественно в виде прямого субсидирования, а не кредита. Например, новые производственные мощности — фермы, цеха по переработке, оптовые сельскохозяйственные рынки — могут быть построены за счет бюджетных средств, а затем переданы в долгосрочную аренду на конкурсной основе, при этом государство решит проблему создания новых высокотехнологичных рабочих мест, что позволит уменьшить безработицу [2, с. 6].

Предпринятые Президентом и Правительством Российской Федерации действия должны быть усилены эффективными средствами правового регулирования структуры рыночных отношений сельскохозяйственного производства.

На этапе своего становления и развития существующая структура аграрного производства требует введения правового регулирования, средствами которого, в первую очередь, должны явиться следующие федеральные законы:

- «Об агропромышленном комплексе Российской Федерации», который сможет заменить действующий в настоящее время закон о развитии сельского хозяйства;
- «О планировании деятельности агропромышленного комплекса», т. к. необходимо планирова-

ние АПК как единого целого, и в связи с этим возникает потребность в принятии правового акта, в котором будут определены этапы планирования, его участники, цели, задачи;

- «О корпоративных и агрохолдинговых формированиях в аграрном секторе», который будет регламентировать права и обязанности участников корпоративных структур, территориальных административных и отраслевых органов управления.

Разработка этих законов является важнейшей задачей современных ученых-экономистов и юристов-аграрников.

Таким образом, для воссоздания агропромышленного комплекса, возрождения села в современной России необходим комплекс правовых и организационных решений: обеспечение сельского хозяйства материально-техническими ресурсами, его производственно-техническое обслуживание, законодательное закрепление гарантий получения сельскохозяйственными товаропроизводителями необходимой им государственной поддержки, ответственности государства за принимаемые решения, а также принятие вышеперечисленных законов, внесение изменений в действующий Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ.

1. *Пикулькин А. В.* Система государственного управления. М.: Юнити-Дана, 2004.
2. *Семьяшкин Г. М.* Решение проблем продовольственной безопасности страны // Вестник кадровой политики, аграрного образования и инноваций. 2009. № 6. С. 3–7.
3. *Скрынник Е. Б.* О задачах по развитию агропромышленного комплекса в 2009 г. // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 5. С. 13–18.
4. *Ходачек В. М.* Трансформация территориальной организации народного хозяйства // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 137–153.
5. *Чаркин С. А.* Судьба сельского хозяйства России в зеркале прав (конец XX — начало XXI века). М.: Новый индекс, 2008.

References

1. *Pikul'kin A. V.* Sistema gosudarstvennogo upravleniya. M.: Uniti-Dana, 2004.
2. *Semyashkin G. M.* Reshenie problem prodovol'stvennoy bezopasnosti strany // Vestnik kadrovoy politiki, agrarnogo obrazovaniya i innovatsy. 2009. № 6. S. 3–7.
3. *Skrynnik E. B.* O zadachah po razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa v 2009 // Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii. 2009. № 5. S. 13–18.
4. *Khodachek V. M.* Ttransformatsiya territorialnoy organizatsii narodnogo khozyaistva // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 3. S. 137–153.
5. *Charkin S. A.* Sud'ba sel'skogo khozyaystva Rossii v zerkale prav (konets XX — nachalo XXI veka). M.: Novyi index, 2008.

Л. Б. КАПУСТИНА

ПАРАДОКСЫ «ГЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР»: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

Ключевые слова:

«глокальная культура», глобализация, взаимодействие глобального и локального, экономика, политика, культура

В статье рассматриваются особенности проявления феномена глобализации в конкретных сферах общественной жизни — экономике, политике, культуре. Автор утверждает, что при таком рассмотрении важно учитывать, во-первых, взаимопроникновение и тесную связь различных видов глобализации, во-вторых, логику взаимодействия глобального и локального, в-третьих, транснациональный, глокальный характер этих процессов. Исследователь отмечает, что воздействие глобализации на многие сферы жизнедеятельности современного человека носит парадоксальный характер.

В современной теории считается хорошим тоном после рассмотрения понятия глобализации перейти к ее проявлениям в конкретных сферах: как правило, речь идет об экономике, политике и культуре. Следуя традиции выделять основные сферы общественной жизни — экономическую, политическую и духовную, — исследователи говорят, соответственно, о культуре экономической сферы общественной жизни, о политической и духовной культуре общества. Каждый из этих

Key words:

“glocal culture”, globalization, interaction of global and local, economy, politics, culture

Specific features of globalization phenomenon evidence in the spheres of public life — economy, politics, and culture are considered in the article. It is stated that it is important to take into account first, interpenetration and close link of various kinds of globalization, secondly, logics of global and local interaction, thirdly, transnational, glocal character of the processes. The author notes that globalization paradoxically influences on many spheres of Modern Human life.

типов культуры связан с определенными институтами, в которых тесно переплетены все вышеперечисленные формы культуры (см., напр.: [1, с. 207]).

Подобный подход имеет свои преимущества хотя бы потому, что феномен глобализации, достаточно абстрактно представленный в сознании современного человека, наполняется конкретным социальным и культурно-историческим содержанием. Однако необходимо обратить внимание на то, что в такой

проекции интересующее нас явление глобализации прочитывается прежде всего как некая тенденция, унифицирующая мир.

В самом деле, стремление осмыслить глобализацию как один из важнейших аспектов современного культурного бытия, «уложив» историю в некую единую и целостную перспективу, — самое распространенное и, возможно, самое очевидное: ведь такова эволюция мира. Поэтому ничего другого не остается, как подвести важнейшие для современного человечества сферы жизнедеятельности — промышленное производство, экономику, политику и всю инфраструктуру культуры — под некий единый знаменатель, заданную «систему координат», создать взаимосвязанное пространство, унифицированную среду, используя единую сетку общеобязательных стандартов.

Сторонники линейной тенденции в представлении о возникновении единого мира, конечно, правы: 100 тыс. лет назад, когда человечество состояло из некоторого числа небольших групп, живущих на огромных расстояниях друг от друга, каждая из них могла быть сравнительно однородна в культурном отношении и была таковой. Но совсем другое дело в период так называемой «писаной истории»: некогда обособленные группы постепенно сливались, и сегодня с помощью науки и технологии мы самым естественным

образом идем к единому миру — единому политически, экономически и культурно [5, с. 131–149].

И все же это не единственная точка зрения на глобализацию. Еще в середине 1960-х гг. западные теоретики подвергли жесткой критике стремление модернистов выстраивать логику исторического движения мирового сообщества через противостояние «традиционной» и «модернизационной» ступеней, отводя Западу роль безусловного лидера в этом процессе. Анализ межцивилизационных различий представлялся куда более реалистичным, ведь уже тогда идея доминирования Запада в мировом сообществе казалась вовсе не безупречной — на фоне существования незападных регионов и культур с системами ценностей отличными от западных. Последующие десятилетия показали: «Незападные регионы не плавно входят в расширяющийся ареал Запада, а рвутся в будущее сквозь трагедии войн и революций» [8, с. 44–45].

Миновало полвека, и сегодня куда более очевидно, что глобализация как явление имеет более разветвленную динамику эволюции, в том числе путем взаимодействия, «смешивания» процессов глобальных и локальных, порождая «третьи», «глокальные» или транснациональные, формы, что наиболее ярко проявляется в сфере культуры. Отмечая далее особенности глоба-

лизации в конкретных сферах — экономической, политической и культурной, — важно учитывать, во-первых, взаимопроникновение и тесную связь видов глобализации, во-вторых, логику взаимодействия глобального и локального, в-третьих, транснациональный, глокальный, характер этих процессов.

В сфере современной экономики глобализация проявляет себя в стремлении создать общее свободное рыночное пространство, всемирную инвестиционную среду, обеспечить предельную интеграцию национальных рынков капитала. Для решения этих задач необходима унифицированная законодательная база в сфере экономики (например, единые налоговые ставки) и делопроизводства, а также введение единой валюты. Для управления финансовыми рынками глобальные финансовые, торговые, информационно-промышленные круги создают собственные наднациональные рыночные институты, вроде всемирных организаций, банков или валютных фондов.

Именно в сфере экономики линейная тенденция к возникновению единого мира представлена в наиболее явном виде: «Глобализация — это процесс, определяемый рыночными, а не государственными силами, сбалансированным бюджетом, приватизацией, открытостью инвестициям и рыночным потокам, стабильностью валюты. Глобализация

означает гомогенизацию жизни: цены, продукты, уровень и качество здравоохранения, уровень доходов, процентные банковские ставки приобретают тенденцию к выравниванию на мировом уровне. Глобализация изменяет не только процессы мировой экономики, но и ее структуру — создает глобальную по масштабу взаимозависимость, достигающую степени интеграции в практически единое целое. При этом различие между *взаимозависимой* экономикой и экономикой *глобализированной* — качественное. Речь идет не только о возросших объемах торговых потоков, но и о мировом рынке, подобном рынку единого государства» [8, с. 36].

По оценкам целого ряда экспертов, последняя четверть XX столетия войдет в историю как эпоха доминирования экономики над другими сферами общественной и культурной жизни. Ученые метафорически обозначают ее также как эпоху «великой войны за независимость от пространственных ограничений» (З. Бауман) [2]. В качестве иллюстрации этого тезиса приводят профессиональное кредо известного рационализатора современного производства А. Данлэпа: «Компания принадлежит не ее сотрудникам, поставщикам или местности, где она расположена, а тем, кто в нее инвестирует». Именно так: ни сотрудники, ни представители местного сообщества не имеют права

влиять на решения, принимаемые «теми, кто инвестирует».

Инвесторы — полные обладатели полномочий принятия решений. И этот новый принцип позиционирования собственности нужно воспринимать не как «декларацию о намерениях, а заявление о фактическом положении вещей», поскольку «истинность выраженного в ней принципа подтверждена всеми экономическими, политическими, социальными и иными реалиями нашего времени» [3, с. 16].

Западные теоретики информационного общества, говоря о глобализации в экономике, почти единодушно выражают тревогу: экстерриториальность пространств, на которых действуют новые экономические структуры, их эфемерность и неуловимость приводят к тому, что мировые финансовые рынки получают возможность навязывать свои законы и предписания всему мировому сообществу. Глобализация — не что иное, как тотальное внедрение интересов экономических «глобалистов» во все сферы жизни, в то время как отдельные государства и правительства зачастую лишены достаточных ресурсов и свободы маневра, чтобы выдерживать это давление: для краха любого предприятия или самого государства сегодня, как никогда, достаточно нескольких минут.

Экономическая глобализация в эпоху поздней современности

имеет далеко идущие перспективы. П. Дракер отмечает, что еще 15 лет назад никто не мог предвидеть, что электронная коммерция (т. е. использование Интернета как основного канала распределения товаров, услуг и рабочих мест) превратится в бизнес-технологии и важнейший стратегический сектор современной экономики.

Однако исследователь обращает внимание и на то, что «единый» рынок электронной коммерции имеет свои ограничения, связанные с языковыми и культурными барьерами, уровнем экономик и своеобразием политико-правовых систем конкретных стран. Виртуально ничем не ограниченный, в действительности этот рынок существует только для тех компаний и потребителей, которые обладают стандартным набором характеристик и возможностей для обеспечения своего «онлайн-присутствия». Тем не менее очевидно: фактор местоположения уже не имеет значения, компания перестает быть в полном смысле местной (локальной) и начинает конкурировать в глобальном масштабе, что неизбежно меняет стратегии бизнеса, работу с клиентами, подходы к рекламе, ассортимент продукции, набор сервисных услуг и т. д.

Сказанное выше касается и рынка ценных бумаг: «Компьютеризация финансов стала новой основой “электронной” культуры производ-

ства и инновацией, воздействующей на всю современную экономику» [8, с. 29].

Для потребителя информационного общества становится важным умение собирать и анализировать информацию, четко формулировать свои запросы в процессе поиска, формировать индивидуальную сеть товаров, услуг, поставщиков, партнеров, которая максимально соответствует его социальному статусу, культурным кодам, вкусам и запросам. Информационное общество остается массовым по своим основным характеристикам, однако потенциально это общество становится все более индивидуализированным.

В такой среде на новый уровень выходит и само потребительское общество: культура ограниченного предложения на рынке местного сообщества заменяется культурой, по сути, безграничного потребительского выбора через магазины-мегамаркеты и онлайн-торговлю. Например, в магазине корпорации «Кеймарт» в г. Питсбург (штат Пенсильвания, США) отсутствует обслуживающий персонал. Покупатели выбирают товар, сканируют штрих-коды на упаковках, оплачивают его на электронных кассах, слышат благодарность от компьютера и выходят из магазина под прицелом камер служб безопасности. Газета «Нью-Йорк Таймс», сообщая об открытии нового маркета, зафик-

сировала настроение легкого шока у покупателей, вызванного принципиально иной культурой потребления. К концу XX столетия объем онлайн-торговли в США достиг 43 млрд долларов в год. В Европейском союзе на рубеже XX–XXI вв. эта цифра также резко возросла: по сообщению канала «Евроноьюс» 9 октября 2008 г., 150 млн европейцев делают покупки с помощью Интернета [7, с. 157–158].

Необходимо отметить, что глобализация в экономике меняет социум, который идет по пути постепенной трансформации в «общество знания» (П. Дракер). Знание здесь будет ключевым ресурсом, а само общество станет еще более открытым и мобильным. Информационные технологии уже позволили знанию быстро распространяться и быть доступным огромному количеству людей, благодаря чему все институты эпохи поздней современности становятся частью глобальной конкуренции, ведь Интернет информирует о том, что доступно в той или иной сфере, весь мир. И это несмотря на то, что большинство организаций продолжают оставаться локальными и по своей деятельности, и по сегменту рынка, который они обслуживают. Дракер подчеркивает, что социально-экономической и политической силой XXI в. будут «работники знания».

Американский социолог Р. Флорида называет новый общественный

класс «креативным»: «Если вы ученый или инженер, архитектор или дизайнер, писатель, художник или музыкант, если культурный диалог является решающим фактором вашей работы — будь то в сфере бизнеса, образования, здравоохранения, права или в какой-либо другой — вы принадлежите этому классу. С формированием креативного класса, объединяющего 38 миллионов представителей (более 30% рабочей силы США), связываются глубокие и значительные перемены в наших привычках и методах работы, ценностях и стремлениях, а также в самой структуре нашей повседневной жизни» [8, с. 12].

Отмеченные выше тенденции касаются мирового сообщества в целом: уже сегодня значительная часть человечества имеет доступ к знаниям, которые еще пару десятилетий назад считались достоянием избранных. Инновации в сфере информационных технологий и экономики неумолимо «сдвигают» экономику в сторону культуры.

В сфере политической глобализация открывает возможности создания европейской политической суперсистемы, тяготеющей к единой модели государственного устройства, с общей системой социальной защищенности и законодательными основаниями: правами и свободами, визовыми и таможенными правилами, экологическими нормами, стандартами качества продукции, обще-

принятыми ценностными установками.

В теории рубежа веков встречаются прогнозы, что за экономической глобализацией последует политическая, которая доведет дело до мирового правительства (Л. Каплан).

Как и в случае с экономической глобализацией, подобные процессы в политической сфере также имеют свою оборотную сторону. В связи с резким крушением блоковой политики и распадом Советского Союза современные аналитики отмечают такую очевидно нарастающую тенденцию, как «упадок идеи государственного суверенитета». Эти процессы были предсказаны Э. Хобсбаумом еще в 1977 г.

Обратной стороной нарождающегося «всемирного общества» является политическая раздробленность. Очевидным примером тому становится появление новых территориальных образований, претендующих на «политическую независимость», но не способных ее реализовать в силу своей экономической слабости и недостаточного количества ресурсов. Эти новые государства, по сути, оказываются в «мясорубке глобализирующегося мира», и Г.-Х. фон Райт, например, ставит вопрос: национальное государство как сложившийся в Новое время институт — каково его будущее? Оно разлагается или «отмирает», в то время как подтачивающие его

силы имеют транснациональный характер, т. е. по сути своей анонимны и почти не подконтрольны тем или иным государственным решениям?

Политическая фрагментация и экономическая глобализация, иными словами, — интеграция и раздробленность, глобализация и локализация — две взаимосвязанные стороны процесса перераспределения суверенитета, власти и свободы действия в мировом масштабе.

В самом деле, процессам планетарного масштаба, которые возникают в бизнесе, финансах, торговле и потоках информации противостоит тенденция «локализации», обособления пространств, территорий, местностей. В совокупности эти два тесно взаимосвязанных явления приводят к поляризации мира, резкой дифференциации условий существования отдельных сообществ и слоев населения. Иногда глобализация увеличивает диспропорции в развитии различных стран или даже целых регионов. В качестве хрестоматийного примера можно привести проблему «Север — Юг», где под «Севером» понимаются промышленно и экономически развитые зоны, под «Югом» — отсталые. Ни экономическая, ни политическая формы глобализации порой не в состоянии решить подобных «локальных» задач, важнейших для жизнедеятельности тех или иных государств.

Для определения данного вида глобализации важно также отметить, что политическая культура информационного общества отличается качественно новыми характеристиками: информационные технологии и сетевые структуры способствуют активному участию широких слоев населения в местной и международной политике. Любое событие в формате сообщения электронной почты, форума, блога, страницы веб-сайта, снятого на камеру телефона видео получают колоссальный отклик во всем мире, примером чему может служить весьма популярный проект «Ютьюб». Любительские видео выходят на «переводницы» ведущих новостных агентств, а размещенные в сети, они с трудом поддаются цензуре и свободны от тенденциозности любой политики каналов телевидения. Таким образом, многие пользователи предпочитают Интернет официальным источникам информации.

И, наконец, сеть становится мощным орудием политической борьбы. Все без исключения западные политики, как и большинство российских, имеют собственные интерактивные веб-сайты, ведут избирательную борьбу с помощью блогов: новые технологии способствуют росту популярности «сетевых» политических кампаний. Хилари Клинтон, например, в августе 2007 г. встретилась с 1500 блоггерами, которые принимали самое активное участие

в политической жизни страны, что и обеспечило ей победу на выборах. Д. Медведев (кстати, тоже блоггер) в «Послании к Федеральному Собранию РФ» 5 ноября 2008 г. предписал «как можно активнее расширять свободное пространство Интернета и цифрового телевидения», рассматривая высокие технологии в качестве одного из стратегических ресурсов будущего развития страны.

Свобода слова как основополагающее право гражданина демократического государства сегодня в масштабах всего мирового сообщества далеко не в последнюю очередь связывается со свободным пространством Интернета и цифрового телевидения. В «Википедии» приведен термин «электронная демократия», под которым понимается использование информационно-компьютерных технологий, в частности Интернета, для прозрачности общественной политики и ее оценки гражданами.

В культурной сфере глобализация проявляет себя наиболее неоднозначно. С одной стороны, так же как и в других сферах, в культуре многое подводится под некий единый знаменатель: вводятся единые общеобразовательные стандарты, используются одномерные знаково-символические образцы, общепринятые для тех или иных субкультур, этические принципы.

Культура, связанная с экономической и политической глобализа-

цией, становится по определению глобальной и потому понимается достаточно широко, охватывая собою сферы международной политики, спорта, науки, искусства, шоу-бизнеса, средств массовой информации, включая нарастающее влияние Интернета и масс-медийных арт-практик.

Процесс трансформации культурных норм, таким образом, порождается и подпитывается глобализацией, стирающей национальные границы, в результате чего культура становится все более и более космополитичной. «Гражданином мира» (правда, в более плоском значении, нежели это было принято по сию пору понимать) становится не только житель Европы, но и, по сути, любой пользователь Интернета. Неудивительно: ведь та массовая культура, которую породил Запад, распространяется по всему миру и находит адептов в различных ареалах незападного мира во многом благодаря «мировой паутине».

Однако наряду с тенденцией к унификации по-прежнему сохраняет актуальность тема культурных различий: даже всемирную сеть культурной коммуникации формирует все более очевидная свобода выбора.

Само собой разумеется, корпорации или торговые организации, реклама которых ориентирована на мирового потребителя, порождая массовые формы культуры, меньше

всего озабочена национальным составом своих клиентов. Мир в их глазах делится не по национальным, а каким-то другим основаниям и признакам: «Это и есть глобальный взгляд на мир. Глобализация сохраняет те или иные элементы национальной культуры в той мере, в какой они становятся благом, ценностью для людей другой культуры. Она как бы придает глобальный масштаб тому главному, что впервые было привнесено именно национальной культурой — праву человека на свободный выбор» [6, с. 78].

Так на наших глазах создается единое пространство культуры, вбирающее в себя многообразие уже существующих культур и дающее каждому право на свободный выбор своих культурных предпочтений: *«Под глобальной культурой следует понимать не какую-то одинаковую и обязательную для всех культуру, а такую всемирную сеть культурной коммуникации, которая позволяет каждому жителю планеты на равных правах пользоваться благами и достижениями любой культуры.* Свобода индивидуального выбора обеспечивалась уже национальной (письменной) культурой, но только в глобальном мире этот выбор выходит за рамки обособленных национальных миров и образов, распространяется на всю человеческую культуру. А что каждый возьмет для себя из этой культуры, к чему проявит больший интерес — будет оп-

ределяться только его индивидуальными пожеланиями, потребностями и запросами» [5, с. 78–79].

Подобный процесс еще Робертсон обозначил термином «глокализация», который был образован из слов «глобализация» и «локализация» с целью фиксации взаимодействия в глобальном мире двух процессов: «гетерогенизации» (утверждения различий) и «гомогенизации» (единообразия).

Согласно Р. Робертсону, локальное и глобальное не исключают друг друга, напротив: локальное нужно рассматривать как аспект глобального. Глобализация, помимо прочего, означает «стягивание», «столкновение» локальных культур, которые в мировом пространстве глобальных информационных сетей должны приобретать качественно иные характеристики. Подобный процесс понимается так: ценности отдельных культур транслируются по каналам массовой коммуникации посредством чувственных образов и символов и тем самым получают транснациональную форму существования. Принципиально: локальные культуры не исчезают, а обретают новое — глобальное — измерение.

Идея американского социолога впоследствии была услышана сторонниками концепции «культурной глобализации», которые выступают против унификации мира, за культурное многообразие.

У. Бек, со ссылкой на Робертсона, утверждает: массовое производство культурных символов в пространстве Интернета приводит вовсе не к унификации, а к глокализации культуры. В Лондоне «Макдоналдсы» и джинсы вполне уживаются с африканским карнавалом. И это лишь один из примеров того, как глобализация расслаивает мир на новые транснациональные формы или «третьи культуры». Исследователь подчеркивает: «Глобальную культуру» следует рассматривать *не статически*, а только как диалектический процесс — по образцу “глокализации”, который позволяет воспринимать и расшифровывать противоречивые элементы *в их единстве*. В этом смысле можно говорить о парадоксах “глокальных” культур» [4, с. 92].

В этой принципиальной для Бека позиции он близок англосаксонским наблюдателям глобальных процессов, которые отказались от тезиса о всеобщей «макдоналдизации» мира. Напротив, они пришли к выводу о том, что массовое производство символов, унифицирующих культуру, — лишь одна сторона вопроса. И это становится все более очевидным на фоне пестрой картины культурных различий, которые демонстрируют «глокальные» культурные варианты во всем их многообразии.

Пожалуй, ярче всего это проявляется в музыке (североафрикан-

ское «Раи»); в процессах исламизации как важной составляющей постсовременной «картины мира»; феномене межконтинентальной (смешанной) культуры, сложившейся как результат многовекового взаимопроникновения культур Юга и Севера; в различных культурных «нишах» поздней современности: миротворческих миссиях, например, у «молодых кротких» или «жизненных эстетов» — артистическом поколении 1990-х, самоироничных искателей своего «я» — «внуков экономического чуда» (У. Бек); в немецкой поп-культуре; наконец, в местной традиции изготовления гавайской телячьей колбаски, сотворенной «по образу и подобию» баварского национального продукта.

Речь идет о культуре, открывающей иные, в чем-то уже отличные и от постмодернистской направленности, горизонты: «простор для многообразных комбинаций», мозаику форм, из которых «можно составить самые разные, сильно отличающиеся друг от друга коллекции собственных жизней и групповых идентичностей» [4, с. 102].

В. Межуев считает, что в сфере культуры глобализация не подавляет, а, напротив, сохраняет актуальность любой локализации: «Глокализация и есть осмысление глобализации в понятиях и терминах теории культуры — в отличие от экономических и чисто социо-

логических ее интерпретаций» [5, с. 77].

Отмеченная выше тенденция очевидна: культура выходит за рамки своих национальных границ. В глобальном мире индивид не прерывает связи со своей культурой, но и не может ограничиться ею, поскольку оказывается включенным в транснациональные сети. Так формируется новый тип культурной локальности, не совпадающий с местным, региональным, этническим или национальным. Он объединяет не столько по национальному признаку, сколько по общности интересов: то, чему люди во всем мире отдают предпочтение (например, кока-коле), порой значит для них больше, чем национальные обычаи или привычки. Глобализация создает «глобальную локальность», которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их по характеру сделанного ими культурного выбора. Интернет позволяет жить во времени и пространстве мировой культуры, находить в нем своих единомышленников, объединяться в союзы по признаку «культурного родства».

Подобное общество и получило название мультикультурного, и это не выдумка, а глобальная реальность: «Ни выбрать ее, ни отказаться от нее нельзя; она не ведет автоматически к толерантности, ее следствием может быть изоляция и ксенофобия. Если противоречи-

вые мировые общества прорываются конфликтами на местах, это не значит, что “эксперимент по созданию мультикультурного общества” провалился; возможно, это признак начала новой социальной эпохи, в которой транснациональные, транскультурные формы жизни станут нормальным явлением» [4, с. 158].

Таковы на сегодняшний день наиболее общие тенденции процесса культурной глобализации. Исследователи правомерно считают, что процесс глобализации не может определяться только рыночными отношениями: «Государство и рынок — важные факторы развития, но при условии, что они корректируются факторами более высокого порядка — социальными и культурными» [6, с. 70].

Отмеченные выше проявления глобализации в конкретных сферах — экономической, политической и культурной — лишь подтверждают ее парадоксальное воздействие на многие сферы жизнедеятельности современного человека. Аналитики этих процессов согласны в одном: начиная с 1990-х гг. наиболее активно идет становление новой формы социального единства на всей планете, и этот новый мировой порядок формируется в результате столкновения самых противоречивых, а порой и опровергающих друг друга тенденций. Прогнозировать развитие данного процесса даже на 25–30 лет вперед — сложно,

во всяком случае без риска попасть в интеллектуальные ловушки. Однако осмысливать процесс в режиме реального исторического времени и понимать, что стоит за этим, уже давно не только мифическим, сло-

вом «глобализация», необходимо. Глобализация — вызов человечеству, и возможно, оно заплатит высокую цену за адаптацию к новым реалиям своего общечеловеческого и культурного бытия.

1. Александров В. Б. Формы существования и природа культуры // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 191–221.
2. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001.
4. Валлерстайн И. Национальное и универсальное: возможна ли всемирная культура // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2001.
5. Межуев В. М. Глобальное и локальное в современном мире // Глобализм и цивилизационная идентичность. М., 2008.
6. Соловьев А. В. Динамика культуры информационной эпохи. Рязань, 2009.
7. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

References

1. Alexandrov V. B. Formy suschestvovaniya i priroda kultury // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 2. S. 191–221.
2. Bauman Z. Globalizatsiya: posledstviya dlya cheloveka i obschestva. M., 2004.
3. Bek U. Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiyu. M., 2001.
4. Vallerstain I. Natsionalnoe i universalnoe: vozmozhna li vseмирnaya kultura // Analiz mirovyh sistem i situatsiya v sovremennom mire. M., 2001.
5. Mezhuев V. M. Global'noe i local'noye v sovremennom mire // Globalizm i tsivilizovannaya identichnost. M., 2008.
6. Solovyev A. V. Dinamika kul'turnoy informatsionnoy epohi. Ryazan', 2009.
7. Utkin A. I. Globalizatsiya: protsess i osmyslenie. M., 2001.
8. Florida R. Kreativny class: ludi, kotorye menyayut budushee. M., 2007.

В. В. САВЕЛЬЕВ

О ПЕРЕХОДЕ К НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ ВЕКТОРУ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова:

национально-культурная политика, внутренняя политика, национально-культурная автономия

Key words:

national and cultural policy, domestic policy, national and cultural autonomy

Статья посвящена вопросам развития национально-культурной политики в России. По мнению автора, эффективность проведения этой политики должна обеспечиваться за счет поддержки процесса самосохранения местных этнокультурных сообществ в условиях социальной, хозяйственно-экономической и общественно-политической трансформации общества.

Процесс перехода к реализации политики национально-культурной автономии в России осуществляется весьма медленно. Подобная ситуация во многом обусловлена тем, что этот процесс не может и не должен инициироваться государственными структурами. Он сопряжен с возрождением *этнокультурного иммунитета*, который закладывается в семье. Если сельская семья достаточно успешно, полуавтоматически исполняет свою этноиммунную функцию, то городская должна о ней заботиться специально. Современное состояние городской семьи таково, что без деликатного стимулирования со стороны государственных и муниципальных институтов (в том числе

The article is concerned with the problems of development of national and cultural policy in Russia. According to the author the effectiveness of the policy should be provided by supporting of the process of local ethno cultural community self-conservation in conditions of social, economic, social and political transformation of the society.

институтов культуры) она еще долго будет находиться в малодеспособном состоянии.

Сегодня на роль ведущего принципа в федеративной национально-культурной политике государства все настойчивее выдвигается императив *признания равногo достоинства культур всех народов, а также укрепления целостности российской культуры посредством создания равных условий для сохранения и развития культур народов России*. Сформулированный в ст. 6 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре», этот узловый принцип государственной культурной политики является одновременно ядром государственной национальной политики, цель кото-

рой двуедина. С одной стороны, это полноценное, мажоритарное национально-культурное состояние *каждого* народа России, а с другой — упрочение гражданской и духовно-нравственной общности людей, которая должна иметь общероссийский характер.

В постсоветский период наблюдается сближение векторов национальной и культурной политики на региональном уровне. К 2007 г. в Башкортостане и в Республике Коми были созданы министерства культуры и национальной политики, в республиках Мари Эл и Чувашии — министерства культуры и по делам национальностей, в Кемеровской области — департамент культуры и национальной политики. Вопросы межнациональных отношений вошли в компетенцию министерств культуры Республики Алтай и Кабардино-Балкарии, Калмыкии и Татарстана, Калининградской и Омской областей, а также департамента по культуре Томской области [2, с. 215–274]. Через два года, в 2009 г., стала заметна еще одна позитивная тенденция — превращение национально-культурной политики в вектор внутренней политики. Этот процесс ныне происходит в Татарстане и Забайкальском крае, в Пермском и Приморском краях, в Амурской, Астраханской, Ивановской, Курганской, Свердловской, Тверской и Ульяновской областях [1, с. 149–166].

По мнению В. Ю. Зорина, координировавшего в 2002–2004 гг. реализацию государственной национальной политики, современный этап реформ в области национальных отношений связан с переключением «этнических проблем с национально-территориального в культурно-просветительное и культурно-образовательное русло» [3, с. 6].

Однако вывод такого рода представляется несколько преждевременным, т. к. национально-территориальное самоопределение народов как ведущий принцип советской национальной политики и ныне сохраняет свою привлекательность для нерусских народов. Поэтому сегодня целесообразнее говорить о некотором дополнении национально-территориального принципа самоопределения народов, «единолично» существовавшего в советский период, принципом национально-культурным.

Имеющая место в субъектах Федерации тенденция сближения векторов культурной и национальной политики рождает потребность ее теоретического осмысления. Следствием ее явилась разработка и утверждение сравнительно нового для отечественной культурологии и этнологии концепта — *национально-культурной политики*.

В западноевропейской политологии ныне доминирует концепт «мультикультурализма», посредством которого обозначается со-

временная парадигма регулирования межнациональных отношений, пришедшая на смену прежним концептам — «плавильного котла» и последовавшего за ним «салата». В отечественной этнополитологии существует точка зрения, что политику мультикультурализма можно и необходимо перенести в политическое пространство Российской Федерации.

С культурологической точки зрения, мультикультурализм — это для нашей страны не нечто новое, а всего лишь аспект уходящей в прошлое советской политики в области культуры. Дело в том, что реализация этой политики была в значительной степени направлена на поддержку культур нерусских народов, в том числе национальных меньшинств. Следует иметь в виду, что эта поддержка сопровождалась определенным игнорированием интересов русского большинства. Хотя подобная политика в области культуры принесла некоторые «политические дивиденды» советской системе, но одновременно сопровождалась ущемлением этнокультурных интересов русского народа. Ее негативные последствия сохраняются и сегодня. Так, в ряде национально-территориальных субъектов Российской Федерации уровень образования титульных народов заметно опережает соответствующий показатель у русских, которые проживают на этой же территории.

Следовательно, российское общество нуждается в выделении особого аспекта *внутренней политики*. Именуемая *национально-культурной*, такая политика, опирающаяся на принцип глокализации, строится на органичном соразвитии русского культурного пространства с входящими в него (по модели «ковра») нерусскими этнонациональными культурами.

У данной национально-культурной модели, с одной стороны, есть «незримая» основа. Это русское искусство и литература, русская система образования и научные школы. С другой стороны, ковер имеет «зримую» поверхность. Это «нити» нерусских культур, которые на равных с нитью «русская культура» образуют многоцветную палитру — культуру России. Все без исключения культуры народов являются образующими федеративного культурного пространства. Одновременно следует отметить, что культура русского народа выполняет еще одну важную миссию. Она не только образует, но и *скрепляет* общее государственное национально-культурное пространство.

Вертикально-генезисно художественная культура каждого народа произрастает из его родного языка и той энергетики этничности, которая «опредмечивается» в обрядах и обычаях, фольклоре и других проявлениях народного творчества. Этническую окрашенность имеет не

только исходный материал, но и мироощущение творцов художественной культуры.

При этом творец, будь он писателем или композитором, драматургом или режиссером, музыкантом или театральным деятелем, выступает не только представителем и выразителем этноменталитета своего народа, но и субъектом профессиональной художественно-эстетической деятельности. Причем профессионализм он первоначально заимствует (такова закономерность зарождения национальной культуры) в уже сложившемся инонациональном профессиональном творчестве. Известно, что русское профессиональное искусство стало развиваться с петровской эпохи благодаря знакомству потенциальных отечественных авторов с немецкой и английской романтической поэзией, итальянской оперой, французским балетом.

Становление подавляющего большинства национальных культур народов нынешней России приходится на советское время, когда их профессиональные творцы приобщались к опыту и достижениям русского искусства и литературы. Создавая собственное национально-культурное пространство, профессионалы — творцы национальных культур творили для своего народа, но одновременно утверждали свой собственный потенциал в русском культурно-художественном пространстве, через

которое они выходили и на международный простор.

Полилог между культурами народов России стимулирует их внутреннее развитие. Если русская художественная культура является базовым фундаментом всей культуры России, то художественные культуры других народов украшают общенациональное культурное пространство, увеличивают его полиэтноментальный объем и многоголосное звучание.

О начале периода становления национально-культурной политики свидетельствует, как уже отмечалось выше, появление национально-культурных центров и домов национальностей, школ с этнокультурным компонентом в мегаполисах и больших городах. Деятельность же местных и региональных национально-культурных автономий призвана поддерживать этнонациональный мир семьи.

Действиям всех этих институтов и организаций целесообразно придавать максимально открытый характер. Когда этого не происходит, то подобного рода образования вызывают опасения у тех, кто не осведомлен о содержании их деятельности, или порождают терпимость с негативным оттенком. Это качество не имеет ничего общего с этнотолерантностью, необходимой для формирования российской нации. *Ведь смысл этнотолерантности заключается в желании, умении*

и стремлении граждан России жить в многообразной (качественная характеристика) и разнообразной (количественная характеристика) этнокультурной среде.

Наступательный порыв по формированию этнотолерантности, наблюдавшийся с 2003 г., сегодня поутих. К сожалению, понятие «толерантность» даже в среде специалистов порой трактуется как пассивная терпимость. Толерантность стала «дробиться» на такие более знакомые и конкретные качества, как «гражданская солидарность», «культура мира», «согласие». Хотя каждое из этих качеств весьма социально значимо и их формирование достойно специальных среднесрочных программ, но не меньшее значение имеет этнотолерантность как таковая. Она позволяет народам и лицам, относящим себя к различным национальностям, жить в единой этнокультурной среде. В современных российских условиях, на мой взгляд, локусами такой среды являются субъекты Федерации, которые с некоторой долей условности можно именовать национально-культурными регионами.

Заслуживает внимания создание региональных целевых фондов стимулирования национально-культурной деятельности. Суть их функционирования — поиск и поддержка местных этнокультурных инициатив или полузабытых видов деятельности, уменьшение адми-

нистративных начал в культурной политике, когда ее ориентиры определялись централизованно, планировались сверху, без учета реальной ситуации, либо навязывались давлением со стороны, к которому и ныне прибегают политизированные лидеры или амбициозные кандидаты во властные структуры.

Свою лепту в становление национально-культурной политики могут и должны вносить специалисты-теоретики. С утверждением культурологии как учебной дисциплины в системе высшего и среднего профессионального образования (1992 г.) и научной специальности (1995 г.) начался стремительный рост выпуска культурологической учебной литературы, качество которой оставляет желать лучшего, ибо научно-аналитическая рефлексия развивается весьма медленно. Проблема дифференциации культурной политики, выделения в ней моделей федерального, регионального и местного уровней еще не заняла в публикациях достойного места.

Федеральная модель (духовное производство) опирается на аксиологический и деятельностный подходы в понимании культуры. Она является общепризнанной, нашедшей отражение в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре». Проектирование же муниципальной модели возможно, на наш взгляд, при расширении общепризнанной научно-теоретиче-

ской базы, включения в нее атрибутивного подхода.

При аксиологическом подходе дефинитором культуры являются ценности. При деятельностном подходе — созидательная, творческая деятельность. Позже сформировался атрибутивный подход, при котором, во-первых, дефинитором выступает жизнедеятельность, а во-вторых, она рассматривается в тройной системе координат. Благодаря этому культурная жизнедеятельность отличается от докультурной (на мегауровне), внекультурной (на макроуровне) и антикультурной (на микроуровне).

На мегауровне, при вселенском ракурсе, *сфера* культуры тождественна социосфере, достаточно жестко встроенной в мир природы, состоящий из биосферы и космосферы. Доаграрные и доиндустриальные народы, продолжающие вести давно сложившийся образ жизни, ориентируются на традиции и преемственность. Они созерцательны и бережливы по отношению к миру природы. В индустриальном обществе, опирающемся на достижения научного и технического прогресса, появляются техногенные народы, отношение которых к миру природы изменяется. Оно становится преобразовательным. Причем порой настолько, что это приводит к невосполнимым потерям.

Пример тому — сталинский курс на ускоренную индустриализацию

советской страны. Он был сопряжен с тем, что политика бережного природопользования сменилась государственной линией на агрессивное «покорение природы», разрыв связей с предшествующими поколениями, их жизнеориентированными экологическими традициями. Так, построение каскада Волжских ГЭС имело существенную негативную сторону: наиболее плодородные пойменные почвы ушли на дно мелководных водохранилищ. Вместе с ними навсегда исчезло под водой множество прибрежных деревень и несколько городов, т. е. произошло широкомасштабное разорение семейных очагов тех народов, жизнедеятельность которых связана с важнейшей водной артерией России.

Ситуация должна кардинально измениться в *информационном* обществе, на пороге возникновения которого находится наша страна. Здесь идеология неограниченного прогресса, беспредельного технико-экономического роста исчерпывает себя и ей на смену должны придти другие императивы, опирающиеся на представления о пределах роста, необходимости гармонизации технико-инструментальной экспансии в природу с принципами экологического сдерживания и запрета. Ориентация на прогресс и инновационность заменяется идеологией стабильности, равновесия, устойчивого коэволюционного развития социосферы с биосферой и космосферой.

В этой связи мегауровневым свойством культуры и *основополагающим императивом* национально-культурной политики может и должна являться природосообразность или *экологичность жизнедеятельности*, позволяющая народам гармонизировать социокультурный процесс с природными процессами, не подвластными людям и протекающими по своим законам. Их познание — задача естественных наук, достижения и выводы которых должны использоваться культурологами и этнологами. О том, что это непросто для гуманитариев и обществоведов (культурология большинством авторов относится лишь к гуманитарно-социальной науке), говорить не приходится¹.

Переходя на макроуровень — от вселенского к планетарному ракурсу, мы «входим» в социосферу, которая предстает как система, состоящая из трех рядоположных подсистем: экономической, культурной и политической. Здесь макроуровневым свойством культурной подсистемы и *сердцевинным императивом* этнокультурной политики выступает *этноментальность* жиз-

недеятельности людей, которая обнаруживается в оригинальности жизненных смыслов и установок, присущих каждому народу, в характере их поведения и технологиях жизнеобеспечения, в моделях мироощущения и направленности деятельности, унаследованных от предшествующих поколений².

На микроуровне, при экзистенциальном подходе, аналитик как бы оказывается внутри культурного *пространства*. Теперь микроуровневым свойством культуры и своеобразным *вершинным императивом* национально-культурной политики является *гуманистичность* жизнедеятельности самодеятельного характера.

Подобная жизнедеятельность имеет четыре «ступени». Первая из них — это жизнедеятельность самостоятельная. Субъективным основанием для нее является компетентность личности, а объективным условием — атмосфера общественного и коллективного доверия. Вто-

¹ В качестве примера можно сослаться на неоднозначное отношение культурологов и этнологов к естественнонаучной концепции этноса и этничности, созданной Л. Н. Гумилевым. Ситуацию в некотором роде спасают экологи, а потому вызывает повышенный интерес начавшая выходить с 2008 г. шеститомная «Экологическая энциклопедия».

² В советском культуроведении и в постсоветской культурологии доминирующим остается именно макроуровень. Однако культура здесь предстает не в качестве подсистемы социальной жизни, функционирование которой детерминировано мегауровневым свойством культуры, а определяется ее бытованием. В этой связи вызывает недоумение настойчивое деление культуры на духовную и материальную (это узко профессиональные термины для археологов, этнологов и музееведов), к коим прибавляется третий компонент — художественная культура.

рая ступень — активная жизнедеятельность. Она «рождается» без толчка извне, вырастает на базе самостоятельности. Ее отличительные черты: повышенная интенсивность, целеустремленность, результативность. Третья ступень — свободная жизнедеятельность, в процессе которой реализуются индивидуальные задатки, способности, дарования личности. И, наконец, четвертая ступень — творческая жизнедеятельность. В ней реализованные в свободной жизнедеятельности сущностные силы человека приобретают общественную или коллективную значимость, обогащают и расширяют культурное пространство¹.

Взбираясь на первую из ступеней гуманистичной жизнедеятельности, а затем восходя по ним вверх, индивид входит в культурное пространство, представляющее собой мозаичную конфигурацию консонансных, диссонансных и нонсонансных полей.

Консонансное поле является основополагающим элементом культурного пространства. Его образуют личности, лишь в отдельных своих проявлениях поднимающиеся до уровня самостоятельной жизнедеятельности.

Круг интересов и потребностей консонансной личности, созвучной своему времени, живущей обыденной жизнью, задается теми культурными институтами, в зоне действия которых она находится. Благодаря таким личностям культурное пространство сохраняет свою устойчивость и стабильность. Консонансные личности составляют основной состав народонаселения страны, на их плечи ложится решение демографических, производственно-экономических, хозяйственно-бытовых и других социальных задач по поддержанию стабильности общественной жизни.

Центральным элементом культурного пространства является диссонансное поле, образующееся вокруг пассионарной личности, жизнедеятельность которой имеет самостоятельный, активный и свободный характер. Именно благодаря диссонансным лидерам, отличающимся страстной и неумной жадностью, способностью к сверхнапряжению, не прерывается национально-культурное развитие.

Вершиной культурного пространства является нонсонансное поле. Его образуют гении и таланты, жизнедеятельность которых достигает творческого и даже трансцендентного, космического уровня. «В гениальности — всегда безмерность <...> Гениальность от “мира иного”», — замечал Н. А. Бердяев. Обладая высшей степенью одарен-

¹ На мегауровне культура — это сфера, на макроуровне — подсистема, на микроуровне — пространство. Каждая последующая ступень в культурном пространстве опирается на предыдущую, вбирает предшествующие.

ности или проявляя необыкновенную интуицию, нонсонансные личности, дистанцируясь от профессионального сообщества, способны ставить и решать задачи опережающего характера. Благодаря им рождаются открытия, имеющие эпохальную значимость, происходит качественное обновление национально-культурного пространства России.

Будучи федеративным, это пространство имеет три взаимодействующих уровня: федеральный, региональный и муниципальный¹. В федеральном пространстве (представляющем собой, как отмечалось выше, духовное производство) национально-культурная политика реализуется через специализированные институты и учреждения. В муниципальном пространстве также действуют библиотеки и клубы, музеи и другие учреждения культуры. Но здесь ведущим институтом культуры может и должна быть *семья*. Она обеспечивает, с одной стороны, ретрансляцию этничности, с другой — создает оптимальные условия для самостоятельной жизнедеятельности. Именно семья заинтересована в возрождении и сохранении экологии бытовой и окружающей среды, поддержании физического и психического здоровья

своих членов, особенно детей и молодежи.

Сегодня российская семья как неспециализированный, внеучрежденческий институт культуры нуждается в деятельной поддержке со стороны муниципальных учреждений культуры, индивидуально-рекреационный статус которых может и должен дополняться ориентацией на возрождение и поддержание семейно-досуговой культуры местного населения. Поэтому развитие семейного чтения в массовых библиотеках, использование в деятельности музеев интерактивной методики, ориентированной на семью, перефилирование сельских клубов в центры семейно-бытовой культуры и домашних ремесел — это не только инновации в реформировании социально-культурной работы, но и конкретное проявление процесса этнизации культурной политики.

В предисловии к русскому изданию книги «Социология» один из патриархов современной американской социологии Н. Смелзер не основательно отмечает, что история Советского Союза содержит много попыток подавления семьи, религии и этнической общности [5, с. 13]. Поэтому возрождение семьи, оптимизация малого, среднего и большого круга семейной жизни является социально значимой проблемой муниципальной этнокультурной политики. В ее содержание входит не только текущая коррек-

¹ Вопрос о трех уровнях культурного пространства рассматривался в статье «Регионализация культурной политики в России: позитивные тенденции нашего времени» [4].

тировка деятельности учреждений культуры, доминирующее место среди которых ныне продолжают занимать клубы (особенно в системе сельского местного самоуправления), но и их превращение в потенциальные центры поддержки семейно-родственных и соседских связей, домохозяйств и фермерства.

Малый круг семьи, образуемый кровными родственниками (мать и отец, братья и сестры, дедушки и бабушки), отличается гуманистичностью. Оптимальное состояние малого круга включает:

- совместное или коммуникативно-связанное проживание трех поколений, при котором миссию воспитателей (по закону отрицания отрицания) успешнее всего могут осуществлять не мамы и папы, а бабушки и дедушки (что весьма сложно в условиях современного доминирования нуклеарной семьи);
- совпадение интересов членов семьи и устремлений младшего поколения, когда родители (что ныне требует существенных материальных затрат с их стороны) содействуют выявлению и развитию природных наклонностей детей;
- доверительность и доброжелательность межличностных отношений, создающих ощущение родного очага;
- достойный уровень жизни семьи, т. е. наличие добротного и удоб-

ного жилья, материальный достаток, позволяющий обеспечить семью высококалорийной и богатой витаминами пищей, эстетичными предметами быта и одеждой, формирующими художественный вкус и здоровые потребности членов семьи в саморазвитии.

Средний круг семейной среды сопряжен с этноментальными особенностями. Они определяются тем, в пространстве каких домашних праздников и традиций, диалектов и родных языков, художественных и бытовых этнокультур протекает жизнь семей и местных родственных сообществ.

Миграционные процессы последних лет, возрастание полиэтничности населения (особенно в мегаполисах и административно-территориальных субъектах Российской Федерации), новый характер межнациональных браков в условиях расширяющихся международных контактов (количество которых будет увеличиваться по мере освоения иностранных языков) — все это обостряет проблему оптимизации среднего круга, в решении которой свое место призваны и могут занимать муниципальные учреждения культуры.

Большой круг семьи составляют экологические условия ее жизнедеятельности, которые задаются как природой, так и той глобальной идеологией устойчивого коэволю-

ционного соразвития общества и природы, к которой человечество и его микрокосм — семья — вынуждены сегодня переходить.

Центры семейно-бытовой культуры способны обращать внимание на локальные экологические условия, в которых живет семья. Согласно последним научным гипотезам, здоровье жителей как важнейший экологический показатель лишь на 8–12% определяется состоянием медицинского обслуживания, а на 25% — экологическим состоянием среды.

Региональный уровень национально-культурной политики специфичен тем, что здесь встречаются и взаимодействуют две ее модели — федеральная и муниципальная. Именно в субъектах Федерации происходит формирование российской национально-культурной по-

литики. Деятельность институтов духовного производства, ядром которого являются этнонациональные ценности, соединяется с повседневной жизнедеятельностью людей, сопряженной с межличностными отношениями, прямым обменом знаниями и жизненным опытом.

В ходе повседневной жизнедеятельности (прежде всего в семье) может возрождаться этнокультурный иммунитет, который существенно ослаб в годы доминирования социалистической идеологии. Важнейшим критерием эффективности региональной национально-культурной политики, на наш взгляд, является самосохранение местных этнокультурных сообществ, вынужденных адаптироваться к происходящей социальной, хозяйственно-экономической и общественно-политической трансформации общества.

1. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации в 2008–2009 гг. М., 2009. Т. 1.
2. Государственная национальная политика и интеграция соотечественников. М., 2007. Т. 2.
3. Зорин В. Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002.
4. Савельев В. В. Регионализация культурной политики в России: позитивные тенденции нашего времени // Управленческое консультирование. 2005. № 4. С. 200–210.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1998.

References

1. Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i gosudarstvenno-confessionalnye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii v 2008–2009. M., 2009. T. 1.
2. Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i integratsiya sootchestvennikov. M., 2007. T. 2.
3. Zorin V. Yu. Rossiyskaya Federatsiya: problemy formirovaniya etnokulturnoy politiki. M., 2002.
4. Savelyev V. V. Regionalizatsiya kulturnoy politiki v Rossii: pozitivnyye tendentsii nashego vremeni // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2005. № 4. S. 200–210.
5. Smelzer N. Sotsiologiya. M., 1998.

КУЛЬТУРА КАК ULTIMO RATIO ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова:

культура, культурная среда, современная Россия, модернизация

Статья посвящена обсуждению роли культуры и культурной среды в развитии современной России. По мнению автора, задачу российской модернизации нельзя сводить к комплексу только экономико-технологических решений. Необходима, прежде всего, социально-политическая и культурная модернизация, в частности, создание открытого и конкурентного социально-политического пространства, расширение независимых культурных систем. В статье также обсуждаются методы и уже существующие российские практики, которые могут быть использованы для решения этой масштабной задачи.

С конца XX в. все более широкий круг ученых — экономистов, культурологов, историков, специалистов по региональному развитию — принимают участие в дискуссии о роли культуры и культурной среды в развитии общества. Во всем мире коммуникативные технологии, брендинг, информация и культура придают экономике новую конфигурацию.

Повышенное внимание к культуре проявляется и в нашей стране. Взор «власть предержащих» и интеллектуальной элиты сегодня обращен к культуре. Вдруг оказалось, что эта «бедная родственница» — одна из самых важных фигур в мо-

Key words:

culture, cultural environment, contemporary Russia, modernization

Role of culture and cultural environment in development of contemporary Russia is discussed in the article. According to the author the problem of Russian modernization is not be narrowed down the complex of only economical and technical solutions. First of all, politico-social and cultural modernization, creation of open and concurrent politico-social space, enhancement of independent cultural systems is needed in particular. Methods and Russian practices, which can be used for solution of this ambitious target, are discussed in the article as well.

дернизационных и инновационных процессах. Но что это значит? «Докатались» ли, наконец, до России мировые тренды, когда культура воспринимается не как украшение жизни, а как ресурс экономического развития и социального согласия? Или у нас, как обычно, во всем «свой путь»?

Конечно, необходимо отдать должное серьезным успехам экспертов и культурных менеджеров в продвижении мировых трендов, но все-таки сегодня в России культура — пока еще не ресурс развития. Культура в России — это ultima ratio, последний шанс найти выход из сложившейся непростой ситуации.

Почему именно культура? Не только потому, что она оказалась «последней в списке» и о ней вспомнили, когда все средства уже исчерпаны. В основном потому, что сегодняшний кризис — это не столько кризис экономики, сколько кризис культуры.

Надежды на скорое становление и развитие капитализма в России, равно как и надежды на становление и развитие в России демократии, потерпели очевидный крах. Стало понятно, что уповать на естественное, самопроизвольное появление цивилизованных рыночных и демократических институтов не приходится. Результатом стало глубокое разочарование большинства людей и не менее глубокая растерянность, которая охватила российский элиты.

Неконкурентная внутри и неконкурентоспособная вовне экономика; неэффективная социальная сфера; сильнейший демографический спад; мировой кризис, в ходе которого по темпам падения экономики Россия лидировала среди крупных стран¹, ввергли людей в глубокую депрессию, для которой характерны одновременно апатия и агрессия.

¹ Россия «сдала» развитым странам ВВП и инфляцию. [Электронный ресурс] // Финмаркет: информационное агентство. Новости и аналитика. 2010. 19 февраля. URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=1422502> (дата обращения: 28.12.2010).

Грядущие выборы 2012 г. требуют отчетливой содержательной мобилизации. Между тем и команды политических лидеров, и основные политические партии испытывают очевидные трудности в создании новой «повестки дня», способной если не объединить, то по крайней мере примирить большинство населения с очередной передачей власти. Не случайно декларированная властью стратегия инновационной модернизации страны так и не стала системной и конкретной программой действий.

Принято считать, что в России всегда (или почти всегда) были трудности с экономикой, проблемы с социальными отношениями, но вот культура неизменно была сферой, державшейся на исключительной высоте.

К сожалению, если рассматривать культуру как ресурс содержательного обновления, то картина будет несколько иной. В современной России культура — это три сферы: культура как проводник государственной идеологии; культура как сохранение наследия; культура как продукция массового потребления. Каждая из этих сфер по-своему противоречива, но объединяющим их началом является отношение к человеку как к потребителю готового продукта. Российская культура (как в узком ведомственном, так и самом широком ее понимании) никак не связана с запуском процессов

формирования нового образа жизни, среды и коммуникации, а основана на декларативной трансляции готовых идеологем.

В России культурное поле остается узким, консервативным и в значительной мере идеологизированным, и этим объясняется «сопротивление среды» не только культурным, но и другим изменениям — политическим, экономическим, социальным. Более того, существует тенденция сводить задачу российской модернизации к комплексу экономико-технологических решений, фактически оставляя за скобками необходимость социально-политической и культурной модернизации, в частности создания открытого и конкурентного социально-политического пространства, а также расширения независимых культурных систем.

Очевидно, что инструментальный подход к культурной политике, сформировавшийся в развитых странах в 1980–1990-е гг., сложился в условиях деиндустриализации. Демократизация культурной политики во многом основывалась на развитой и разветвленной сети демократических институтов, а главное — институтов местного самоуправления, что позволило развивать творческие способности индивидов, опираясь на их гражданскую позицию.

В российских городах, задавленных коммерческой или жилой

недвижимостью, зачастую отсутствует элементарная городская инфраструктура, позволяющая осуществлять взаимодействие между горожанами (разветвленная сеть недорогих кафе, клубов по интересам, компактных площадей и парков с удобными лавочками и пр.). Российское общество атомизировано и — как следствие — настроено пассивно и даже враждебно ко всему новому.

Самые современные, «экологические» подходы к решению социокультурных проблем базируются на постиндустриальных реалиях и предполагают определенную готовность общества и его институтов к еще более открытому и интенсивному взаимодействию. Такое взаимодействие предполагает не только «создание условий» со стороны муниципалитета или государства, но принципиально иной уровень личной ответственности и чувства причастности к происходящему.

Между тем большинство населения не видит себя дальше своего узкого семейного круга и не готово участвовать ни в какой деятельности (кроме как по принуждению), если это не сулит выгод личному благосостоянию.

Современные проекты пробивают себе дорогу с огромным трудом, если речь не идет о строительстве грандиозных сооружений или организации официальных торжеств. Мониторинг социокультурных про-

цессов в современной России существенно осложнен отсутствием фактической информации об общественных практиках, а также системного подхода к их рассмотрению. Не так много и попыток проанализировать, какие типы и формы культурной активности уже есть в российских региональных центрах, какие наиболее востребованы, а какие необходимо инкорпорировать в ткань городской жизни. Исследование «Социокультурный портрет жителей Коломны, Петрозаводска, Сургута и Самары», которое проводилось Агентством «Творческие индустрии» в 2009–2010 гг. на основе опросов населения¹, позволило выявить некоторые важные тенденции и особенности социокультурной ситуации в российских городах.

Прежде всего можно констатировать дефицит масштабных культурных событий, городских праздников и фестивалей, которые собирали бы вместе горожан и создавали пространство неформального общения.

Вместе с тем среди горожан преобладает традиционное понимание культурного досуга, видятся уста-

ревшие формы культурных событий, которые сегодня не воспроизводятся скорее в силу утраты ими социальной базы, нежели недостатка финансирования. Жители регионов России (особенно небольших городов) привыкли с неким предубеждением относиться к местному культурному процессу и продукту. Централизация и эталонизация столичных практик через телевидение (основной источник информации) приводит к тому, что локальные инициативы явно проигрывают в сравнении с ними. Поэтому многие критически воспринимают любую идею, причем чем она локальнее (для района, двора), тем с большим предубеждением к ней относятся, считая ее самостоятельностью. В связи с такими завышенными ожиданиями от культурного досуга по-прежнему остаются востребованными всякого рода гастроли (театральные, выставочные, концертные), а местные проекты зачастую воспринимаются как что-то недостаточно качественное и интересное.

Критическое отношение к местным культурным практикам и творцам, а также консервативные культурные ожидания заставляют отдельных экспертов и консультантов усомниться в том, что западные культурные стратегии, нацеленные именно на стимулирование местных и региональных культурных инициатив, могут быть эффективными в российской ситуации. Действи-

¹ См.: Социокультурный проект жителей Коломны, Петрозаводска, Крапивны, Сургута и Самары. [Электронный ресурс] // Творческие индустрии: агентство. Проекты. Творческий город. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/projects/creative_city/creative_city_results (дата обращения: 28.12.2010).

тельно, в стране, где в «Макдоналдс» приезжают на дорогих автомобилях, а LiveJournal — центр общения интеллектуалов, а не подростков, кто может сказать, какими еще метаморфозами обернутся западные подходы?

И все же, как выйти из сложившейся ситуации? Какие методы должны быть избраны? На какие существующие российские практики можно опереться?

Для изменения ситуации недостаточно развития физической инфраструктуры, на создание которой могут уйти десятилетия и сотни миллиардов долларов. Решение должно быть найдено в области развития так называемых «мягких инфраструктур»: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих одновременно повысить уровень «капитализации» региона на глобальном рынке, в том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов.

Сегодня «культурная политика» — одно из наиболее весомых и авторитетно звучащих в устах управленцев в сфере культуры словосочетаний. При этом очень часто к нему добавляется еще одно прилагательное — «государственная». Но при всей солидности и весомости

этого термина «в товарищах согласья нет» относительно того, что такое культурная политика, каково поле культурной политики вне государственного влияния и финансирования и, наконец, как и зачем эту самую политику прописывать, формулировать и осуществлять¹.

И все-таки основной проблемой остается не создание документов, а поддержка новых типов культурной деятельности, изменение приоритетов и основных принципов культурной политики в России. Необходимость изменений назрела уже давно. Старая, сохранившаяся еще с советских времен культурная инфраструктура физически и морально устарела. Бремя содержания

¹ В приложении к концепции культурной политики Пермского края понятие культурной политики раскрывается так: «*Культурная политика* — это деятельность по формированию идей, смыслов и приоритетов в социально-политической системе, одной из составных частей которой являются стимулирование и защита культуры как сферы высших творческих достижений. Предметом деятельности культурной политики является культурно-символический капитал, выражающийся в различных ценностных и прикладных формах — от формулирования смысла и целей человеческой жизни до создания новой мифологии и системы брендов, от вовлечения в новые формы и зоны творческой деятельности до создания массово востребованных продуктов и услуг с высокой долей символического капитала» (См.: Концепция культурной политики Пермского края. [Электронный ресурс] // Творческие индустрии: агентство. Публикации. URL: http://www.creativeindustries.ru/rus/publications/Perm_concept (дата обращения: 28.12.2010)).

зданий и сооружений с огромными площадями, которые необходимо отапливать, освещать, ремонтировать¹ и которые зачастую почти пустуют, устаревшие программы деятельности, утратившие целевую аудиторию или не имевшие ее вовсе — все это делает расходы на культуру чрезвычайно неэффективными. Попытки реформирования бюджетного сектора, которые предпринимает Правительство Российской Федерации в лице министерства финансов и министерства экономического развития, являются свидетельством того, что ситуация, сложившаяся в том числе в культурном ведомстве, не может оставаться прежней.

Изменилась и внешняя среда. Система расселения во многих слу-

чаях не совпадает с местами расположения «очагов культуры», да и сама публика, в особенности молодежь, — это совсем иная аудитория, нежели 20 лет назад. Новые виды досуга, творчества и развлечений — от Интернета до клубной жизни — притягивают все большее количество людей, размывая и без того немногочисленную аудиторию традиционных музеев, театров и библиотек.

Конечно, эти изменения не могли не спровоцировать, в том числе и в среде традиционных культурных институций, попыток осваивать новые культурные формы и новые типы деятельности. Повседневной практикой ряда успешных учреждений культуры стала проектная деятельность. Проектный подход позволил целому ряду профессионалов и институций преодолеть все те ограничения, которые существовали и существуют у традиционных учреждений культуры.

Можно без преувеличения сказать, что история культуры последних 20 лет — это история успешных проектов. Такие инициативы, как «Культурная столица Поволжья», фестиваль «Золотая маска», Красноярская музейная биеннале — это не только культурные инновации, но и новые стандарты культурной деятельности. Изменения, которые происходили благодаря этим проектам не только в культуре, но и на уровне городских сообществ и го-

¹ Содержание имущества в «спящем режиме» в соответствии с рекомендациями Министерства экономического развития обходится в 30–50% от общего объема финансирования учреждений (см.: Об утверждении методических рекомендаций по расчету нормативных затрат на содержание недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленного за федеральным автономным учреждением, или приобретенного федеральным автономным учреждением за счет средств, выделенных ему учредителем на приобретение такого имущества (за исключением имущества, сданного в аренду с согласия учредителя), а также на уплату налогов, в качестве налогообложения по которым признается соответствующее имущество, в том числе земельные участки: приказ Министерства экономического развития РФ от 17 апреля 2009 г. № 134. [Электронный ресурс] // Гарант: информационно-правовой портал.

родской среды, дали возможность российским проектировщикам в области культуры утверждать, что проект как технология прорыва работает там, где более систематические и экстенсивные усилия оказываются неэффективными, или там, где они просто невозможны. Постепенно у большого числа профессионалов — экспертов, теоретиков, практиков — оформилась мысль о возможности системных изменений через проектное действие, о запуске серии проектов, способных без огромных вложений и за короткий срок изменить ситуацию не только в культуре, но и в обществе.

Этот подход в течение уже многих лет неизменно используют благотворительные фонды. Так, Фонд Владимира Потанина, финансирующий конкурс «Меняющийся музей в меняющемся мире», именно через проектные технологии содействует изменению традиционных музеев, их превращению в институции нового типа — более открытые, современные организации, способные решать в том числе и социальные задачи. Но это на уровне музейной отрасли. Стране явно не хватает опыта решения более масштабных задач — изменения жизни средствами культуры в конкретном городе, на конкретной территории.

Уже достаточно давно обсуждалась и обсуждается инструментальная роль культуры — культура не

как украшение жизни, а как средство решения экономических и социальных проблем. Обширный зарубежный опыт, накопленный в этой области, все равно заставляет сомневаться в его успешном применении на российских просторах. Тем более что внесистемные попытки такого рода экспериментов неизменно сталкивались с трудностями — отсутствием поддержки со стороны властей, нехваткой лидеров, способных преодолевать «сопротивление среды», и, наконец, финансовыми трудностями, что не давало возможность в полной мере развернуть проекты культурного преобразования.

Наверное, наиболее состоявшимся проектом, вернее программой — серией проектов, запустивших изменения не только внутри культурного сообщества, но и вовне, стала еще с конца 1990-х гг. деятельность музея-заповедника «Ясная Поляна». Благодаря усилиям В. И. Толстого Ясная Поляна давно уже вышла за границы традиционной музейной деятельности и превратила музей не только в крупнейшего работодателя на территории Щекинского района Тульской области, но и значимый субъект региональной политики (т. н. Яснополянское соглашение¹ — яркое тому

¹ См.: Яснополянское соглашение от 27 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»: официальный сайт. Общественное движе-

подтверждение). Несмотря на все сложности и трудности (от сопротивления изменениям сотрудников музея до бесконечных проверок всевозможных контролирующих органов), музей «Ясная Поляна» сегодня — это не только дом-музей Толстого, но и детский сад, кафе, пекарня, гостиница и многое другое. Но главное то, что сегодня Ясная Поляна, как и при жизни Толстого, — это не провинция, а центр притяжения мирового уровня для туристов, исследователей, гостей, для образованных, думающих, творческих людей, присутствие которых позволяет сохранять неповторимую ауру этого места.

И все же деятельность одного музея даже мирового значения, пусть выходящая за границы традиционной музейной деятельности, не способна вывести на новый уровень территорию всей Тульской области, хотя можно уверенно констатировать, что наиболее значимым субъектом культурной политики в области является именно Ясная Поляна.

Российской культурной практике необходимы масштабные проекты, меняющие ситуацию средствами культуры не на уровне отдельной организации или района, но в более широком, региональном контексте.

ние «Яснополянское соглашение». URL: http://www.yasnayapolyana.ru/yp_soglashenie/Doc/Dogovor.pdf (дата обращения: 28.12.2010).

Можно сказать, что «Пермский проект» стал именно тем долгожданным экспериментом, о котором говорили в среде культурной общественности уже очень давно.

Запуск культурных инноваций в Перми начался не с документов и не с подготовки стратегий, а с запуска проекта Музея современного искусства мирового уровня, который сразу же привлек внимание и в России, и за рубежом. Сначала казалось, что создание одного только музея может стать прорывом для Пермского края и модельной институцией для всей страны, где современное искусство по-прежнему незнакомо большинству соотечественников. Но за музеем последовала целая череда новых инициатив — театр-сцена «Молот», фестиваль «Живая Пермь» и многие другие проекты. Очень органично в череду этих инициатив вписались инновационные начинания министерства культуры Пермского края, стартовавшие ранее, в частности проект «Пермский край — территория культуры» — грантовая программа, поддерживающая начинания в малых, средних городах и даже селах Пермского края. Подтянулись молодые, энергичные люди, стали приезжать российские и зарубежные «звезды», и очень скоро стало понятно, что проекту нужна сформулированная концепция. Концепция как система, позволяющая формировать общее поле понимания

основных целей, задач и принципов культурной политики, реализующейся в Пермском крае. Концепция, позволяющая вовлекать в «Пермский проект» еще более широкий круг самых разных участников и сторонников.

Это название возникло не случайно, поскольку именно проектное действие, создание новых институций, появление новых типов культурной деятельности, спровоцировало появление документа, а не наоборот. Такая последовательность позволила избежать типичной проблемы — отсутствия субъектов, способных реализовывать те положения, которые сформулированы разработчиками. Эта проблема особенно остро ощущается на уровне стратегий социально-экономического развития регионов. Сегодня каждый российский регион имеет стратегию социально-экономического развития, предусматривающую вполне правильные системные шаги на пути к модернизации. Но в реальности часто ничего не происходит, поскольку в существующих управленческих системах нет субъектов, умеющих или способных научиться работать по-новому. Именно этой, наиболее очевидной опасности удалось пока избежать «Пермскому проекту», поскольку в крае уже есть заинтересованные в культурной модернизации управленцы и институции, на которые можно опереться.

Но пермский опыт, безусловно, не ровная череда достижений и успехов. Уже на первом этапе создания музея PERMM и далее, по мере запуска других проектов, у лидеров «Пермского проекта» появилось множество критиков и оппонентов. На примере Пермского края становится очевидным, что культурная политика действительно может становиться пространством политики — т. е. полем столкновения, диалога и урегулирования разных позиций, мнений и подходов.

Новые культурные проекты сталкиваются не только с непониманием со стороны большей части аудитории современного искусства и современной культуры. Как нетрудно было ожидать, противоречие видится между «полезностью» и «духовностью» или культурой и коммерцией.

Проект «Карельская ремесленно-сувенирная сеть» был поддержан в рамках программы Европейского союза «Добрососедство» и предполагал развитие местных ремесленно-сувенирных промыслов в конкретных районах Республики Карелия. Ключевым результатом проекта стало создание сразу нескольких линеек разнообразных современных продуктов, запуск технологии, демонстрирующей эффективность соединения современного дизайнера и народных промыслов. Главной проблемой традиционных ремесел сегодня является неконкурентоспо-

способность продукции, которая не соответствует динамике и стилю нынешней жизни. Залог успеха любого товара сегодня — его «включенность» в современную жизнь: функция дизайнера не в том, чтобы сделать очертания предмета красивыми, а в том, чтобы найти физическое и очень конкретное место товара как элемента интерьера, детали одежды или аксессуара. Не случайно торговые залы магазинов ИКЕА состоят не из полок с однотипными товарами, а из смоделированных комнат, где каждому предмету мебели и каждому аксессуару найдено конкретное место, раскрывающее современный стиль жилища и его хозяина. Изделия народных промыслов, изначально имевшие сугубо практический смысл, сегодня лишились своей главной функции — они не вписаны в ткань сегодняшней жизни, что делает их невостребованными и нерентабельными, хотя еще пару сотен лет назад народные промыслы были весьма прибыльным делом для жителей той или иной территории.

В Карелии разорвать этот порочный круг позволили современное искусство и дизайн. Созданные силами художников и ремесленников продукты соответствуют международным стандартам и ожиданиям как российских, так и зарубежных покупателей. Работа была проведена на территории Беломорского, Кемского и Олонецкого райо-

нов Республики Карелия, а результатом стали симпатичные и современные вещи, которые сегодня продаются в Петрозаводске и пользуются большой популярностью среди туристов. Проект работает не только на ремесленников и развитие малого бизнеса, но и на расширение туристической инфраструктуры Карелии. Как всякое проектное действие, сувенирный проект оказался универсальным — он позволяет решать не только задачи сохранения народной традиционной культуры, но и социально-экономические проблемы.

Сегодня государственная отрасль культуры остается самым консервативным сектором экономики и наиболее архаичной частью общественной инфраструктуры. Но, несмотря на остаточный принцип финансирования отрасли, ее содержание ежегодно обходится налогоплательщикам в миллиарды рублей¹. Эти деньги расходуются прежде всего на поддержание устаревшей и убыточной инфраструктуры, а также на строительство, реставрацию, празднование официальных юбилеев

¹ Расходы на культуру, кинематографию и средства массовой информации в 2010 г. составляли 0,3% ВВП (125,3 млрд рублей), тогда как на образование — 0,9% ВВП, на здравоохранение — 0,8% ВВП. См.: О федеральном бюджете на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг.: федер. закон Рос. Федерации от 12 декабря 2009 г. № 308-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

ев и торжеств¹. Но, в отличие от образования или здравоохранения, широкие общественные дискуссии о необходимости реформ в отрасли культуры так и не были инициированы. Единственными субъектами, озабоченными неэффективностью отрасли, являются министерство экономического развития и министерство финансов РФ, а отнюдь не министерство культуры РФ.

При этом важно понимать, что общество в целом индифферентно к проблемам отрасли культуры. Это связано отчасти с тем, что сложно найти человека, который бы ни разу в жизни не посетил бы поликлинику или не учился в школе, а вот услугами музеев, театров и библиотек пользуется не 100% населения. Согласно опросам ВЦИОМ, каждый пятый россиянин (22%) никогда не был в театре, причем за последние 10–15 лет количество людей, посещающих театры, снижается².

И дело даже не в том, что неверно тратить средства налогоплательщиков на поддержание инфраструктуры, которой пользуется не все на-

селение. Вне зависимости от того, знает ли налогоплательщик о существовании музея Кижии или Российской национальной библиотеки, эти ценности должны сохраняться. Важен вопрос: как изменить ситуацию, когда вместе с сохранением национальных святынь и культурных достижений мирового значения сохраняется еще и тот жизненный уклад, тот образ мыслей и те культурные образцы, которые «тянут» страну назад и тормозят процесс изменений и модернизации? Как сформировать достаточный и широкий круг культурных явлений, которые позволяли бы человеку воспринимать ценности современной эпохи?

Очевидно, что культура и ценности не застывают на месте. Но если сегодняшние ценности и неповторимые черты эпохи не фиксировать в эстетических формах, всю среду ждет неминуемая катастрофа, поскольку именно привлекательные черты сегодняшнего дня заставляют человека время от времени говорить себе: «Как здорово, что я живу здесь и сейчас». Переживания «здесь» и «сейчас» заставляют людей остаться в родном городе, строить семью, заводить детей, создавать бизнес, придумывать новое. Именно уникальность сегодняшнего момента формирует образ будущего. И в этом смысле современная культура сегодня приоритетна по отношению к наследию.

¹ Достаточно вспомнить масштабное и дорогостоящее празднование юбилея А. П. Чехова в 2009 г.

² См.: Сколько в России театралов? [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: официальный сайт. Пресс-выпуск № 933. 2008. 15 апреля. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10009> (дата обращения: 28.12.2010).

Представляется, что проектный подход, современное искусство и принципиальный отказ от отраслевых границ — это те инструменты, с помощью которых можно реализовать возможности культуры для изменения вектора развития современной России. Вопло-

щение в жизнь этих подходов требует иной, сегодняшней и обращенной в будущее культурной политики. Нам нужна «культура сегодня», которая позволит сохранить «культуру вчера», а главное — дать возможность вырасти «культуре завтра».

С. Н. ГАВРОВ

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ: ПАТРИАРХ КИРИЛЛ

Ключевые слова:

Россия, история, патриарх Кирилл, православная церковь, геополитика

Статья посвящена проблеме выбора страны и народа пути своего дальнейшего развития в переломные моменты истории. В такие периоды особенно велика роль личности, которая способна помочь народу сделать верный выбор. По мнению автора, такой личностью на современном этапе развития России является патриарх Кирилл, задачей которого является возвращение к жизни исторической России — Святой Руси.

Еще совсем недавно было удивительно видеть, что вызовы, с которыми столкнулась Россия, велики, а в стране не видно общественных сил и лидеров, которые могли бы ответить на них. Долго не было того, кто может повести за собой народ или хотя бы тех немногих, кого еще можно повести к историческим сверхматериальным целям.

Сегодня появились вожди нации. В светской области государственного строительства — Президент Медведев, провозгласивший: «Россия, Вперед!»¹

¹ См.: *Медведев Д. А. Россия, вперед!* [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2009. 10 сентября. URL: <http://www.gazeta.ru/>

Key words:

Russia, history, Patriarch Cyril, Orthodox Church, geopolitics

The article is devoted to the problem of choice which is made by country and people concerning the direction of further development at a critical time of history. It is outlined that the role of personality capable to help people to make true choice is especially great at such a time. In the author's opinion Patriarch Cyril is such a person at the present stage of Russia development. His task is to recover to life of historical Russia-Holy Russia.

В области церковной жизни — патриарх Кирилл. Этот человек — не только пастырь духовный, которого долго ждала русская земля, он еще производитель исторических смыслов, определяющий, куда именно должно быть направлено идейное, нравственное развитие российского общества. От того, каким будет это направление, зависит сохранение или исчезновение российского государства в истории. В нем живут помыслы религиозные и светские, ведь без сильной, кормящей общество церкви не может быть и дееспособного российского

[comments/2009/09/10_a_3258568.shtml](http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml)
(дата обращения: 14.11.2010).

государства. Православная церковь и российское государство — абсолютно связанные, взаимозависимые и взаимодополняющие величины.

Ничего не бывает в истории без человека. Даже если есть возможность выбора, без лидера нельзя выбрать свой исторический путь. Патриарх Кирилл вступил на патриарший престол тогда, когда выбора почти не было, в ситуации разгрома внешнего — геополитического и внутреннего — духовного и нравственного.

Не преодолев распад внутренних, не преодолеем и внешний, постепенно исчезая, растворяясь на бескрайних просторах Евразии. Для физического выживания огромного государства, простирающегося от Калининграда до Камчатки, сохранения российского мира нужна новая объединяющая и мобилизующая коллективная мечта, завораживающее культурное притяжение нового имперского проекта.

Россия сегодня де-факто является не национальным государством, но усеченным вариантом российской советской империи. Именно в этом противоречии между внутренне имперским характером российского государства и его демократическим национальным обрамлением заключается причина недоговоренностей и удивительных компромиссов в текущей российской политике и государственном строительстве, создание формаль-

ных и неформальных вертикалей власти, изобретение суверенной, управляемой демократии [1, с. 175].

Осознав, что Россия по-прежнему остается империей, пусть и в эпоху упадка, мы автоматически снимаем эти противоречия, получая карт-бланш для проведения эффективной имперской политики. Более того, мы можем перейти от имперского упадка к имперскому возрождению, периоду духовного возрождения, предшествующему новому собиранию имперских земель и народов.

Для российского государства, решившего, что оно государство сугубо национальное, многочисленные народы империи не нужны. Такое государство может только постепенно проваливаться в географию прошлого, до территории, которое оно занимало при Иване Грозном, возможно, и при Иване Калите. Но даже такое маленькое «европейское» государство, с гедонистами-потребителями вместо граждан, просуществует лишь до поры, пока не пришли и не разрушили «потребительский рай» новые варвары.

Сегодня история повторяется с меньшим трагизмом, чем в Смутное время и годы Отечественной войны. Если взглянуть на карту европейской части России, то по исторической аналогии мы находимся примерно в середине июля 1941 г. Еще держатся Смоленск и Ленинград, но танковые колонны вермахта уже вошли в Минск, Вильнюс, Киев...

Начинать историческое контрнаступление следовало в историческом вчера и позавчера. Но мы не были готовы к этому, полагая возможным жить для себя, быть успешными потребителями-гедонистами. Казалось, это только частное дело каждого, а не выбор за чей-то счет. Оказалось, что это был выбор за счет России. Сегодня эта зависимость, этот неравноценный и страшный обмен «демократии и материального благополучия» на саму Россию становятся все более явными. Известный американский историк Ричард Пайнс, не так давно посетивший Москву, прямо говорил о том, что лучше бы России быть поменьше, хотя бы без Сибири, т. к. у россиян не получится эффективно управлять такими территориями¹.

История свидетельствует, что мы можем все. Сейчас настало время исторической, географической, экономической и политической коррекции, возвращения утерянного.

Даже если Кирилл избран провидением, задача превращения «воды в вино», т. е. исторического поражения в победу — невероятно тяжела. Именно задача нашего общего спасения, возвращения к жизни исторической России — Святой

Руси — легла на плечи этого человека.

Большая история, глобальные изменения происходят не в результате случайного выбора. Важное изменение исторического времени не есть и простое следствие среднеарифметического сложения экономических, политических интересов и усилий отдельных акторов мирового и национального хозяйства и политики. Эти повороты во многом вызваны сложением множества духовных волей, сильных и слабых. В трансцендентном смысле они влияют на вариативность божественного помысла в отношении народов.

Молитва об исторической России спасает сегодняшнюю слабую и большую Россию. Есть множественные пути истории, но они лишь вероятностны, не предопределены. Не здесь, но там, в пространстве божественного абсолюта, можно «перевести стрелки» истории на путь возрождения Святой Руси, всероссийского имперского мира.

И тогда путь этого возвращения к национальным истокам, строительство современного, геополитического варианта Святой Руси может стать реальностью. Сила духовного горения материализуется, порождая новый дух времени — дух победы, прорыва, реванша за страшные поражения XX в.

Сегодня мы близки к выходу из Смутного времени. Вспомним, что у наших предков был свой духовный

¹ *Пайнс Р.* Россия — это Европа и в то же самое время анти-Европа. [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия»: официальный сайт. Дискуссион. Старая и новая Россия. 2009. 28 июля. URL: <http://www.liberal.ru/articles/4318> (дата обращения: 14.11.2010).

вождь — патриарх Гермоген, у нас есть патриарх Кирилл. Он — духовный пастырь Святой Руси, он тот, в ком рождается великая любовь, останавливающая смуту и вызывающая к жизни русский мир.

Современникам об этом судить трудно, о событиях, ставших началом новых исторических периодов, судят потом историки. Но можно почувствовать уже сейчас, что с патриаршества Кирилла начинается поворот в исторической судьбе России. Патриарх ощущает недорешенность божественной воли в отношении страны и своим молитвенным бдением и пастырским усердием призывает эту великую волю послать иную, чем сегодня, историческую судьбу для России.

Ведь если невозстановимо гибнет тысячелетнее российское государство, то все народные жертвы в истории оказались напрасны. Напрасно шел Ермак на Восток, а Потемкин в Крым. Напрасно держались Брестская крепость и Сталинград. Напрасно погибали дружинники Александра Невского, ополченцы Куликова поля, гусары наполеоновских войн, солдаты генерала Скобелева, а бойцы Красной Армии вгрызались в землю под Сталинградом и шли в атаки до Берлина... Иными словами, все великие жертвы — жертвоприношения народа в течение более тысячи лет — были бессмысленны, напрасна была сама русская история.

Это не так. Наша история не была напрасна, она заложила фундамент Российского государства особого свойства. Страна построена на коллективном и индивидуальном жертвоприношении. Молоху российского государства по-своему, в меру таланта и понимания, служили Ломоносов и Радищев, Пушкин и Достоевский, Булгаков и Шолохов, Ахматова и ее гонитель Жданов...

В меру своих человеческих способностей миллионы людей, поколение за поколением жили и умирали за Россию, как могли и умели, как кого расставляла на важных или не очень важных местах история.

Страну, построенную на многовековом подвиге и запредельной народной беде, возведенную на фундаменте из крови народной, нельзя разрушить в одночасье. Фундамент государства Российского можно разрушать, но нельзя разрушить, ибо основная толща его — не в привычном нам материальном мире, но в мире запредельном, трансцендентном.

Все во имя державы, все лишь горячий материал для жизни империи. В этой топке имперского идеократического проекта бояре и князья горели нисколько не хуже простолудинов, высшие партийные лидеры — не хуже миллионов крестьян, как сегодня, пусть и в более мягкой форме, свойственной эпохе, горят нарушающие негласные конвенции олигархи.

Но огонь этот впервые стал самодским, тела и души подданных сгорают не во имя империи, но произвольно. Их смерть наступает не столько от водки, наркотиков, бытовой уголовщины и плохих дорог, сколько от ненужности потерявшему себя государству и производящей экономике. А раз «простой» человек или, как говорили в XIX в., «народ», не нужен, то снова живем.

История лишила людей чуть ли не генетически закрепленной возможности жить и служить сильному имперскому государству, при этом их жизнь осталась жертвой, но стала жертвой бессмысленной. Сегодня людям можно дать жизненный смысл, удерживающий их здесь, на земле. Ты нужен народу и государству и не можешь бессмысленно уйти из жизни, ведь твой уход подталкивает к исчезновению весь русский мир.

Патриарх Кирилл скрепляет Святую Русь любовью и верой, неся своим служением этот нутряной и в то же время исторический, запредельный жизненный смысл для миллионов людей в России, Украине, Беларуси.

Кирилл — человек служения. Вспомним, что в империи Романовых основанием жизни общества и государства была идея служения и личной заботы многих о благе

России. Сегодня стремиться к общему благу и спасению во сто крат сложнее, чем сто лет назад. Патриарху неизменно тяжело, но Бог выбирает человека для служения по силам его. Кириллу ноша по силам. Так же, как была она по силам русским старцам, Сергию Радонежскому, патриарху Гермогену...

То, что он сегодня делает — безусловно, подвиг. Но что такое подвиг в русском понимании? Это свершение того, что не возможно по здравому размышлению. Невозможно, но Бог помогает, а человек делает.

В нашем сегодняшнем историческом и культурном положении следует вспомнить стоицизм и даже фатализм античных героев — делай что должно, и будь что будет. Свешьай великое и малое, что дал Бог по силам твоим, делай своим личным усилием мыслимым и возможным то, что казалось до тебя невысмысленным и невозможным.

Вновь возвращаясь к большому историческому повороту, вспомним мандельштамовское: «Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля. Земля плывет. Мужайтесь, мужи...» Какой ценой мы заплатим за этот новый исторический поворот? Для романтиков ответ может быть только один: «Мы за ценой не постоим».

1. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: Изд-во МГУДТ, 2010.

References

1. Gavrov S. N. Modernizatsiya Rossii: postimpersky transit. M.: Izd-vo MGUDT, 2010.

В. А. ГУТОРОВ

НАСЛЕДИЕ И. КАНТА В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Ключевые слова:

Иммануил Кант, современная политическая философия, аксиоматические принципы, философский дискурс

В статье обсуждается влияние идей Иммануила Канта на развитие современной политической философии. Автор, polemизируя с утверждениями ряда зарубежных философов, показывает непротиворечивость и актуальность аксиоматических принципов Канта, а также необходимость переосмысления кантовского наследия современной политической философией.

Со времени смерти Канта и стремительного распространения его идей по всему миру ссылаться на них стало модой. В России эта мода была введена в конце XIX в. русскими неокантианцами, сегодня, после перерыва, длившегося несколько десятилетий, эта мода вновь возрождается. Прошли времена, когда одно упоминание имени немецкого философа нередко вызывало у некоторых российских литераторов довольно язвительные комментарии. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитую «басню» Саши Черного «Ослу образование дали...». И все же, по мере возвращения российской политической мысли в структуру мирового философского дискурса, необходимо вновь оце-

Key words:

Immanuel Kant, modern political philosophy, axiomatic principles, philosophical discourse

Influence of Immanuel Kant's ideas on development of modern political philosophy is discussed in the article. The author arguing the statements of a number of foreign philosophers shows consistency and actuality of Kant's axiomatic principles, as well as necessity of reconsideration of Kant's heritage by modern political philosophy.

нить: какую помощь в этом направлении нам может оказать именно кантианское наследие. В этой связи звучащая несколько ученически тема «Кант и современная политическая философия» представляется нам, тем не менее, вполне актуальной.

Нет необходимости в специальном рассмотрении вопроса о том, что роль немецкого мыслителя в формировании западноевропейской политико-философской традиции оценивалась в XX в. далеко не однозначно, вплоть до возникновения парадоксов, хорошим примером которых является следующий известный тезис Х. Арндт: Кант, более чем кто-либо из философов очертивший конфигурацию совре-

менной философии, «никогда не писал политической философии» [8, р. 21].

И в тот период, когда Х. Арндт написала эти строки, вызвавшие немало комментариев, и сегодня совершенно очевидно, что такого рода суждения относительно исходных интенций политической мысли Канта необходимо отчетливо сопоставлять с тем, что в наши дни понимается под самим понятием «политическая философия». К настоящему времени таких определений уже накопилось столько, что вполне можно позволить себе не цитировать пространно таких классиков, как Д. Роулс, Л. Страусс, К. Шмитт, Ю. Хабермас или та же Х. Арндт, но, следуя известной рекомендации родоначальников кембриджской школы анализа политического языка, обратиться к авторам второго или даже третьего «эшелона». Например, в работе современного французского философа Н. Тензера «Политическая философия» встречается следующее определение: «Политическая философия в том смысле, в котором она претендует называться [именно] политической, является одновременно исследованием путей конституирования политического пространства в рамках демократии (в этом состоит ее тавтологический аспект) и политической мысли, существующей под покровительством государя, т. е. той

самой мысли, которая очевидно является макиавеллистской, но также и спинозистской. Политикой в действительности является решение, направленное на создание, а затем и на сохранение политического пространства. Осуществляя это, она не может постоянно рассчитывать на совершенную делиберативную демократию и должна учитывать страсти, ненависть и отказ от политической дискуссии. Задача политической философии состоит также в том, чтобы определить линию поведения перед лицом такого рода обстоятельств, которые она должна сначала понять для того, чтобы в конце концов постараться их избежать» [13, р. 12].

Данное определение помимо того, что оно является весьма типичным для современной политико-философской традиции, приводится нами еще по одной причине: в том разделе книги Н. Тензера, из которого оно было позаимствовано, обсуждается как раз влияние идей И. Канта на постановку вопроса о роли политического знания в современном философском дискурсе. Если продолжать придерживаться тезиса Х. Арндт о том, что Кант не имел первоначального намерения «писать» политическую философию, неизбежно возникает проблема соотношения философии как универсальной мировоззренческой традиции и политической философии как таковой.

Многим из тех специалистов в области политической философии, которые стремятся четко зафиксировать ее место в структуре политических наук и тем самым подтвердить ее заявку на «высший научный статус», т. е. на роль высшего арбитра по отношению к последним, особенно импонирует изначальное стремление Канта реабилитировать авторитет философии, постепенно ею утрачиваемый в эпоху бурного развития естествознания [2]. Для немецкого философа «единственная возможность вернуть авторитет философии — это доказать научность философского знания» [1, с. 39]. Для реализации этой цели необходимо сформулировать несколько основополагающих вопросов. По мысли философа, «основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом, независимо от всякого опыта» [5, с. 78]. Далее, «какой необходим метод познания, чтобы метафизика могла претендовать на статус научной метафизики» [1, с. 39].

Если смысл философии заключается в том, чтобы научиться правильно мыслить с помощью разума, мыслящий индивид, стремясь приблизиться к истине, должен, в соответствии с классической картезианской формулой, освободиться от ложных идей и предрассудков [13, р. 5]. Такая рефлексивная практика ведет его к мудрости, т. е. к благу,

которые Кант отождествляет, как и Спиноза, со свободой духа. Мудрый человек, причастный к философскому познанию, считается с реальностью, принимая ее такой, какая она есть. Например, он не восстает против смерти или против законов государства в том случае, если он не может их изменить. Мудрость и свобода, становящиеся доступными благодаря философии, являются, таким образом, результатом познания мира. Следовательно, и в хронологическом плане, и с точки зрения самого процесса индивидуального творчества философия является прежде всего философией познания.

Отталкиваясь от трех фундаментальных вопросов, сформулированных Кантом в «Критике чистого разума»: «*Что я могу познать и знать? Что я должен делать? На что мне позволено надеяться?*», можно сделать вывод о том, что первый из этих вопросов, формирующих общую конфигурацию кантовской философии, относится к числу метафизических в плане акцента на природу самого знания и на природу познающего индивида. Антропологический вопрос — *что такое человек?* — также сводится к метафизике [13, р. 6]. В отношении этических и теологических аспектов человеческих поступков (а именно к этой сфере относятся второй и третий из сформулированных Кантом вопросов) следует руководство

ваться тем соображением, что для большинства классических философских систем эти вопросы в равной мере принадлежат к области философии познания и обосновываются следующим образом: моральное сознание существует, можно открыть законы морали, и сама она выводится из фактов или, точнее, из онтологии. Следовательно, в основе действий мудрого человека лежит знание о том, что является справедливым, или это знание вдохновляется, по крайней мере, определенной разумной установкой [13, р. 6]. В рамках такой системы представлений политическая философия не могла не быть результативным следствием философии познания и не находиться в зависимости от моральной философии.

Такой способ аргументации сложился в эпоху античной классики и особенно рельефно представлен в диалогах Платона. Например, классический для многих систем политической философии вопрос о наилучшем государственном устройстве почти всегда формулировался путем ссылки на знание того, что является справедливостью, истинной, благом, лежащими в основе неоспоримого долга или обязательства. Политическая философия в классической, в том числе и в кантовской традиции, апеллирует к внешней причине, результатом которой она и является. Ее цель состоит не столько в том, чтобы способ-

ствовать созданию государства (идеального, «второго по совершенству», «среднего строя» и т. п.) как такового, но чтобы открыть вечные принципы, на которых государственность основывается. В этом смысле политическое философствование является до известной степени актом откровения.

И все же такого рода философская аргументация формировалась на иллюзорном основании. Это получалось вовсе не потому, что невозможно установить априорные принципы для каких-либо общепринятых правил, но потому, что философский политический дискурс находился (как, впрочем, находится и теперь) на заднем плане самой политики. Следовательно, насущный вопрос политической философии состоит в том, что от нее останется, если нельзя дать никаких гарантий высшего порядка и сомнению подвергается наша способность определить благо, справедливость и истину, когда оказывается, по выражению К. Касториадиса, что «мыслить не значит ни выйти из пещеры, ни заменить неопределенность теней резко определенными контурами самих вещей, колеблющийся свет пламени — светом подлинного солнца» [10, р. 7].

Разумеется, начало освобождения политической философии от метафизики было положено благодаря Канту, даже если он сам (и в этом плане Х. Арндт, по-види-

тому, была права) не стремился к завершению этой задачи. Результатом такого «обмирщения» или отклонения от классической традиции стал, однако, возврат к другой традиции, идущей от Макиавелли, которая может быть сведена, с определенными ограничениями, к трем следующим пунктам:

- политическая философия чужда всяким эпистемологическим изысканиям;
- политическая философия свободна от морали;
- политическая философия должна принимать в расчет множественность мнений в качестве фундаментального факта человеческой мысли и деятельности.

Ригоризм подобных принципов, само формулирование которых имеет характер «установки на спор» с классической традицией, основан на так называемой презумпции реальности перед любыми теоретическими конструкциями. Принцип реальности, признание которого не зависит от любого типа рациональности в смысле правильности или, наоборот, неправильности той или иной концепции, является, до известной степени, развитием известной формулы Ницше: любые интерпретации, подменяя факты, не дают достаточных гарантий от глупости или безумия; при столкновении с последними бесполезны и рассудочная аргументация, и сама философия — ответом может быть только

борьба. Бесполезно, например, приводить безумцам, глупцам или своекорыстным олигархам аргументы о преимуществах равенства и демократического строя. Последние необходимо защищать всеми доступными средствами на том только основании, что в демократическом обществе эти ценности разделяет большинство.

При такой постановке вопроса современные философы обычно приходят к различным выводам. Например, Р. Рорти утверждал, что любые философские демарши при таких условиях вообще бесполезны. Другие философы, напротив, выдвигают методологическое правило, основанное на различии между провозглашением принципов политической философии в мире, являющимся демократическим в глобальном измерении, и необходимостью считаться с существованием мира чуждого демократическим ценностям, в котором доминирует анархия и отказ от любой дискуссии. По их мнению, *summa divisio* состоит в том, что эту сторону нашего мира также необходимо включить в философский дискурс со всеми вытекающими из этого последствиями [13, р. 10]. По аналогии с аргументацией Д. Сартори, речь может идти об «удвоенной определенности», т. е. о том, что касается самой политической философии, с одной стороны, и о том, что относится к сфере «чистой политики», — с другой

[12, р. 39sq]. В рамках такой дилеммы политическая философия как бы расщепляется на два типа аргументации: обоснование универсальных принципов демократического порядка, неотделимого от свободы духа, без которого философия не может существовать, и определение тех морально-политических обязательств, которые необходимо на себя брать в том случае, когда над свободой нависает угроза. Обоснование методов борьбы возвращает философа к макиавеллизму, т. е. к разработке подходящей к случаю и месту «философии войны» с неизбежными «размышлениями о насилии», о восстании, гражданском неповиновении, революциях и т. д.

Оба типа действия являются политическими в том смысле, что их носители вдохновляются соответствующими государственными идеалами. Вместе с тем насилие, ложь и обман имеют значение только как политические мотивы и не могут быть детерминированы философски. Такой тип политического мышления, никак не связанный с любовью к мудрости, некоторые ученые склонны называть «антифилософией» [13, р. 11]. Под ним подразумевается метод рассуждения, выходящий за пределы круга дискуссии цивилизованных людей. Проблема (или, скорее, парадокс) состоит в том, что такая антифилософия неизбежно становится принудительным элементом (нередко

важнейшим) философского дискурса, коль скоро существуют реальные факторы, угрожающие цивилизации не только извне, но грозящие взорвать ее и изнутри.

Для современной философии политики вопрос ставится так: следует ли избегать или каким-либо образом преодолевать дилемму, обозначенную, с одной стороны, К. Шмиттом, определявшим политику как область противоборства «друзей и врагов», а с другой, — Ю. Хабермасом, основывающим политику на «этике коммуникации» или «коммуникативных ценностях».

Во второй половине XX в. такая постановка вопроса становится особенно наглядной. Например, она была выдвинута на передний план К. Лефором, унаследовавшим ее от М. Мерло-Понти. Ее суть, в конечном итоге, заключается в том, что не существует таких отклонений, пользуясь которыми человеческая мысль может узурпировать право на историческую истину и мгновенно решать — что является истинным или ложным, реальным или иллюзорным, легитимным или нелегитимным. Одним из примеров такого рода заблуждения К. Лефор считает конструирование в различных системах политической философии того, что он называет «воображаемым наглядным обозначением основания достоверности» [11, р. 53].

Без таких построений не обходится в настоящее время большинство систем политико-философской аргументации, основанных на принципе, следующим образом сформулированном К. Лефором: «Вне ображаемых возможных оснований никакой теоретической системы» [11, р. 53]. Аналогичный подход проявляется и в роулсовском «покрывале неведения», за которым несоциализированные индивиды будут принимать решения относительно того, какими должны стать контуры справедливого общества, и в виртуальной истинности коммуникативного сообщества Ю. Хабермаса.

Подобный подход, вовсе не противоречащий кантовскому¹, Н. Тензер называет «ороговением мысли», которая ограничивается одной стороной реальности и, следовательно, может пренебрегать действительностью в защите дела философии. <...> Помимо того, такая философия скрывает размеры произвольности политики и, в частности, тот факт, что она основывается на выборе, который никоим образом не является следствием диктата. Разумеется, не всегда имеется выбор в рамках демократии, но фактически всегда существует неограниченный выбор в политике» [13, р. 12].

Столь характерный способ обоснования статуса современной по-

литической философии не может не затрагивать важнейшей в философии Канта проблемы морального выбора, обозначенной вопросом: *что я должен делать?* В приведенном выше контексте этот вопрос выглядит так: *какие коллективные предпочтения и какой политический порядок я должен защищать?* Подобные вопросы превращают политическую философию в разновидность философии моральной, т. е. той «философии общих мест», которая совпадает с коллективными целями гражданского общества². Эти общие места, связанные с коллективным этосом (обычаями и нравами народа) и коллективным сознанием, не составляют содержание философии, но влияют на характер постановки принципиальных философских вопросов и, следовательно, на ее метод. Иными словами, философия невозможна вне коммуникации с «другим», но равным образом она невозможна, если нарушается принцип непротиворечивости мышления, затрагивающий, по Канту, и нравственную сторону поведения, выраженную им в известном категорическом императиве. Последний может быть истолкован и следующим образом: невозможно высказывать общее правило, не допуская при этом возможности появления противоречия, ведущего к причинению зла самому

¹ См. подробнее: [3, с. 58].

² См. подробнее: [6, с. 7–8, 61].

себе. Именно этот аспект кантовского императива имела в виду Х. Арендт, когда отмечала, что у Канта речь идет о политическом принципе, поскольку здесь уже присутствует необходимое следствие — принцип публичности. Ведь выход за пределы публичной сферы является характеристикой [морального] зла [8, р. 80].

Комментируя данное место у Х. Арендт, Н. Тензер выстраивает свои критические замечания так, чтобы «преодолеть» традицию кантовской аргументации. «Только непротиворечивые максимы, — пишет он, — могут быть публичными, в то время как максимы частного порядка могут быть противоречивыми, поскольку никакая дискуссия не может ни воспрепятствовать им, ни привести их в замешательство. В этом смысле политика не состоит в простом расширении индивидуальных правил, но влечет за собой изменение природы этих правил: они, становясь публичными без того, чтобы стать по необходимости универсальными (именно это уточнение составляет разрыв с кантианством), создают коммуникацию между множеством личностей и от этого начала согласия рождается организация» [13, р. 14–15].

Следует отметить, что в 1970-е гг. довольно близкая трактовка «разрыва» современной политической философии с кантовской традицией уже встречалась и в аргу-

ментации Д. Буханана, изложенной им в работе «Пределы свободы. Между анархией и Левиафаном». Публичность как принцип, утверждает он, содержит в себе очевидное противоречие, поскольку многие аспекты социального взаимодействия «организованы анархическим образом» [9, р. 118]. Это «означает, что наблюдаемое упорядоченное поведение зависит в критическом плане от взаимного признания всеми общественными группами определенных неформальных предписаний» [9, р. 118]. Жизнь в обществе была бы невыносимой, если бы формальные правила требовались повсюду в любых сферах общественной жизни, в которых межличностные отношения чреваты конфликтами. Человек, живущий в соответствии с кантовским «принципом обобщения», постоянно сталкивается с дилеммой выбора. «Его узко ориентированный эгоистический интерес может предписывать ему отходить от образцов поведения, в основе которых лежит высший этический стандарт» [9, р. 118]. По мере того как число таких индивидов увеличивается, те, кто придерживается моральных правил, могут почувствовать, что они подвергаются эксплуатации. Как только критический предел оказывается преодоленным, моральные стандарты деградируют все быстрее и быстрее. Тогда начинает казаться, что формальные законы уже не предусмат-

ривают процедур принуждения [9, р. 118–119].

Доказывает ли такая характеристика противоречивости публичности ошибочность кантовской аксиоматики, в равной степени основанной как на категорическом императиве, так и на постулированном немецким философом идеальном состоянии общественности, в котором «свобода при ее подчинении внешним законам в наибольшей степени связана с необоримой властью»? [4, с. 95]. С нашей точки зрения, нет.

В современной философской литературе в самой приверженности Канта аксиоматическим принципам (что, как уже отмечалось выше, вообще свойственно классической традиции политической философии) нередко усматривают если не старомодность, то недостаточное понимание «духа времени», в которое он жил и творил. Например, Ю. Хабермас в своем курсе лекций «Философский дискурс о модерне» явно воспринимает противоречия в интерпретации и реинтерпретации наследия Канта в том, что философ в неполной, с его точки зрения, форме воплотил основные интенции модерна. «Кант, — отмечает он, — выразил мир модерна в некоем мыслительном построении. Впрочем, это означает только, что в его философии, как в зеркале, отражаются су-

щественные черты века, но отнюдь не то, что Кант постиг модерн как таковой. Только ретроспективно Гегель смог понять философию Канта как решающее самоистолкование модерна; Гегель намеревался распознать, что остается упущенным в этом наиболее отрефлектированном выражении времени: Кант не приемлет дифференциации внутри разума, формального деления в культуре, вообще он против разведения этих сфер, если оно приобретает *качество* разрывов. Поэтому Кант игнорирует потребность, обусловленную делениями в соответствии с принципом субъективности» [7, с. 19–20].

Трудно утверждать, чем больше руководствуется Ю. Хабермас в своих критических замечаниях: приближается ли он к тем, кто, подобно Д. Буханану и Н. Тензеру, пытается «преодолевать Канта», следуя духу постмодерна, во имя истины высшего порядка и т. п., или же, наоборот, стремится к поиску дополнительных аргументов, призванных вновь утвердить классическую традицию, наследником которой, по мнению многих, является и он сам. По крайней мере, нам представляется ясным только одно: политическая философия на сегодняшний день находится на такой стадии эволюции, в рамках которой «преодолеть Канта» возможно только солидаризируясь с ним.

1. Волков В. А. Идея политики в немецкой классической философии. И. Кант, И. Г. Фихте. СПб., 2001.
2. Волков В. А. Методологические основания разрешения социальных конфликтов // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 88–94.
3. Гуторов В. А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции // Полис. 2001. № 1.
4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994.
5. Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3.
6. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
8. Arendt H. Juger, Sur la philosophie politique de Kant. Paris: Le Seuil, 1991.
9. Buchanan J. M. The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. Chicago; L., 1975.
10. Castoriadis C. Les carrefours du labyrinthe. Paris, 1978.
11. Lefort C. A. La democratie à l'oeuvre. Edition Esprit, 1993.
12. Sartori D. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey, 1987.
13. Tenzer N. Philosophie politique. Paris, 1994.

References

1. Volkov V. A. Ideya politiki v nemetskoj klassicheskoj filosofii. I. Kant, I. G. Fihte. SPb., 2001.
2. Volkov V. A. Metodologicheskie osnovaniya razresheniya sotsialnyh conflictov // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 2. S. 88–94.
3. Gutorov V. A. Filosofiya politiki na rubezhe tysyacheletiy: sud'ba classicheskoy traditsii // Polis. 2001. № 1.
4. Kant I. Ideya vseobschey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane // I. Kant. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykah. M., 1994.
5. Kant I. Soch. M., 1964. T. 3.
6. Koen D. L., Arato E. Grazhdanskoye obschestvo i politicheskaya teoriya. M., 2003.
7. Khabermas Yu. Philosophsky diskurs o moderne. M., 2003.
8. Arendt H. Juger, Sur la philosophie politique de Kant. Paris: Le Seuil, 1991.
9. Buchanan J. M. The Limits of Liberty. Between Anarchy and Leviathan. Chicago; L., 1975.
10. Castoriadis C. Les carrefours du labyrinthe. Paris, 1978.
11. Lefort C. A. La democratie à l'oeuvre. Edition Esprit, 1993.
12. Sartori D. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey, 1987.
13. Tenzer N. Philosophie politique. Paris, 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопов Сергей Владимирович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы

Доцент кафедры политологии
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

Витковская Татьяна Борисовна

Пермь
Институт философии и права УрО РАН

Младший научный сотрудник
Кандидат политических наук
lappanata@gmail.com

Гавров Сергей Назипович

Москва
Российский институт культурологии
Ведущий научный сотрудник
Доктор философских наук
gavrov64@mail.ru

Горшков Александр Сергеевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Ректор
Доктор педагогических наук, профессор
szags@szags.ru

Гуторов Владимир Александрович

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный
университет
Заведующий кафедрой теории и философии
политики
Доктор философских наук, профессор

Akopov Sergey Vladimirovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Politology
Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

Vitkovskaya Tatyana Borisovna

Perm
Institute of Philosophy and Law of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
Junior Researcher
Ph. D. in Political Sciences
lappanata@gmail.com

Gavrov Sergey Nazipovich

Moscow
Russian Institute of Culturology
Leading researcher
Doctor of Philosophy
gavrov64@mail.ru

Gorshkov Alexander Sergeevich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Rector
Doctor of Pedagogical Science, Professor
szags@szags.ru

Gutorov Vladimir Alexandrovich

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg State University
Head of the Chair of Politic Theory
and Philosophy
Doctor of Philosophy, Professor

Вице-президент Российской ассоциации
политической науки
teorpolit@mail.ru

Дука Александр Владимирович

Санкт-Петербург
Социологический институт РАН

Заведующий отделом социологии власти
и социального контроля
Кандидат политических наук
a_duka@mail.ru

Евсеева Алла Вячеславовна

Саратов
Адвокатская палата Саратовской области
Помощник президента палаты
apsopom@mail.ru

Зеленцова Елена Валентиновна

Москва
Академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Директор центра региональных исследований
факультета государственного управления
Кандидат культурологии
lz@creativeindustries.ru

Капустина Людмила Борисовна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Профессор кафедры культурологии и русского
языка
Доктор философских наук, профессор
lkapline@inbox.ru

Каранатова Лариса Геннадиевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы

Vice-President of the Russian Association of
Political Science
teorpolit@mail.ru

Duka Alexander Vladimirovich

Saint-Petersburg
Sociological Institute of the Russian Academy
of Sciences

Head of the Department of Sociology of Power
and Social Control
Ph. D. in Political Science
a_duka@mail.ru

Evseeva Alla Vyacheslavovna

Saratov
Chamber of Lawyers of Saratov region
Assistant of Chamber President
apsopom@mail.ru

Zelentsova Elena Valentinovna

Moscow
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Director of the Center of Regional Researchers
of the Faculty of Public Administration
Candidate of Culturology
lz@creativeindustries.ru

Kapustina Ludmila Borisovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Professor of the Chair of Culturology and Russian
Language
Doctor of Philosophy, Professor
lkapline@inbox.ru

Karanatova Larisa Gennadyevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Директор центра повышения квалификации государственных и муниципальных служащих Института дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих

Кандидат экономических наук, доцент
karanatova@mail.ru

Краснолуцкий Геннадий Николаевич

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной службы

Доцент кафедры политологии

Кандидат философских наук, доцент
polit@szags.ru

Макаров Иван Иванович

Санкт-Петербург

Комитет по взаимодействию с органами местного самоуправления Ленинградской области

Консультант

makarov426@gmail.com

Песковец Иван Дмитриевич

Санкт-Петербург

Северо-Западная академия государственной службы

Аспирант кафедры международных отношений

peskovets@mail.ru

Савельев Виктор Васильевич

Москва

Российская академия государственной службы при Президенте РФ

Профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений

Доктор философских наук, профессор
saveliev@hotmail.ru

Сандомирская Ирина Кямаловна

Выборг

Director of the Center for Professional Improvement of Public Servants of the Institute of Additional Professional Education for Public and Municipal Servants

Ph. D. in Economics, Associate Professor
karanatova@mail.ru

Krasnolutsky Gennadiy Nikolaevich

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Political Science

Candidate of Philosophy, Associate Professor
polit@szags.ru

Makarov Ivan Ivanovich

Saint-Petersburg

Committee on interaction with local governments of the Leningrad Region

Consultant

makarov426@gmail.com

Peskovetz Ivan Dmitrievich

Saint-Petersburg

North-West Academy of Public Administration

Post-graduate student of the Chair of Foreign Relations

peskovets@mail.ru

Saveliev Viktor Vasilyevich

Moscow

Russian Academy of Public Administration under the President of Russian Federation

Professor of the Chair of National, Federative and International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
saveliev@hotmail.ru

Sadomirskaya Irina Kyamalovna

Vyborg

Выборгская таможня
 Главный государственный таможенный инспектор
 отдела товарной номенклатуры и происхождения
 товаров
 SANDOM69@mail.ru

Vyborg Customs
 Chief HM Inspector of Taxes of the Department
 of Commodity Nomenclature and Origin of Goods
 SANDOM69@mail.ru

Старовойтов Александр Александрович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Заведующий кафедрой административного права
 Доктор юридических наук, профессор
 Декан юридического факультета
 Admpravo@szags.ru

Starovoitov Alexander Alexandrovich
 Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration

Chief of the Chair of Administrative Law
 Doctor of Juridical Sciences, Professor
 Dean of the Juridical Faculty
 Admpravo@szags.ru

Филиппов Герман Григорьевич

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Заведующий кафедрой философии
 Доктор философских наук, профессор
 filosof@szags.ru

Philippov Guerman Grigoryevich
 Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration

The Head of the Chair of Philosophy
 Doctor of Philosophy, Professor
 filosof@szags.ru

Чирикова Алла Евгеньевна

Москва
 Институт социологии РАН
 Главный научный сотрудник сектора
 исследования личности
 Доктор социологических наук
 Chirikova_a@mail.ru

Chirikova Alla Evgenyevna
 Moscow
 Institute of Sociology of the Russian Academy
 of Sciences
 Chief Researcher of the Sector of Personality
 Investigations
 Doctor of Sociological Sciences
 Chirikova_a@mail.ru

Шляпентох Владимир Эммануилович

Ист Лансинг, Мичиган, США
 Мичиганский университет
 Профессор Мичиганского университета
 Доктор экономических наук, профессор
 shlapent@msu.edu

Shlapentokh Vladimir Emmanuilovich
 East Lansing, Michigan, USA
 Michigan University
 Professor of Michigan University
 Doctor of Science (Economics), Professor
 shlapent@msu.edu

Шпекторенко Игорь Валентинович

Днепропетровск, Украина

Shpektorenko Igor Valentinovich
 Dnepropetrovsk, Ukraine

Днепропетровский региональный институт государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

Доцент кафедры философии, социологии и государственного управления

Кандидат исторических наук, доцент
igor3101@ukr.net

Dnepropetrovsk Regional Institute of Public Administration of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

Associate Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Public Administration

Ph. D. in History, Associate Professor
igor3101@ukr.net

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Уважаемые авторы!

Для публикации в журнале Северо-Западной академии государственной службы «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

Позиция авторов публикуемых в журнале статей может не совпадать с точкой зрения учредителя, редколлегии и редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы статей.

Представляя свои материалы в редакцию, авторы передают издателью авторское право на их публикацию в журнале. Публикуются только те рукописи, которые нигде ранее не публиковались. Редколлегия журнала имеет право сокращать или

снимать с публикации поданный материал.

Редакция не вступает в переписку с авторами и не гарантирует возвращение не заказанных ею рукописей и иллюстративного материала.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи;
 - рецензию, содержащую обоснованную рекомендацию к опубликованию статьи и заверенную подписью и печатью.

2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является положительная рекомендация двух рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - аннотациями на русском и английском языках, раскрывающими основное содержание статьи (не более 400 знаков с пробелами каждая);
 - ключевыми словами (не более 100 знаков с пробелами каждая) на русском и английском языках.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:

- инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе (-ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - расстановка переносов не применяется;
 - все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
 - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, на-
бранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
 - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - маркированный список пунктов начинается только в виде тире.
5. Оформление ссылок:
- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 — 2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска*. Области библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.

6. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *tiff или *jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Савельев Виктор Васильевич
Москва
РАГС при Президенте Российской Федерации

Профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений

доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004. 740 с.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

— *монографии:*

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

— *статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

— *публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

— *статьи в научных журналах:*

Муази Д. Эмоциональное измерение глобализации // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 68–75.

— *статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

— *правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

— *архивные документы (при первой ссылке указывается полное*

наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

— *электронные ресурсы:*

Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23alqaeda/> (дата обращения 20.09.2008).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста):
(табл. 2).

- 5 **A. S. GORSHKOV.**
To Form a New Quality of Power

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 15 **A. A. STAROVOITOV**
On the Problem of Constitutional Character of Administrative Reform
- 26 **I. I. MAKAROV**
Administrative and Territorial Arrangement of the System of Local Self-administration of Leningrad Region
- 37 **I. V. SHPEKTORENKO**
The Term "Professionalism" in Modern Political and Administrative Discourse

POLICY AND A LAWFUL STATE

- 48 **A. V. DUKA**
Conceptual basis of power elite studies
- 63 **V. E. SHLAPENTOKH**
On Influence of Elites on Value Structure of Russians
- 77 **A. E. CHIRIKOVA**
On the Concept of "Elite": is there any Way out of the Deadlock of Definitions?
- 89 **G. N. KRASNOLUTSKY**
Political Alternative of Russia: Elitism or Elitarism?
- 100 **T. B. VITKOVSKAYA**
Local Political Elite in Conditions of Public Transformations
- 112 **G. G. PHYLIPPOV**
Modern Management Systems. Classification of the Technologies of Social Manipulation
- 123 **S. V. AKOPOV**
Main Approaches to Construction of Political Community in the Era of Globalization
- 135 **I. D. PESKOVETZ**
Regulated Multipolarity as a Model of a Perspective System of Global Strategic Stability

POWER AND ECONOMY

- 145 L. G. KARANTOVA**
Foreign Models of State Order Management: Issues of Theory and Practice
- 161 I. K. SANDOMIRSKAYA**
Regional Aspects of Sustainable Development
- 170 A. V. EVSEEVA**
Legal Aspects of Establishment and Development of Agroindustrial Complex in Russian Federation

SOCIETY AND REFORMS

- 178 L. B. KAPUSTINA**
Paradoxes of “Glocal Cultures”: Globalization in Economy, Politics and Culture
- 190 V. V. SAVELYEV**
On the Transition to National and Cultural Vector of Domestic Policy
- 201 E. V. ZELENKOVA**
Culture as Ultimo Ratio for Russia
- 213 S. N. GAVROV**
The role of personality in history: the Patriarch – Cyril

HISTORY AND CULTURE

- 218 V. A. GUTOROV**
I. Kant Heritage in the Structure of Modern Political Philosophy

2011. № 1 (41)

**УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ
КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Научно-практический журнал Северо-Западной
академии государственной службы

Выходит четыре раза в год

Все статьи рецензируются

Редакторы С. В. ТАИРОВА, В. А. ПЯТЕНКО

Аннотации статей и перевод
на английский язык Е. Н. СТАНКОВА

Корректор ХАЛИТОВА Ю. В.
Дизайн обложки и верстка НЕНАХОВОЙ Н. Б.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Сдано в набор 14.02.2011 г. Подписано к печати 14.03.2011.

Формат 70×100/16. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 15. Тираж 650 экз.

Заказ № 2092

Цена свободная

Издание зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Комитета Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации СМ 4 № П-2046 от 10 июля 1996 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ
выполнен ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел.: (812) 235-15-86, e-mail: manager_nestor@bk.ru